

18+

ОВЫЙ ПЕРЕВОД

ИГЕЛЬ де СЕРВАНТЕС

ДОН КИХОТ
ТОМ
2
Ламаиичский

ПЕРЕВОД
АЛЕКСЕЯ КОЗЛОВА

Мигель Сервантес
Дон Кихот Ламанчский. Том 2

«Издательские решения»

Сервантес М. д.

Дон Кихот Ламанчский. Том 2 / М. д. Сервантес —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-679051-3

Новый адаптированный перевод Алексея Козлова второго тома бессмертного романа Мигеля де Сервантеса «Дон Кихот Ламанчский». Уязвлённый подделкой продолжения своего романа таинственным Авельянедой, Мигель де Сервантес всего за год создаёт и издаёт вторую часть своего романа, в котором фанатически увлечённый и, видимо, не очень психически здоровый идалго по имени Дон Кихот вместе с оруженосцем Санчо отправляются в очередной поход против кривды в корыстном, буржуазном обществе.

ISBN 978-5-00-679051-3

© Сервантес М. д.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие к Читателю	6
Посвящение Графу Лемосскому	9
Глава I	10
Глава II	18
Глава III	22
Глава IV	28
Глава V	32
Глава VI	37
Глава VII	41
Глава VIII	46
Глава IX	51
Глава X	54
Глава XI	61
Глава XII	66
Глава XIII	71
Глава XIV	76
Глава XV	84
Глава XVI	86
Глава XVII	93
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Дон Кихот Ламанчский Том 2

Мигель де Сервантес

Переводчик Алексей Борисович Козлов

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

© Мигель де Сервантес, 2025

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2025

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-9051-3 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-4713-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к Читателю

Видит Бог, и с какой радостью ты, должно быть, ждёшь сейчас, о, Препрославленнейший Читатель или любой бедный простолюдин, оглашения этого предисловия, полагая, что найдёшь в нем мечь, ссору и оскорбления автора второго, поддельного, подковёрного и извращённейшего Дон Кихота, который, как говорится, зачат в Тордесильясе, а на свет выполз в Таррагоне! Ибо, поистине, я бы ни при каких обстоятельствах не доставил тебе такого удовольствия; поскольку даже если обиды и пробуждают гнев в самых тихих и богобоязненных сердцах, в моём случае это правило является исключением. Ты хотел бы, чтобы я отдал ему честь осла, наглеца, глупца или дерзкого мальчишки, и так бы его и назвал, но мне претит пускать в голову такую мысль – во что бы то ни стало покарать его за его грех и сожрать вместо горбушки, а там будь что будет. Что я не мог не почувствовать, и что поневоле по-настоящему задело меня, так это то, что он подметил мою старость и немощь, как будто это в моих силах было по мановению волшебной палочки остановить время, чтобы оно обошло меня стороной, или если бы моя слабость родилась в какой-нибудь таверне, за обоюдной кружкой вина и пьяным увечьем, а не в самом высоком событии, которое видели прошедшие века, нынешние и будущие, и каких никому не дано увидеть в грядущем. Если мои раны бросаются в глаза тому, кто на них смотрит, и не красят меня, они наверняка будут оценены, по крайней мере, в глазах тех, кто знает, где и как они были получены и знают, что солдат скорее выберет умереть в бою, чем остаться свободным, но спасаясь бегством; и это во мне так было всегда, и если бы сейчас мне предложили обрести невозможное и вернуть невозвратимое, я бы выбрал путь снова повторить тот удивительный поход, в котором я участвовал и получить свои раны, нежели остаться дома и не участвовать в нём. Звёзды, которые солдат демонстрирует на лице и груди, – это звёзды, которые ведут на небеса чести и желания заслуженной славы, и я должен был предупредить, что это понимание пришло ко мне не с седыми волосами, а с зрелостью, которая обычно приходит с опытом. Я также почувствовал, что он называет меня невежественным завистником и, как самому невежественному пеньку, объясняет мне, в чём было моё невежество; что на самом деле из двух видов засити, которые существуют, я знаю только одну – святую, благородную, одновременно благонамеренную и стойкую зависть, во всём устремлённую к добру и благу; и, поскольку это так, как есть, я не смогу найти в себе силы преследовать ни одного священника, и более того, если он вдобавок свил гнездо в Священном Трибунале, и если он сказал это от имени того, от кого, как ему кажется, он это сказал, он обманулся во всем и пребывает в заблуждении: ибо насамом деле я до глубины души влсхищаюсь его остроумием, восхищаюсь делами и непрерывными и добродетельными его занятиями. Но на самом деле я благодарен этому господину автору за то, что он сказал, что мои романы скорее сатирические, чем образцовые в назидании, но они на самом деле хороши, и не могли бы быть таковыми, если бы в них не было всего этого. Мне кажется, что ты, о дражайший мой читатель, не в меру расслабился, когда говоришь мне, что я слишком ограничен в своих мстительных порывах, и что чрезмерно сдержан в рамках своей скромности, и зная, что скорбящему, как правило, не воздаётся даже элементарного сочувствия, а как я вижу, огорчение у этого господина, несомненно, велико, потому что он даже кончиком своего кривого носа не осмеливается показаться в открытом поле и при ясном небе, прикрывая своё имя, притворяясь чужой родиной, как будто он совершил какое-то кровосмесительное преступление, предательство или ещё чего хуже против Его Величества. Если, конечно случайно, мой дорогой читатель, ты познакомишься с ним поближе, скажи ему от меня, что я не в обиде, и что я хорошо знаю, что такое искушения дьявола, и что одно из величайших искушений дьявола – дать человеку понять, что он может написать и напечатать книгу, которая принесет ему столько же славы, сколько и денег, и сколько денег,

столько и славы; и в подтверждение этого я хочу, чтобы ты в своем добром даре и благодати рассказал ему эту историю:

«Как-то раз в Севилье обрелся один сумасшедший, который нёс самую смешную пургу и помешался на теме, до которой не дойдёт фантазия ни одного сумасшедшего в мире. И вот до чего додумался этот негодяй – было так, что он сделал из заострённой на конце тростниковой тростинки дудочку, и, когда он ловил в округе какую-нибудь собаку, неважно где, либо на улице или где-нибудь ещё, одной ногой он прихватывал её заднюю ногу, а другой рукой поднимал её переднюю лапу, и, как только ему удавалось ухитриться, он вставлял дудочку в ту часть тела собаки, которая... и дуя в неё, он превращал пса в круглый шарик, типа мяча; и, если ему очень везло, он дважды хлопал того по животу и отпускал, говоря окружающим, которых всегда было до одури много: „Додумаются ли ваши милости, что теперь не составит труда даже собаку надуть?“»

Не подумает ли ваша милость теперь, что писать книгу – это лёгкая работа и писание не составит труда? Что ж... Если эта история ему не понравится, ты сможешь рассказать ему, о, мой благосклонный и преданный друг читатель, другую историю, которая тоже о сумасшедшем и тоже о собаке:

«В Кордове жил да был ещё один сумасшедший, у которого был обычай, или лучше сказать пристрастие таскать на голове изрядный кусман мраморной плиты или увесистый булыжник, вывернутый из мостовой, и когда он натёкался на какую-нибудь неосторожную бродячую паршивую псину, он незаметно, медленно и тихо подкрадывался к ней и со страшным воем сбрасывал свой смертельный груз со своей головы. Представляете, как нравилось это собаке, когда она убегала от него, издавая лай и вой, и не могла остановиться, пробегая целых три улицы кряду. И как-то случилось так, что среди собак, на которых этот псих выгрузил груз, была одна собака с фермы, которую очень любил её владелец. Пёс на секунду оборвал пение, потом истошно завыл, потому что каменюга ударила его прямо по голове, и испуганный пёс устроил такой концерт, что его истошное пение дошло до его хозяина, который недолго думая, схватил полный аршин и бросился на сумасшедшего, в результате чего так отходил его со всех сторон, что у того не осталось ни одной здоровой кости; и на каждой палке, которую доставалась сумасшедшему, было написано: «Собака-вор, с моей гончей так? Разве ты не видел, тварь, что это была моя гончая псина?» И, повторив ему имя гончей много раз, послал по полусмерти избитого сумасшедшего пинком восвояси. Безумец, наглядно получив такой изумительный урок, удалился, и более месяца не показывался на площади; по прошествии же этого времени он вернулся со своим изобретением и с ещё большим грузом на голове. Теперь он каждый раз тихохонько подкрадывался к очередной собаке и, внимательно оглядев её, перетапывался с места на место, и не решаясь швырнуть камень, всё время повторял:

«Это гончая! Может, не надо! И так, воздержимся!»

В итоге всех собак, с которыми он отныне сталкивался, неважно, был ли это дог или дворняжка, он называл «гончими»; и поэтому камень в псину предпочитал не бросать...

Возможно, такая удача может случиться с этим историком: он не посмеет больше отпустить добычу своего остроумия в своих книгах, которые, будучи плохими, при том тяжелее камней. Скажите ему также, что как бы он мне ни грозил, что он лишит меня прибыли своей книгой, и я не получаю ни гроша, в свою очередь, эта угроза сама ничего не стоит, и что, соглашаясь облечься в знаменитую интермедию из Перенденги, эту обязательную закуску шалопаев, я отвечаю ему, что да здравствует Двадцать четвертое число, милорд, и Христос со всеми. Да здравствует великий граф Лемосский, чья хорошо известна христианская и человеколюбивая позиция, чья щедрость превозносима наделёнными, несмотря на все неудачи моего недолгого состояния, и он поддерживает меня, как может, и да здравствует величайшее милосердие самого просвещенного чела из Толедо, дона Бернардо де Сандовалья-и-Рохаса., и даже если бы в мире не было никаких типографий, и даже если бы они были напечатали против меня больше

книг, чем букв в куплетах Минго Ревульго. Эти два принца, не требуя от меня ни лестии, ни каких-либо других похвал и благодарностей, исключительно по своей доброте взяли на себя задачу оказать мне милость и благосклонность; и в этом я оказался более осчастливлен и богат, чем если бы удача обычным кривым путём привела меня на их вершину. Честь может быть и у бедного, но никак не у порочного; бедность может лишить благородства, задавить его, скрутить, но никак не избавить от него полностью; но поскольку добродетель проливает свет сквозь щели нищеты, шлёт лучи даже несмотря на лютую бедность низших, тот таким образом она становится достоянием высоких и благородных умов и добивается их уважения и почитания, и, следовательно, дарит благоприятие всем сущим. И не говори никому и тем более мне ничего больше, любезный мой читатель. и я не хочу говорить тебе ничего больше, но предупреждаю тебя, чтобы ты учитывал, что эта вторая часть Дон Кихота, которую я предлагаю тебе, вырезана тем же мастером и из того же сукна, что и первая, и что в ней я даю тебе Дон Кихота живого, распятого и, наконец, мертвого и погребенного, дабы никому и в голову не пришло говорить, что он видел то-то и то-то, и никто никогда не осмелился предъявить ему новых свидетельств жизни героя, ибо прошлых больше чем нужно, а также достаточно того, что честный человек честно сообщил о его незаметных глупостях, не желая снова вникать в них: что изобилие деталей, даже хороших, заставляет праздных не ценить их, а нехватка деталей пусть плохих, но уместных, не может быть не оценена благодарными. Забудь, что я просил тебя подождать с Persiles, её я уже заканчиваю, и не торопи со второй частью «Галатеи»!

Автор

Посвящение Графу Лемосскому

Посылая Вашему Превосходительству на днях мои комедии, которые, насколько я помню, были скорее напечатаны, чем представлены на сцене, я сказал, что Дон Кихот вознамерился вдеться в шпоры, чтобы поспешить целовать руки Вашему Превосходительству. А теперь я смею утверждать, что он уже обул их и отправился в путь, и если он исполнит своё намеренье и доберётся-таки туда, куда нужно, я буду в полном восторге. Похоже, этим я окажу Вашему Превосходительству некоторую услугу, потому что Вы – главный из бесконечного множества просителей, умоляющих меня прислать мою книгу, чтобы избавиться от хамства и тошноты, вызванных «другим» Дон Кихотом, который, под именем второй части, переделся в ворованные наряды и, стуча копытами, покатился по земному шару. Но тот, кто проявил наибольшее желание узреть сие чудо, так это, как ни странно, великий Китайский император, потому что месяц назад на китайском языке он написал мне письмо с просьбой или, лучше сказать, с требованием прислать Дон Кихота, потому что он вознамерился основать школу, в которой школяры будут читать на испанском языке, и он хотел, чтобы я написал ему книгу, по которой не стыдно учить кого угодно, и это должна быть история Дон Кихота. Вместе с тем он просил меня стать ректором такого колледжа. С трепетом я спросил курьера, не предоставило ли Его Величество для меня какой-нибудь материальной помощи. Он ответил мне, что даже и не думал об этом.

«Ну, брат, – ответил я ему, – тогда вы можете смело поспешить и вернуться в свой Китай, погоняя лошадей со скоростью десяти-двадцати миль в час, или приезжайте сами, потому что, что я не совсем здоров, чтобы отправиться в такое долгое, тяжкое и утомительное путешествие. Более того, что я совсем не здоров, у меня в кармане ныне так покати шаром, как ни у кого, и помимо императоров как таковых и кучи монархов, размазанных по всей поверхности планеты Земля, в Неаполе у меня есть единственный и великий граф Лемосский, который, не имея стольких высокопарных титулов и должностей в разных империях, колледжах и ректоратах, тем не менее поддерживает меня какой-никакой копеечкой, защищает меня и оказывает мне больше милостей, чем я вправе был когда-либо надеяться.

На этом я попрощался с китайским мандарином, прощаюсь и с Вами, и прощаясь, я клянусь преподнести Вашему Превосходительству труд «Персилес и Сигизмунда», книгу, которую я закончу месяца через четыре, *Deo volente*, книгу, которая окажется либо самой скверной среди книг, либо лучшей из когда-либо написанных на нашем славном языке, я имею в виду сочинения *Persiles* и *Sigismunda*. Это развлечение в чистом виде, и я говорю, что сожалею о том, что предположил самое плохое, потому что, по мнению моих друзей, её влияние должно доходить до предела возможного совершенства. Возвращайтесь же, Ваше Превосходительство, в том добром здравии, которого Вы желаете и заслуживаете; к тому времени «*Persiles*» уже будет готов и подан к столу, а я же – склонённый раб Вашего превосходительства, буду готов склониться ещё сильнее, чтобы поцеловать Вам руки.

Писано из Мадрида, в последний день октября тысяча шестьсот пятнадцатого года.

Слуга Вашего Превосходительства, Мигель де Сервантес Сааведра.

Глава I

О том, что священник и брадобрей пережили с Дон Кихотом во время его хвори.

Сид Хамет Бененгали рассказывает во второй части этой Истории касательно «Третьего Выезда Дон Кихота», что священник и цирюльник почти месяц не показывались и не виделись с ним из-за того, что ему было совсем не до того, и им казалось, что не стоит напоминать ему о прошедших шашнях. Но из этого вовсе не следует, что они перестали навещать его племянницу и её ключницу, препоручив болезного их заботам. Они должны были заботиться о нём, кормить его продуктами, полезными и приятными для сердца и мозга, откуда, по словам добросердечия и проистекало тлетворное злополучие всей его прискорбной затеи. Женщины же сказали, что они и так делали и будут делать это со всей возможной готовностью и тщанием, потому что увидели, что их господин иной раз уже на мгновение демонстрирует, что полностью находится в их власти и ещё более во власти здравых мыслей; чему они обе очень рады, так как им показалось, что они были правы, привезя его очарованным в карете для верховой езды на волах, как было рассказано в первой части этой столь же грандиозной истории, как и в ее последней главе.

И поэтому они твёрдо решили навещать его и дожидаться его выздоровления, хотя вглубине души полагали его выздоровление почти невозможным, и согласились не прикасаться к нему даже мизинцем во время пешей процессии, чтобы не подвергать его опасности и не тревожить его раны, которые оставались такими свежими и болезненными.

Наконец, они навестили его и нашли сидящим на кровати, одетым в зелёную байковую накидку и красной толедской шапочке; и он был такой высохший и измождённый, что казался ожившей египетской мумией. Их очень хорошо приняли, при виде них Дон Кихот оживился, и они тут же спросили о здоровье мумии, а мумия очень рассудительно и даже не без изящества рассказала о себе, а они в свою очередь рассказали о себе. И таким образом в своих речах они подружили к тому, чтобы обсудить Вселенский Разумом и человеческие способы правления, исправляя языком злоупотребления человеческой породы и осуждая неизбежные перегибы и искажения, свойственные государству, реформируя один обычай и изгоняя другой, и попеременно каждый из трёх поочередно становился то новым новым Демиургом, то современным Ликургом или воскресшим Солоном, или всем вместе, и таким образом они обновили, перешли, перелицевали и облагородили до неузнаваемости Модерна Республика, которая выглядела теперь так, как будто её только что отмыли и поместили в кузницу, а из той груды металла, что бросили в горн, а достали совершенно другую. При этом Дон Кихот был столь осторожен во всех высказываниях и вопросах, которых касался, что оба знатока безошибочно раскумекали, что он в полном порядке и находится в полном разумении.

Присутствовали при этом разговоре и племянница, и хозяйка, и они не уставали возносить славословия богу за то, что видят своего господина в таком добром расположении духа, но священник, изменив своё первоначальное намеренье, которое заключалось в том, чтобы не касаться рыцарских дел героя, хотел сделать все возможное, чтобы здоровье донна Дона улучшилось. Ложь это была или правда, да только шаг за шагом он стал приближаться к столичным делам и пересказывать некоторые новости, пришедшие со двора; и, среди прочего, он сказал, что, между прочим, что Турецкий Султан с мощной армадой вышел в море и даже уже где-то высадился и что неизвестно ни его планы, ни то, куда он должен был так быстро отплыть и где разразится эта буря; и повествовал про тот всеобщий страх, с которым мы теперь живём, принуждённые в который раз обратиться к оружию. Он поведал, что весь христианский мир

ныне очень настроен на это, и Его Величество распорядился укрепить побережье Неаполя, Сицилию и остров Мальту надёжными войсками.

На это Дон Кихот ответил:

– Его Величество в данном случае поступил безошибочно, он поступил, как очень благо-разумный и рачительный воин, он сделал всё своевременно, чтобы враг не застал его врасплох, однако же, если бы он не морочил голову и вовремя послушался моего совета, я посоветовал бы ему не забывать о профилактике, и дал бы такие дельные советы, о которой Его Величество, как это ни печально, должно быть, и не думал!

Едва священник и его напарник услышали это, как переглянулись и сказали в один момент, но про себя:

– Да поможет тебе Бог, бедный наш Дон Кихот! Нам сдаётся, что ты скатываетесь с высокой вершины своего безумия в бездонную пропасть своей простоты!

Но цирюльник, который ранее уже неоднократно высказывал ту же самую мысль, что и священник, спросил Дон Кихота, в чем заключались бы необходимые предосторожности для Дон Кихота, что в его понимании профилактика, и как, по его словам, она должна была осуществляться, ведь, возможно, это могли бы случиться всякие дурацкие нелепицы, которые составляют бесконечный список дерзких предупреждений, которые обычно преподносятся королям придворными лизоблюдами.

– Мои предложения, сеньор брадобрей, – надменно сказал Дон Кихот, – не могут быть нелепыми по определению! Но не вам понять, сударь, насколько они лепы! Не вам!

– Да я в принципе молчу, я ничего не говорю, я говорю это не потому, что потому... – смутился цирюльник, – а потому, что мне не надо повторять вам, что все или почти все самые благие намерения, преподносимые Вашему Величеству, или невозможны, или бессмысленны, или даже идут во вред королю и королевству!

– Ну, мой друг, – ответил Дон Кихот, – вы даёте! Они не невозможные и не глупые, не нелепые, а самые простые, самые расправедливые, рассамые рассудительные и раскороткие, точнее, краткие и такие дельные-раздельные, какие только могут прийти в голову любому арбитру!

– Вашей милости не трудно говорить, сеньор Дон Кихот?

– Легко!

– Тогда не будете ли вы любезны поведать нам суть вашего проекта? – сказал священник.

– Я бы не хотел, – скривился Дон Кихот, – распинаться об этом здесь и сейчас, на Агоре, потому что не пройдёт и пары часов, как мои мысли улепетнут отсюда и сразу же достигнут ушей всяких двурушных советников и клешневииков-наушников, и благодарность и награду за мою работу, как всегда, получу отнюдь не я, а другие, чёрт бы их побрал! А мне в итоге достанутся одни оплеухи и пинки! Мне это надо?

– Ради всего святого, – сказал цирюльник, – я даю слово здесь и клянусь перед Богом не говорить того, что ваша милость не готова сказать ни королю, ни року, ни земному человеку, это клятву, которую я почерпнул из речей одного священника, который в предисловии сообщил королю о грабителе, который его ограбил на сотню дублонов и у которого вдобавок он украл мула и стащил его к себе домой.

– К счастью, я не знаком со всеми такими подобными историйками, – сказал Дон Кихот, – но я знаю, что эта клятва хорошая, дельная, поскольку мне известно, что сеньор Брадобрей – несомненно, хороший человек!

– Когда бы это и было не так, – сказал священник, – я готов ручаться за него, и утверждаю, что он останется нем, как рыба, и будь ему наградой тогда могила со всеми пенями и неустойками, если он лишится страха божьего и скажет хоть слово.

– И по вашей милости, кто же вам это сказал, господин священник? – сказал Дон Кихот, – А за вас самого кто может поручиться?

– Мой сан! – ответил священник, потупившись, и заморгав, – Я умею хранить секреты!

– Тело господне! – всплеснул руками Дон Кихот, -. Есть ли что-нибудь ещё более насущное и важное, кроме как приказать Его Величеству и публично объявить всем его глашатаям, чтобы все странствующие по Испании рыцари мгновенно собрались ко двору в назначенный день, и что, даже если бы их было всего каких-то жалких полдюжины, среди них мог бы проявиться такой, какого было бы достаточно, чтобы сокрушить всю силу любого турка? Ваши милости! Слушайте меня внимательно и поезжайте вслед за моими мыслями! Почему кому-то в новинку, ежели всего один странствующий рыцарь с лёту побеждает армию в двести тысяч человек, один перерезал двести тысяч глоток, как если бы все эти мерзавцы скопились и сгрудились в одном ущелье или были сделаны из упругих скачущих марципанов? Нет, в самом деле, признайтесь мне: сколько историй набито этими чудесами? Пусть рухнет на меня твердь небес, чего я не смел бы сказать никому другому, сообщаю, что жил бы паче сегодня знаменитый дон Бельянис или кто-то из неисчислимого рода Амадисов Галльских, и если бы кто-нибудь из них сегодня столкнулся с Турецким Султаном, не хотелось бы мне очутиться на его месте! Но чуйка меня не подведёт, Бог всё равно рано или поздно обратит свой взор с небес на землю и присмотрится к своему народу, и он-таки отыщет в каком-нибудь замшелом углу кого-нибудь, кто, если и не так брав и разнуздан, как прошлые странствующие рыцари, то, по крайней мере, не уступит им в душевной бодрости и наведёт кипеш в стане врагов! И Бог меня поймёт, и я смолкаю...

– Увы! Пусть меня прибьют скалкой, – в кулак сказала в этот момент племянница, холодея, – если мой дядюшка не намерен снова прикинуться странствующим рыцарем!..

На что сказал Дон Кихот:

– Не ждите иного, кроме как зреть, как я и умру странствующим рыцарем! И не невольте Турецкого Султана задумывать что угодно и выходить в море с каким угодно флотом, – я повторяю для слабослышащих – один Господь вменяет мне!

Тут оживился цирюльник и открыл рот:

– Милостивые государи! Проявите сущую милость и терпение и выслушайте одну прикольную историйку, которую я некогда слышал в Севилье, как мне кажется, нет ничего более уместного сейчас, чем эта историйка, да и невтерпёжь мне...

Дон Кихот мгновенно согласился, двое гостей переглянулись и соорили мину полного внимания, племянница присела, а Брადобрей принялся за рассказ.

– В Севилье, как вам всем известно, есть популярнейший сумасшедший дом, так вот, в то время одним из его постояльцев был человек, которого родственники засадили туда, потому что по их мнению он был настоящим безумцем. У него была научная степень лиценциата канонического права, он получил её в Осуне, однако, как полагали многие, это было всё равно, где бы он её не получил, ибо где бы он её не получил, даже в Саламанке, его положение психа от этого ничуть бы не поменялось. Посидев в этом медицинском узилище многие годы, этот умалишённый однажды прочухался, встрепенулся, пришёл в себя и на полном серьёзе решил, что он абсолютно здоровый человек. Осознав, где он находится, он тут же взлахматил шевелюру и принялся строчить письмо архиепископу, в коем, сказать по правде, в довольно здравом ключе, собрал все доводы и соображения, доказывающие, сколь несправедливо оказалось положение, в котором он пребывает и мается, ибо по милости божьей он уже-де давно осознаёт себя пришедшим в доброе здравие и полный разум, в то время как его ушлые родственники, запаявшие его в психушку лишь для того, чтобы лишить его наследства, продолжают держать его в этом мерзком узилище, укоренившись в своём преступном и запретить его в сумасшедшем доме до конца его дней, уверяя всех, что он, как настоящий сумасшедший, очень опасен для общества и окружающих. Известно, как любят жаловаться сумасшедшие и сколь бывают они убедительны в доказательстве своего здорового ума.. Этот человек принялся закидывать архиепископа своими слёзными посланиями, и так закидал его своими письмами, что архиепи-

скоп поневоле заинтересовался судьбой этого несчастного, решив про себя, что такие в высшей степени рассудительные и благоразумные письма не способен писать совершенно невменяемый пациент психиатрической клиники, и для разрешения своих сомнений в один момент он послал одного капеллана, чтобы тот прояснил ситуацию и выяснил у зрителя, спросил, правда ли то, что писал ему этот лицензиат, и чтобы он также поговорил с сумасшедшим, и чтобы, если ему покажется, что он предстал перед судом, он вытащил его и освободил. Так сказал капеллан, и ритор сказал ему, что этот человек всё ещё довольно-таки ненормален, он сумасшедший, потому что, несмотря на то, что он много раз говорил как человек с большим здравомыслием и пониманием, он, в конце концов, сбивался на страшный бред и мог наделать столько ошибок и глупостей, которые во многих и многих отношениях соответствовали его первому благоразумию, как можно было надеяться, разговаривая с ним. Капеллан так и сделал и, оставшись глаз на глаз с сумасшедшим, разговаривал с ним час и более, и за все это время сумасшедший ни разу не высказал ни извращенной, ни безумной идеи, прежде он говорил так вдумчиво и внимательно, что капеллан был вынужден поверить и признать, что сумасшедший находится полностью в здравом уме; и среди прочего, он ещё больше утвердился, что сумасшедший был в здравом уме, ибо тот сказал ему, что зритель оклеветал его только для того, чтобы не потерять подарки, которые ему дарили его родственники, как только зрителю доставалась очередная порция взяток, он сразу начинал лгать, как безумен и опасен его пациент, несмотря на смену настроения и периодические припадки здравомыслия, и что величайшим его несчастьем было богатство его имуществ, потому что, радуясь этому, его враги впадали в уныние и сомневались в милости, которую оказал ему Наш Господь, превратив его из зверя в человека. Наконец он подвёл дело тому, зритель сущность преступная, подозрительная и родственникам не внушившая никакого доверия. родственники сами по себе – люди бессовестные, жадные и корястные, а самого себя представил настолько сдержанным и благородным, что капеллан решил взять его с собой, чтобы архиепископ увидел его и прикоснулся рукой к правде этого дела.

С этой благосклонной мыслью добрый капеллан попросил приказчика отдать одежду, в которой пришел лицензиат; и зритель попросил капеллана хорошенько подумать, что он делает, потому что, без сомнения, лицензиат был безумен, как и прежде. Предостережения и сомнения ритора не поколебали решения капеллана, в своём решении увезти с собой лицензиата он остался твёрд и непреклонен. Зритель, поскольку капеллан упирал на приказ архиепископа, вынужден был согласиться, и лицензиату сразу же выдано его старое платье, впрочем практически неношеное и весьма приличное по виду, отчего лицензиат, увидев себя не в старом, рваном халате, а в чём-то вполне приличном, сразу осознал себя краеугольным камнем здоровья и Мироздания, и испросил у капеллана в качестве величайшего одолжения позволить ему попрощаться со своими невменяемыми сокамерниками. Капеллан в ходе этой беседы сказал, что он тоже хотел бы пойти с лицензиатом и посмотреть на остальных сумасшедших, которые ошивались в этом сумасшедшем доме. Они поднялись наверх, и с ними вместе – некоторые из присутствующих; и, когда лицензиат подошёл к клетке, в которой томился какой-то разъяренный сумасшедший, хотя в тот миг он был спокоен и тих, он сказал:

– Братец мой, слушай, не прислать ли тебе что-нибудь, когда я попаду домой! Ведь Богу по его бесконечной доброте и милости, и благодаря тому, что я не заслуживаю, чтобы он обратился ко мне со своим суждением, оказалось необходимо, чтобы я был уже всецело здоров и вменяем; из чего следует, что в отношении силы Божьей нет ничего невозможного. Возлагайте на Него свои самые великие надежды и упования, и верьте в Него, потому что, поскольку он вернул меня в моё прежнее состояние, он вселит здравый дух и в вас, если Вы Ему доверитесь сполна! Я позабочусь о том, чтобы прислать ему несколько вкусняшек, которые он так любит, и, во всяком случае, съешьте их, подобно тому, как я – человек, который через всё это

прошёл, полагаю, что все наши безумства происходят от пустых желудков и сквозных ветров в голове. Мужайтесь, братья, и крепитесь, ибо упавший духом рушит своё здоровье и катится к смерти!

Все эти казуистические доводы лиценциата выслушал другой сумасшедший, находившийся в другой клетке, граничившей с клеткой бешеного, он вытянутым ухом то и дело прикладывался к железной решётке, пытаясь не пропустить ни одного слова, и, привстав со старой циновки, на которой он лежал, голый и покрытый какими-то гнилыми шкурами, громким голосом он завопил, спрашивая, кто тот, кому было дана привилегия вознамериться уйти отсель здоровым и вменяемым?

Лиценциат ответил:

– Я, брат, тот, кто уезжает! Мне больше незачем здесь торчать за милую душу, за что я бесконечно благодарен небесам, которые оказали мне такую великую милость и благоволение!

– Батюшки светы, да что вы говорите, лиценциат, воистину, дьявол водит вас за нос, желая погубить! – возразил безумец, – Успокойтесь и лучше сидите на месте, тогда вам не придется возвращаться в родные пенаты с извинениями и кислой мордой лица!

– Я знаю, что у меня всё хорошо, я в полном порядке! – ответил выпускник, мотая головой, как конь на выданье, – и мне незачем будет снова ходить по кабинетам голым!

– Это вы-то в порядке? – с сарказмом прокаркал безумец, – Ну... хорошо, будем поглазеть, поглядим-увидим, ступайте с Богом, коллега, но я клянусь вам Юпитером, величие которого я представляю здесь, на земле, как его посланец, что только за этот грех, который сегодня совершает Севилья, выгнав вас из этого дома и посчитав вас вменяемыми, я должен понести в нём такое наказание, да сохранится память о нём во все века веков вечных, аминь! Разве ты не знаешь, ничтожный лиценциатишка, что я смогу это сделать, потому что, как я уже сказал, я – Юпитер Трисмегист, то есть Громовержец, у меня в руках жгучие, пронзающие твердь лучи, которыми я могу повелевать и обычно угрожаю смертным, разрушая их мир? Но я хочу наказать этот невежественный город только одним: не давать дождей ни в нём, ни во всей его округе, ни окрестностях в течение целых трёх лет, которые должны отсчитываться с того дня и момента, когда эта угроза была высказана впредь. Пусть слёзы тысяч младенцев будет единственной влагой, пролившейся на эту проклятую богом землю! Итак... Ты свободный, ты здоровый, ты вменяемый, а я сумасшедший, а я больной, а я связанный... Так что я думаю о дожде, и лучше повешусь, чем дам дождю пролиться!

К взвизгам, диким выкрикам и апокрифическим доводам сумасшедшего с испуганными глазами внимательно прислушивались все присутствующие, но наш лиценциат, повернувшись к нашему капеллану лицом и взяв его за руки, сказал следующее:

– Не печальтесь, милорд, и не слушайте того, что сказал этот сумасшедший, в смысле, что если он Юпитер, то Юпитер даст команду лишить всех дождя, то тогда я – Нептун, и ежели бы я хотел, чтобы шёл дождь, я, Нептун, отец и бог вод, морей и океанов, мог бы лить дождь столько раз, и в таком количестве, сколько захочу и сколько кому потребуется!

На что капеллан ответил:

– При всем при том, сэр Нептун, вам было бы нехорошо злить мистера Юпитера, это чревато большой сварой и мордобоем! Ваша милость пусть остаётся при своём мнении, давайте-ка в другой день, когда будет больше спокойствия, мы вернёмся к разговорам с вашей милостью и всё разложим по полочкам!

Ритор и присутствующие рассмеялись, и взрывами их смеха капеллан был наполовину убит, поскольку был недоволен этими вольными шутками и насмешками над святым.

Они бросились к лиценциату, его раздели догола, и он остался дома, и рассказ был закончен...

– Ну, вот какая история, господин цирюльник, – сказал Дон Кихот, – история, которую я, придя сюда трясушийся и едва живой, как скелет на иголках, не мог не рассказать вам! Ах,

господин брадобрей, господин брадобрей, и как слеп тот, кто не видит свет сквозь ткань плащаницы! И возможно ли, что ваша милость не знает, что сравнения, которые следуют от шутки к прибаутке, от ценности к ценности, от красоты к красоте и от рода к роду, всегда ненавистны и неприемлемы? Я, господин цирюльник, не Нептун, бог вод, и я не стараюсь, чтобы кто-то считал меня благоразумным, если я им не являюсь и благоразумием не славен; я просто устал от того, что указываю миру на его ошибки, заключающуюся в том, что он сам не смог возродить те счастливейшие времена, когда орден ходячего рыцарства был чемпионом горы. Но наша порочная эпоха не заслуживает того, чтобы наслаждаться таким же благом, как в те времена, когда странствующие рыцари брали на себя ответственность и взваливали на свои плечи защиту королевств, покровительство чистым девицам, помощь сиротам и подопечным, наказание гордецов и облагодетельствование благородных, не говоря уже о презентях скромным. Чем больше рыцарей носит на своих плечах щёлка и парчи, тем больше у них штофов, багрянца и всяких приبلуд и богатых тканей, из которых теперь шьются их одежды, и тем больше они трещат языками, чем кольчугой, больше нет рыцаря, который спал бы в полях, подчиняясь строгости небес, обвесившись всем своим оружием от пят до головы; и больше нет никого, кто, не вынимая ног из стремен, навсегда приклеился бы к своему копыю, просто пытаюсь, как говорится, обезглавить сон, как это делали прочие бродячие рыцари былых времён. Больше нет никого, кто, выйдя из этого леса, поднялся бы на ту гору и оттуда ступил бы на бесплодный и пустынный морской берег, чаще всего находящийся во власти бурных и изменчивых стихий, и, обнаружив на нём, на его берегу небольшое судно без вёсел, паруса, мачты или ещё чего, с бесстрашным сердцем ринулся бы на поиски невестьего, бросился бы истошно на эту посудину, отдаваясь безжалостным волнам бездонного моря, которые норовят поднять человека до небес и уже опускают в бездну; и он, подставив грудь неудержимому порыву ветра, когда бы он ни разразился, находится на расстоянии трех с лишним тысяч лиг от того места, откуда он отправился, и, когда он попадает в далекую и неизвестную страну, с ним происходят вещи, достойные того, чтобы о них писали не на пергаментях, а на бронзе. Но, увы, везде всецело торжествует лень, попирая усердие, праздность пожирает остатки труда, порок гнобит добродетель, высокомерие препятствует храбрости и пустое разглагольствоание всовывает в ножны старое, доброе оружие, с которым жили и умирали в лучшие времена человечества, чья слава сияла только в эти золотые века и только в рыцарских походах. Если нет, скажи мне: кто честнее и храбрее знаменитого Амадиса Галльского? Кто сдержаннее Пальмерина Английского? Кто более сговорчив и ловок, чем Тирант Белый? Кто более галантен, чем Лисуарт Греческий? Кто более ловок и удачлив, чем Дон Бельянис? Кто более бесстрашен, чем Перион Галльский, или кто более опасен, чем Феликс Марк Гирканский, или кто более искренен, чем Эспландиан? Кто более отважен, чем дон Чиронгилио Фракийский? Кто более храбр, чем Родамонт? Кто более благоразумен, чем король-племянник? Кто более смел, чем Рейнальдос? Кто более непобедим, чем Рольдан? Кто более галантен и вежлив, чем Руджеро, о котором сегодня судят герцоги Феррарские, согласно Турпину в его Космографии? Все эти рыцари и многие другие, кого я мог бы назвать, господин священник, были странствующими рыцарями, светом и славой просвещённого рыцарства! Вот этих рыцарей или подобных им, я имел виду и хотел бы назвать, потому что они не за страх, а за совесть были готовы сражаться и защищать Его Величество, да ещё бы избавили его от излишних расходов, а турецкому Султану осталось бы рвать на себе одежды и вырывать пейсы. Вот при этом всё я хочу оставаться в своем доме, потому что в свою кампанию меня капеллан не берет; и если ваш Юпитер, как сказал цирюльник, не ниспослёт нам дождь, я готов помочь ему, и сам буду лить дождь, когда захочу. Я говорю это только лишь, что мистер Бритвенный Таз понимал, о чём я говорю.

– По правде говоря, сеньор Дон Кихот, – сказал цирюльник, – я сказал это не поэтому, и да поможет мне Бог, что мои намерения были слишком уж добрыми, и ваша милость не должна этого чувствовать.

– Могу я чувствовать или нет, – ответил Дон Кихот, – я сам решу!

На это священник сказал:

– Хорошо ещё, что до сих пор я почти не произнёс ни слова, и я не хотел бы остаться с сомнениями, которые грызут меня и терзают мою совесть, порожденные тем, что здесь сказал сеньор Дон Кихот.

– Еще кое – что, – ответил Дон Кихот, – разрешено господину священнику; и поэтому он может заявить о своей щепетильности, потому что не в его вкусе ходить со скрупулезной совестью.

– Что ж, с величайшим удовольствием, – ответил священник, – я заявляю, что мои сомнения заключаются в том, что я никоим образом не могу убедить себя в том, что вся эта бесконечная вереница странствующих рыцарей, о которых упоминал ваша милость, сеньор Дон Кихот, была кавалькадой настоящих и подлинных людей, людей из плоти и крови, реально жившими в этом мире; и прежде чем я соглашусь, что это были настоящие люди из плоти и крови, я готов предположить, что всё это выдумки, басни и ложь, и сны, рассказанные бодрствующими или, лучше сказать, полусонными людьми.

– Это ещё одна чрезвычайно распространённая ошибка, – ответил Дон Кихот, – Ошибка, в которую впали многие, кто не верит, что в мире когда-либо были такие потрясающие твердь рыцари; и я много раз, с разными людьми и по разным поводам, пытался выявить истину в этом почти повсеместно распространенном заблуждении; но, признаюсь, иногда у меня ничего не выходило. Мое намерение, да и другие, поддерживают его на плечах истины; что правда настолько правдива, что я готов сказать, что я своими собственными глазами видел Амадиса Галльского, человека высокого телосложения, белолицего, с буйно разросшейся бородащей, йо-хо-хо, аспидно-чёрной, с мягким и строгим взглядом, у него не было причин гневаться, он не спешил гневаться на кого-либо и готов был, внезапно разгневавшись, в мановение ока снести меня со своего пути и так, как я описал Амадиса, я мог бы, на мой взгляд, живописать и изобразить всех сколь угодно значимых странствующих рыцарей, которые фигурирует в историях и легендах, которые, исходя из моих представлений, что они были именно такими, какими их изображают в романах, и из подвигов, которые они совершили, и описаний условий, в которых они вынуждены были действовать, можно с полным основанием воссоздать их философию, их нрав и даже облик..

– Милорд Дон Кихот! Насколько большим, – спросил цирюльник, – по вашему мнению, по вашей милости, должен был быть великан Моргант?

– По поводу великанов, – ответил Дон Кихот, – существуют разные мнения, были ли они на свете; но Священное Писание, в котором не может не быть ни капли правды, показывает нам, что они были, в частности, пересказывая нам историю того филистимлянина из Голии, который был семи с половиной локтей ростом. высокий, что является чрезмерным ростом. Также на острове Сицилия были найдены берцовые кости и ключицы, такие большие, что их величие можно судить о том, что их владельцы были гигантами, и почти такие огромные, как башни, и что геометрия убирает сомнения в этой истине. Но, учитывая все это, я не смогу с уверенностью сказать, какого роста был Моргант, хотя я полагаю, что он, должно быть, был не очень высок; во что легко поверить, ведь в истории, где особо упоминается о его подвигах, часто упоминается, что он спал под крышей; и, поскольку он находил дом, где мог поместиться, конечно, его рост, разумеется, не был чрезмерным.

– Верно! – сказал священник.

Ему было приятно выслушивать подобные нелепицы и поэтому он спросил, что он думает об облике Рейнальдо де Монтальбана, дона Рольдана и Двенадцати других пэров Франции, поскольку все они были странствующими рыцарями.

– Про Рейнальдоса, – ответил Дон Кихот, – осмелюсь сказать, что он был широколиц, смугл, с бегающими и несколько выпученными глазками, слишком вспыльчивый и горячий,

это был закопёрщик всяких скандалов, друг воров и разбойников. Что касаясь Роланда, или Ротоландо, или Орландо, как его называют во всех этих историях, я похож на него и утверждаю, что он был среднего роста, широкоплеч, несколько смугл, да, смугл лицом и рус бородкой, с волосатой грудью и угрожающим видом; не вдаваясь в подробности, вдобавок он был очень сдержан и... хорошо воспитан.

– Если Рольданд был всего лишь благородным, но неказистым силачом, как утверждает ваша милость, – возразил священник, – неудивительно, что госпожа Анжелика Прекрасная пренебрегала им и бросила его ради этого смазливового сморчка-мавра, который, должно быть, был бородатый ушлёпок с первым пушком на подбородке, н-да, и отдалась ему; и Адамар был счастлив тем, что не обращал внимания на вахластость своего поведения. В общем, кому что нравится... Мне же нравится грубость Ролданда...

– Эта Анжелика, сеньор кюре, – ответил Дон Кихот, – была испорченная, ветреная шлюха, капризная до плинтуса и невозможно взбалмошная, и слава о её ветрености давным давно опережает славные сплетни о её приснопамятной красоте. Она презирала всю эту шоблу и отвергла тысячу сеньоров, тысячу храбрецов и тысячу джентльменов и удовольствовалась этим соплежумом, бедной пассивой, без роду, без племени, без имени и денег, этим мальчонкой-пажем,, у которого даже кликуха была «Педро Опущенный» и с которым никто, кроме кое-какой гольтыбы не хотел знаться... Единственное, за что ему можно воздать, так это за дружбу, которую он сохранил к своему собутыльнику. Великий певец её красоты, знаменитый Ариосто, за то, что не осмелился или не захотел спеть о том, что случилось с этой дамой после её падения, что было, должно быть, не слишком поэтичным, а скорее ужасающе непристойным, разродился лишь словами:

Как на Китайский трон она пролезла,
Пусть возгласят другие, если честно...

И, несомненно, что это было очень похоже на пророчество; ибо поэтов также называют *vates*, что значит – прорицатели. Взгляните на эту незыблемую истину, ибо здесь знаменитый андалузский поэт плакал и пел со слезами на глазах, а другой знаменитый и единственный кастильский поэт воспевал его красоту.

– Скажите мне, сеньор Дон Кихот, – — сказал тут цирюльник, – не было ли какого-нибудь поэта, который бы хоть как-то осмелился высмеять эту госпожу Анжелику, очутившись среди многих, кто ее хвалил?

– Я вполне допускаю, – ответил Дон Кихот, – что, если бы Сакрипант или Роланд были поэтами, они бы намылили холку такой девице; ибо это свойственно и естественно для поэтов, которых презирают и не принимают их притворяющиеся дамы – или не притворяющиеся, в сущности, те, кого они избрали дамами своих мыслей и чаяний – мстить дикими сатирами и поклупами (месть, кстати, недостойна благородных сердец), но до сих пордо меня не дошло ни одного позорного стиха против госпожи Анжелики, которая, как я полагаю, перевернула мир с ног на голову.

– Чудо чудное! – сказал священник.

И тут они услышали, что ключница и племянница, которые уже прекратили разговор и удалились во двор, громко перебрёхиваются во дворе, и все тогда поспешили на шум и крики.

Глава II

В которой рассказывается о замечательной склонности Санчо Пансы к перебранкам с племянницей и ключницей Дон Кихота и к другим забавным вещам

История гласит, что голоса, которые услышали Дон Кихот, священник и цирюльник, принадлежали племяннице и ключнице, которые набросились на Санчо Пансу и орали на него, как вороны на зеркало, хотя он изо всех сил отбивался от них и пытался войти, чтобы увидеть Дон Кихота, а они преграждали путь и не пускали его в дверь:

– Что здесь нужно этому проходимцу и бродяге? Идите-ка ты своей дорогой, братец, это ведь ты, а не кто другой, развращаешь и портишь моего господина и таскаешь его по всяким злочным дырам!

На что Санчо отвечал:

– Проклятая ключница! Это ты совращала, заманивала и гоняла по разным злочным дебрям меня, а не вашего бедного господина, чтобы он потом потащил меня скитаться вместе с собой по белу свету, чертовка, ты попала пальцем в небо в своих коматозных измышлениях, он обманным путём вывел меня из моего дома, пообещав мне остров, который до самого Армагеддона будет пустовать – я до сих пор жду его!

– Провалиться тебе в ад вместе с премерзкими твоими островами, трижды проклятый Санчо! – — ответила племянница, – Проклятый Санчо! И что это такое за острова такие? Это что, ты их сожрать хочешь, лакомка ты эдакий, всё тебе жрать и жрать!

– Дело не в еде! – горячо возразил Санчо, – А в том, чтобы править и крутить всюю четырьмя городами и вертеть четырьмя придворными алькальдами!

– При всем том, – сказала ключница, – ты не войдёшь сюда, мешок пороков, проказа на лапах, вместилище зла и козней! Иди и управляй своей хибарой, и паши свои камни, и перестань притворяться великой шишкой и обладателем островов!

Священник и цирюльник с большим удовольствием выслушивали перебранку этой троицы – всё это страшно потешало их, но Дон Кихот, опасаясь, что Санчо сорвётся и ляпнет какую-нибудь злую глупость, случайно коснётся моментов, которые бросят тень на его честь, преувеличенно громко позвал его и заставил обеих баб замолчать и впустить гостя. Санчо вошёл, священник и цирюльник стали прощаться с Дон Кихотом, на психическое здоровье которого они теперь окончательно махнули рукой, видя, насколько он погружён в свои безумные идеи и насколько сильны в нём коварные рыцарские замашки.

И вот священник сказал цирюльнику:

– Вы увидите, падре, как только мы успокоимся и меньше всего будем об этом думать, глазом не моргнёте, как идальго снова даст от нас дёру! И ищи -свищи тогда его в поле!

– А я и не сомневаюсь в этом! – ответил цирюльник, – Но я восхищаюсь не столько безумием нашего рыцаря, сколько простотой и я бы даже сказал, простодушием оруженосца, который так верит в свой Альматросский островок, что, я думаю, никакие самые страшные разочарования не прочистят его головы и не отрешат его от регулярных приступов безумия!

– Да помилует вас Бог! – сказал священник, – И давайте посмотрим правде в глаза: мы увидим, во что превратилась и к чему ведёт эта болтовня в устах такого рыцаря и такого оруженосца, так, что иной раз кажется, будто их обоих выковали из лучших бирюзовых соплей, и что здесь глупости господина без глупостей слуги уж точно не обходятся, а скорее всего глупость господина погоняет и возбуждает глупость слуги! Авантюризм одного и глупость другого питаются и живут друг другом, факт! И безумие обоих при этом не стоит и ломаного гроша!

– Так оно и есть, – согласился цирюльник, – и мне очень хотелось бы знать, чем теперь будут эти двое угощать нас?

– Я уверен, – ответил священник, – что племянница или ключница расскажут нам об этом чуть позже, потому что сейчас они не в том состоянии, чтобы прекратить этот бред!

Тем временем Дон Кихот заперся с Санчо в своих покоях и, оставшись с ним наедине, сказал, наклонившись:

– Мне очень тяжело, Санчо, потому что мне стало известно, что ты утверждал и не устаёшь утверждать, что будто бы я был тем, кто извлёк тебя из твоего гнезда, сорвал тебя с насиженных мест, лишил тебя твоих ящиков, лопат, вил и копёнок, и это зная, зная, что и я покинул родные пенаты и я не остался дома: вместе мы вышли, вместе мы пошли, и вместе мы совершили своё славное паломничество; одно и то же счастье и одна и та же судьба постигла нас обоих: но при этом я знаю – если бы тебя оставили в покое, ты бы остался дома. Однажды меня сотнями ударов наградили, а ты всего лишь летал, как птица на блошином одеяле, знай, у тебя было преимущество, которым я не обладаю!

– Это было очень справедливо сказано, – ответил Санчо, – потому что, как говорит ваша милость, злключения и несчастья приносят, уж не знаю чего больше странствующим рыцарям, чем их бедным оруженосцам...

– Ты обманулся, Санчо, – сказал Дон Кихот, – согласно этому, *quando caput dolet...* и так далее.

– Я не понимаю другого языка, кроме своего собственного! – ответил Санчо.

– Я имею в виду, – сказал Дон Кихот, – что, когда болит голова, то болят и все конечности, и поэтому, поскольку я твой господин и повелитель, попутно, я – твоя голова, а ты какая-то лучшая часть моего тела, не знаю уж, какая, во-первых, потому что ты мой слуга; и по этой причине зло, которое меня касается или будет касаться, – моё, но тебе должно быть больно, как и мне, когда больно тебе!

– Милорд Дон Кихот, а позвольте спросить, какой частью тела, которое обязано пострадать, когда страдает ваша голова, вы меня почитаете?

– Да не той, о которой ты всё время гредишь! – сказал Дон Кихот.

– Так и должно было быть, – горестно сказал Санчо, – но когда меня держали в качестве члена, моя голова находилась за решёткой и смотрела, как я парю в воздухе, не испытывая никакой боли; а поскольку члены обязаны болеть от головной боли, она должна была быть обязана...

– Не хочешь ли ты сказать, Санчо, – обиделся Дон Кихот, – что мне не было больно, когда тебя держали эти звери и когда тебя стали подбрасывать на дырявом блошином одеяле? И если ты так говоришь, то прекрати даже думать об этом, ибо я тогда испытывал больше боли в своей душе, чем ты в своём теле. Но давай оставим это в стороне до лучших времён, какие у нас скоро начнутся, где мы это изложим, разложим по полочкам, раскумекаем, расстренькаем, распердолим и раскардашим и поставим финальную точку, и скажи мне, Санчо Амиго: что обо мне говорят в округе? Какого мнения обо мне придерживается какой-нибудь простолоудин, какого – идальго и какого – кабальеро? Что они говорят о моей храбрости, что твердят о моих подвигах и что вещают о моей непреклонной убийственной вежливости? Что это говорит о моем предположении воскресить и вернуть в мир давно забытый рыцарский орден и похеренные рыцарские нравы? Наконец, я хочу, Санчо, чтобы ты рассказал мне то, что об этом всё дошло до твоих ушей; и всё это должен мне пересказать, ничего не добавляя к познанному добру и не убирая ничего от потайного зла, ибо это священный долг верных вассалов – говорить своим господам только правду, правду и ещё раз правду, оставаясь всегда в своей собственной среде, как селёдка в рассоле, без того, чтобы хоть капля лести усиливала бы её, и свершись такое, и начни правда достигать ушей благородных королей в перво-родном виде, исправилась бы нравы и тогда протёкшие века по сравнению с нашим Золотым

веком никто бы не стал называть иначе, чем Железным. Воспользуйся же этим назиданием, Санчо, чтобы незаметно и благонамеренно вложить мне в уши правду о том, что ты узнал из того, что меня интересует больше всего!

– Я охотно сделаю это, мой господин мой, – ответил Санчо, – при условии, что ваша милость не рассердится на меня за то, что я скажу, потому что она хочет, чтобы я показал вам правду в шурах и гульфиках, препарированной и смягчённой, а мне придётся явить вам эту правду нагишом, голяком и в совершенно непотребном виде, не облачая ни в какие одежды, кроме тех, в каких она завалилась ко мне со своими трэшowymi новостями.

– Я ни в коем случае не буду сердиться! – ответил Дон Кихот, – Ты вполне можешь, Санчо, говорить свободно и без обиняков.

– Ну, первое, что я хочу сказать, – сказал Санчо, – это то, что этот вульгарный народец по вашей милости все как один почитают вас с потолка до плинтуса, как у них считается, величайшим сумасшедшим в мире, безумцем, а меня – толстым, обрюзгшим придурком, чуть менее безумным, но тоже с вольтами и прибабахом! Идальго все наперебой твердят, что ваша милость, потеряв всякий разум и не сдерживая себя в своих причудливых эскападах, почла, что вашей милости мало просто числится рядовым идальго и посему ваша милость присобачила к своему имени приставку «Дон», хотя имущества у вас, честно говоря, шаром покати и с гулькин нос, и едва ли на заднем дворе разыщешь хотя бы две-три хорошие лозы, лошадь хромая, задница всегда в заплатах, а то и смотрит сквозь прорехи наружу, а земли – с ноготок, в общем – делишки обстоят довольно-таки так себе. Меж тем другие кабальеры стали говорить друг другу, что им нефиг якшаться с доном, которому пристало не то, что кафтан у собачницы чистить – пристало только наёмным конюхом ходить, чистить-блистить башмаки печной сажей и чёрные чулки белой или зелёной шёлковой ниткой штопать, зашивать.

– Это, – сказал Дон Кихот, – не имеет ко мне никакого отношения, потому что я всегда хорошо одет и никогда ничего не штопаю; хотя рвань – другое дело и тут всё возможно – подо мной всё ломается больше от оружия, чем от времени.

– Что касается, – продолжал Санчо, – храбрости, вежливости, подвигов и признания вашей милости, тут уж, простите, существуют разные мнения; одни говорят: «сумасшедший, но забавный жук»; другие: «храбрый, но несчастный жмот»; третьи: «вежливый, но дерзкий придурок»; и здесь все они расходятся во мнениях, где так много всего, и они уже так перемысли всем нам косточки, что ни от вашей милости, ни от меня не осталось ни единой здоровой шестерёнки!

– Послушай, Санчо, – сказал Дон Кихот, – где бы ни шлялась добродетель, и особенно, когда её удаётся достигнуть своих высших степеней и пределов, везде и всюду, её в высшей степени преследуют злые силы! Мало кто или, можно сказать, нет практически никого, если брать пример с высоких и славных мужей древности, возьмём к примеру Юлий Цезаря, он был оболган с ног до головы ещё при жизни, а уж после смерти – и говорить нечего, всех их оклеветали и залили вонючим дерьмом по самое небалуйся! Только я и ещё мало кто может отмыть теперь их славную, но заблёванную нечестивцами репутацию! Начнём с яйца! Юлий Цезарь, очень энергичный, невиданно благоразумный и храбрый воитель, отличался честолоубием и некоторой неухоженностью ни в одежде, ни в манерах. Александр, чьи подвиги принесли ему славу Великого, говорят, порой, и довольно часто был в отрубке, то есть в умате, в основном по причине дикого пьянства. О Геркулесе, о том, как много он работал, рассказывают, но в обычной жизни, как сообщают свидетели, он был весьма непристойным и докучливым типом. Настоящая обезьяна с низким лбом и повадками гамадрила! О доне Галаоре, брате Амадиса Галльского, ходят слухи, что он был более чем хохотушкой; когда он начинал хохотать по тому или иному поводу, остановить его было совершенно невозможно даже Папе Римскому со всеми его карликами и кардиналами, а о его брате известно, что он был плаксой и размазнёй, и плакал даже над случайно убитой им блохой. Итак, о Санчо, среди множества

клевет, которые обрушиваются на добрых и честных людей, вполне может оказаться и та, что направлена на меня, в этом мире не стоит ничему удивляться, ты сам уже прекрасно сказал об этом!

– Вот оно, прикосновение, тело моего отца ожило! – повторил Санчо.

– Ну, что, есть у тебя ещё что-нибудь? – спросил Дон Кихот.

– Хвост ещё не оторван, ягодки ещё впереди! – сказал Санчо, – А до сих пор это были цветочки и завязи, но если ваша милость хочет знать всё, что есть о калошах, которыми в него кидаются всякие прохиндеи, я приведу одного типа сюда позже, и только он вам всё порасскажет, не пропуская ни крошки; что вчера вечером сюда вернулся сын Бартоломео Карраско, который учился в Саламанке, получил там степень бакалавра, и, когда я приветствовал его, он сказал мне, что история вашей милости уже опубликована в книге под названием «Приключения Гениального идальги Дон Кихота де ла Манча» и она доносит всякие небылицы обо мне, которого вывели под моим прежним именем Санчо Панса и сеньоре Дульсинее дель Тобосо – сеньорой Дульцинеей, а также о других вещах, которые мы познали, общаясь наедине, и о том, что я даже стал креститься, испугавшись, откуда всё это мог узнать историк, который их написал.

– Я уверяю тебя, Санчо, – сказал Дон Кихот, – что автором нашей истории, должно быть, был какой-нибудь очаровательный мудрец и кудесник; такие люди не скрывают ничего из того, что узнали и о чём хотят написать!

– И как же такое возможно? – сказал Санчо, – Если он был мудр и обаятелен, как вы говорите, то почему новоиспечённый бакалавр Самсон Карраско, которого так зовут, и о котором я говорю, автора этой истории назвал Сид Ахмет дель Баклажан! Бен Нахале?

– Это имя Мавританца! – ответил Дон Кихот.

– Так я и не сомневаюсь, – ответил Санчо, – потому что по большей части я слышал, что все мавры дружат с баклажанами!

– Ты, должно быть, Санчо, – сказал Дон Кихот, – ошибся в прозвище этого Сиды... «Баклажан» по-арабски означает господин! Ты не маленький, Санчо, уже должен был бы знать об этом!

– Вполне возможно, – возразил Санчо, – но если вашей милости угодно, чтобы я заставил его приехать сюда, я тут же слетаю за ним, одна нога здесь, другая – там!

– Я был бы, дружище, очень признателен тебе за это! – сказал Дон Кихот, – Меня тревожит то, что ты мне рассказал, и я не съем даже корку хлеба, пока не разгадаю эту загадку и не раскумекаю загадку!

– Ну, тогда я пошёл за ним? – ответил Санчо, шаркая подмётками. И, оставив своего господина в одиночестве, он отправился на поиски бакалавра, с которым вернулся оттуда через пару часов, и втроем они затеяли долгий и до одури забавный разговор.

Глава III

Об уморительных и душещипательных прениях, разразившихся между Дон Кихотом, Санчо Пансой и бакалавром Самсоном Карраско

Дон Кихот погрузился в глубокие размышления и не выходил из задумчивости до самого появления бакалавра Самсона Карраско, от которого он надеялся услышать новости о себе, записанные в той книге, о которой сообщил Санчо; и он до сих пор не мог поверить в существовании такой книги, поскольку на лезвии его меча ещё не высохла кровь убитых им врагов-андрияков, а оказалось, что книга о его подвигах уже давно вышла в свет и уже гуляет по свету так, что у Росинанта только копыта звенят. При всём этом он воображал, что какой-нибудь мудрец, неважно, будь то друг или враг, с помощью чар и волшебства шустро её напечатал, и если то сделал, да, неизвестный, тайный друг, то явно, для того только, чтобы возвысить и вознести на горние высоты его подвиги и возвысить над самыми выдающимися из странствующих рыцарей, а если это враг, то он этим занимался только затем, чтобы уничтожить добрую славу этих подвигов, замолчать их в веках и поставить крест на доброй памяти потомков, и попутно опустить его сияющие подвиги ниже самых гнусных и бесшабашных уголовных происшествий, которые когда – либо были описаны каким – либо подлым оруженосцем, даже несмотря на то, что оруженосцы обсуждали и говорили они друг другу, чтобы никогда не описывать подвиги оруженосцев; и когда бы комунибудь из них втемяшилось в голову записать и опубликовать такую историю, будучи, как я уже сказал, странствующим рыцарем, то она по праву должна была бы быть громкой, звонкой, знаковой, великолепной, изящной и правдивой.

Этим смутными доводами, как ему казалось, здравого смысла, он несколько утешился, но тут же был убит горем при мысли, что автор, описавший эту историю, был мавром, судя по имени Сид, которую ему приписывали, а от мавров трудно было ожидать даже йоты правды, потому что все они обманщики, лжецы и ловкие проходимцы и выжиги. Он боялся, как бы в этой книге не затесались обстоятельства, имеющие отношения к его любовным утехам с госпожой Дульсинеей Тобосской, с описанием какой-нибудь гнусной непристойности, которая могла бы подорвать и повредить его репутацию и лишить его чести, он хотел, чтобы книга гремела лишь о его верности и превозносила его порядочность, которые он всегда блёл, как зеницу ока, пренебрегая королевами, императрицами и девицами всех возрастов и достоинств, сдерживая порывы своих естественных инстинктов...

И вот, погруженный в эти и многие другие фантазии, Дон Кихот был найден Санчо и Карраско, которых он, встрепенувшись, принял очень вежливо. Этот бакалавр, хотя его звали Самсон, он был не очень крупного телосложения, скорее сутулый и хлибый, хотя и очень смуглый, коренастый, и при этом весьма добродушный человек, ему было около двадцати четырёх лет, помимо того он был круглолиц, с курносом носом и большим, кривым ртом, короче, имел все признаки того, что происходил из неблагополучной семьи и дружил с разными буйными компаниями, якшался с дружками-собутельниками, такими же пьяницами и насмешниками, как и он сам, и поэтому, едва завидя Дон Кихота, он сразу опустился перед ним на колени, горланя на ходу:

– Дайте мне, ваше несравненное величество, руки, и позвольте сжать их, сеньор Дон Кихот де ла Манча, ибо по привычке Святого Петра, которые я изучил, как миленькие, и которые у меня как родные, хотя, признаюсь, у меня нет других орденов, кроме орденов первых четырёх степеней, ваша милость является одним из самых знаменитых странствующих рыцарей, которые когда-либо были и даже ещё будут бродить по поверхности Земного Шара! Да

обрушится всё благословение мира на Сида Ахмета фон Бененгели, который оставил историю вашего деятельного величия написанной, и да здравствует любопытный, который позаботился о том, чтобы перевести эти славные сочинения с арабского на наш вульгарный, низкий испанский для всеобщего просвещения и развлечения любезной публики!

Дон Кихот тут попросил его подняться и сказал:

– Итак, правда ли, что в мире уже написана и издана моя история, и что её сочинил мавр и мудрец?

– Это так же верно, сэр, – сказал Самсон, – как то, что Солнце ходит по небу, а Луна закрыта облаками, и кошки рождаются у кошек, и у меня даже имеется информация о том, что на сегодняшний день напечатано более двенадцати тысяч книг с этой историей... Если вы не верите мне, то скажите прямо, и тогда мы можем послать запрос в Португалию, Барселону и Валенсию, где они были напечатаны, и даже в Антверпене печатается и сияет на бумаге ваша слава, и в некоторых других городах. Так что мне стало ясно, что не останется нации или языка, на которые это сокровище не было бы переведено и напечатано!

– Одна из вещей, – сказал в этот момент Дон Кихот, – которая должна доставлять наибольшее удовольствие добродетельному и выдающемуся человеку, – это видеть, как он живёт, ходит с добрым именем по языкам всех народов, запечатленный и увековеченный в словах и эпитетах. Я сказал – главное – доброе имя, ибо, случись наоборот, никакая смерть не сравнится с этим несчастьем!

– Касательно же доброй славы и доброго имени, – сказал бакалавр, – то общеизвестно, что только вашей милости пристало пожимать руку всем странствующим рыцарям, ибо мавр на своём языке, а христианин на своём, но по сути совместно, позаботились очень живо изобразить нам храбрость вашей несравненной милости, великий дух, проявленный в стремлении постоянно совершить невиданные подвиги, терпеть опасности и лишения, преодолевая невзгоды и страдания, а также обретаясь в несчастьях и ранах, купаясь в своей честности и воздержанности столь несравненной платонической любви вашей милости к госпоже доньи Дульсинеи Тобосской.

– Никогда, – сказал в этот момент Санчо Панса, – я не слышал, чтобы мою госпожу Дульсинею называли доньей, но знаю только госпожу Дульсинею Тобосскую, и уже в этом история оказывается брехливою!

– Это не очень важное возражение! – ответил дон Карраско.

– Нет, между прочим, – ответил Дон Кихот, – скажите мне, ваша милость, господин бакалавр: какие мои подвиги наиболее значимы в этой истории?

– На этот счёт, – ответил бакалавр, – существуют разные мнения, как и разные вкусы: одни останавливаются на приключениях с ветряными мельницами, которые по вашей милости показались кому-то Бриариями и Колосальными Великанами; другие обращают внимание на приключениях с сукновалами; третьи – на описаниях двух армий, которые после войны были разбиты и казались двумя стадами брехливых баранов; а иной увлечётся историей того мертвеца, которого везли хоронить в Сеговию; а как много тех, кто воспевают освобождение ликующих каторжан; не говоря уж о том, что есть нечто, сравнимое с явлением двух гигантов Бенедиктинцев, а также кровавой схваткой с отважным бискайским разбойником.

– Скажите мне, сеньор Бакалавр, – сказал в это время Санчо, – включена ли туда история авантюриста Янгвэсса, когда наш добрый Росинант вздумал искать груш на дне морском?

– У него ничего не осталось за душой и в чернильнице, – ответил Самсон, – у мудреца чернильница в конце оказалась пуста: в ней не осталось ни капли чернил, всё было сказано и на всё было сказано, указано, учтено, не исключая даже козьявки, прошу прощения – вши, вместе с которой добрый Санчо летал на одеяле!

– На одеяле я не летал делал никаких кульбитов! – ответил Санчо, – В воздухе летал, это – да, и даже больше, чем мне хотелось бы... но...

– Насколько я себе представляю, – сказал Дон Кихот, – в мире нет ни одной человеческой истории, в которой не было бы своих взлетов и падений, особенно это проявляется в историях, которые касаются просвящённого блукающего рыцарства, где никогда не было чересчур благополучных концов...

– При всём при том, – ответил бакалавр, – некоторые, кто читал эту историю, утверждают, что, если бы они могли повлиять на это дело хоть каким-то образом, они бы заставили автора существенно сократить и уменьшить количество зуботычек и палок, которые обрушиваются там на голову синьора Дон Кихота.

– В этом-то и заключается правда жизни! – сказал Санчо.

– Вы также могли бы по справедливости промолчать об этом! – сказал Дон Кихот, – потому что действия, которые не изменяют и не искажают правды исторической, незачем записывать, если они приведут к пренебрежительному отношению к главному персонажу этой истории. Даже Эней не был таким уж благочестивым Энеем, каким его рисует Вергилий, и Улисс не был таким благоразумным Улиссом, каким его описывает Гомер! Всё хорошо в меру!

– Это верно! – встрял Самсон, – Но одно дело писать стихи, как пишет поэт, а другое-как историк: поэт может рассказывать ради красного словца или воспевать вещи вовсе не такими, какими они были по-настоящему, а такими, какими они должны были быть, изображать их идеалистически и превратно, а историк должен писать их не такими, какими они должны были быть, а такими, какими они были, не добавляя и не убирая ничего, кроме правды.

– Ну, уж если этот сеньор мавр действительно говорил правду, – сказал Санчо, – то, конечно, среди палок, которые свалились на голову моего сеньора есть и палки, не попавшие по нему и обрушившиеся на меня, потому что никогда по его милости у него не было такого случая, чтобы снимая мерку со спины моего господина, не сняли мерку и с моего крестца... Но, Боже милостивый, чего в этом удивительного? Ведь сам мой господин говорит, что головная боль равно отдаётся во всём теле!

– Экий ты плут, Санчо! – ответил Дон Кихот, – К счастью, у тебя нет недостатка в памяти, касательно того, что ты захотел запомнить, и дефицит её касательно вещей неприятных и грязных!

– Когда я даже захочу забыть о тех палках и дубинках, которые на меня обрушивались, – сказал Санчо, – кардиналы не дадут на то согласия, ибо кардиналы не поверят, потому что по их рёбрам никто никогда толком не проходил.

– Молчи, Санчо! – сказал Дон Кихот, – и не перебивай сеньора Бакалавра, которого я умоляю, сеньор, продолжайте рассказывать мне то, что сказано обо мне в помянутой истории.

– И обо мне, – крикнул Санчо, – тоже пусть говорят, потому что это я один из главных пресонажей.

– Персонажей, а не пресонажей, друг Санчо! – уточнил Самсон.

– Кроме этого, тут умники ещё есть? – спросил Санчо, – Как бы то ни было, продолжайте в том же духе, а то мы так до свету не управимся!

– Пусть покарает меня бог, Санчо, – ответил бакалавр, – если ты не являешься вторым лицом в этой истории; и заверяю вас, что находятся такие читатели, которые ценят рассказы о вас, Санчо, больше, чем о самом живописном из всех персонажей, хотя находится и целая куча таких, кто утверждает, что вы были слишком доверчивы, полагаю, что я могу позволить себе напомнить об этом, поверив в истинность существования этих приснопамятных островов и возможности всласть погубернаторствовать на них, столь стремительно предложенную вам господином Дон Кихотом, который присутствует на сём разговоре.

– В Лас-Бардаксе еще светит Солнце! – сказал Дон Кихот, – Время терпит, и чем больше у Санчо будет опыта управления, тем с годами он будет более подходящим и более опытным руководителем, чтобы в конце концов стать губернатором.

– Боже мой, сеньор, – воздел глаза Санчо, – Не вводите меня в ёханный соблазн! Островом, которым я не правил в мои зрелые годы, я, видит бог, не буду править и в годы Мафусаиловы! Беда в том, что остров блаженства куда-то внезапно испарился с глаз моих, а не в том, что мне не хватает сил и сметки, чтобы управлять им и господствовать там!

– Положись на Бога, Санчо, – сказал Дон Кихот, – и поверь, что всё будет хорошо, а может быть, и лучше, чем ты рассчитываешь; ибо ни один лист на дереве не шевельнётся без воли Божьей!

– Это правда, – сказал Самсон, – и она заключается в том, что, если Богу будет угодно, у Санчо не будет недостатка и в тысяче островов, которыми он мог бы управлять, тем более одним.

– Губернаторов я повидал выше крыши, – сказал Санчо, – и убедился, что, по-моему, они все копошатся где-то возле подлентуся и так не доходят до подошвы моего ботинка, и, тем не менее, их называют «ваша честь», «ваша милость», а им, прошу заметить, подают на серебряном блюде!

– Эти люди, как вы сами понимаете, управляют не островами, – возразил Самсон, – а другими территориями, которыми управлять попроще, ведь те, кто правит островами, должны, по крайней мере, знать грамматику!

– С граммой я бы справился, – сказал Санчо, – матику я знаю непонаслышке, но с тикой я не дружу принципиально, и не плачу по этому поводу, потому что не знаю её. Но, предоставляя дело правления сосредоточенным в руках Божьих, я прошу, чтобы не скурвиться, я умоляю господина отправить меня в те края, где я смогу более всего пригодиться, а вам, сеньор бакалавр Самсон Карраско, я хочу сказать, что мне бесконечно приятно, что автор этой истории говорил обо мне так, чтобы не расстраивать меня, чтобы всё, что обо мне рассказывают, показывало меня с самой лучшей стороны, что, по мнению такого хорошего оруженосца, как я – дело хорошее, поскольку, если бы он сказал обо мне что-то такое, что показывало бы на меня, как на не очень хорошего христианина, каким я являюсь, мой голос давно услышали бы и глухие в аду!

– Это было бы истинное чудо! – ответил Самсон.

– Чудо или не чудо, – сказал Санчо, – а пусть каждый следит за тем, как он говорит или как пишет о пресонах, и не ставьте троше моче первым, что приходит в голову магине! Я понятно выражаюсь?

– Более чем! Одним из недостатков этой истории, – сказал бакалавр, – является то, что её автор поместил в неё роман под названием «Дерзкий Прелюбопытный»; не из-за плохого изложения или чего-то необоснованного или странного, или из-за того, что она здесь неуместна в принципе, поскольку не имеет никакого отношения к истории его милости сеньора Дон Кихота, о нейговорить мы не будем!

– Я готов биться об заклад с кем угодно, – возразил Санчо, – что этот сукин сын смешал собачью капусту с мышинным навозом.

– Теперь моё слово! – сказал Дон Кихот – Я вижу, что автором этой моей истории был не мудрец, а какой-то болтливый невежда, который, поддавшись искушению и без особенных красот стиля, взялся написать её, и всё быу него вышло, как это делалось у Орбанехо, художника из Убеды, которому, когда его спрашивали, что он рисует, он отвечал: «Что на глаза попадёт». Как-то раз изощрился он и нарисовал петуха, да такого кривого, страшного и неприятного вида, что пришлось написать рядом с ним готическими буквами:

«Это петух».

И так, должно быть, обстоит дело и с моей историей, что вам поневоле понадобятся комментарии и комментаторы, чтобы понять её...

– Нет! – ответил Самсон, – потому что эта история настолько ясна, что в ней нет ничего затайливого: дети её нащупывают, юноши её читают, мужи её понимают, а стариков она весе-

лит; и, наконец, она такая банальная, такая читаная-перечитаная и такая известная у всех народов, которые, едва увидев какого-нибудь тощего Росинанта, говорят: «Вон идёт Росинант». И те, кто больше всего посвятил себя своему делу, – это пажи: нет ни одной у господской приемной, где бы не отыскалось Дон Кихота: одни берут его, другие выхватывают его из рук; эти нападают на него, а те просят им одолжить на недельку. Наконец, такая история-одно из самых приятных и наименее вредных из всех развлечений, которые когда-либо я видел, потому что во всей этой истории не обнаружено ни одного нечестного, неприличного слова, ни одной противной мысли, кроме католической.

– Писать по-другому, – сказал Дон Кихот, – было бы писать не правду, а ложь, а историков, которые ценят ложь, следовало бы сжечь, как тех, кто делает фальшивую монету; и я не знаю, что побудило автора полагаться на чужие романы и рассказы, так как их так много, что они не имеют никакого смысла, писал бы о моих подвигах: несомненно, ему следовало придерживаться пословицы: «Из соломы и из жита..» и так далее. Ибо поистине, просто выражая свои мысли, свои надежды, свои слёзы, свои добрые пожелания и свои порывы, я мог бы сделать том больше или настолько больше, чем тот, который может быть выполнен всеми на свете Торсадами. В сущности, я понимаю, мистер бакалавр, что для того, чтобы сочинять истории и книги, какими бы удачными они ни были, необходимы здравый смысл и зрелое понимание. Козырять шутками и дерзить остроумием – несомненно, свойство великих умов. Никому не оспорить, что самое умное лицо любой комедии – шут, ибо открыто признаваться, что он дурак, может только очень продвинутый человек! История же – вещь совершенно священная, потому что она должна быть правдивой, и там, где правда, там и Бог, насколько Бог – это правда; но, несмотря на это, есть некоторые авторы, которые таким образом сочиняют, что выблёвывают из себя книги, как олады!

– Нет такой плохой книги, – сказал бакалавр, – в которой не было бы чего-то хорошего!

– В этом нет никаких сомнений, – возразил Дон Кихот, – но часто случается так, что те, кто заслуженно завоевал и добился большой известности своими произведениями, поскольку сдавая их в печать, они полностью теряли уважение читателей, растрачивали талант и костенели в своём творчестве.

– Причина этого в том, – сказал Самсон, – что, поскольку печатные произведения просматриваются медленно, исподволь и превратно, их недостатки легко обнаруживаются, и чем больше они изучаются и вылазят наружу, тем выше слава того, кто их написал. Людям, прославившимся своим остроумием, великим поэтам, выдающимся историкам, всегда, если не чаще, завидуют те, кто завидуют и в силу не особой занимательности их собственных опусов, судят о чужих произведениях, не выставив на всеобщее обозрение даже малую толику своих.

– В этом нет ничего удивительного, – сказал Дон Кихот, – потому что есть много богословов, которые не годятся для кафедры, и они очень хорошо разбираются в недостатках или пороках тех, кто проповедует.

– Всё это так, сеньор Дон Кихот, – сказал Карраско, – но я хотел бы, чтобы такие цензоры были более милосердными и менее шепетильными, чтобы им и в голову не приходило подсчитывать тёмные пятна на Солнце того сочинения, которое они принимают хулить, ибо, если *aliquando bonus dormitat Homerus*, пусть вспомнят как долго он бодрствовал, сколько менял мест, дабы так осветить свою работу, чтобы она состояла из одних солнечных пятен, не считаясь даже с тем, что иные из этих пятен могут оказаться пятнами родимыми, или инородными, которые иной раз усиливают красоту лица, на котором они есть; и поэтому я говорю, что тот, кто печатает книгу, подвергает себя огромному риску, ибо совершенно невозможным сочинить такую книгу, которая удовлетворяла бы и радовала поголовно всех, кто её читал.

– То, что касается меня, – сказал Дон Кихот, – я думаю, эта книга мало кого обрадует!

– А вот и наоборот; что, как и в случае с *stultorum infinitus est numerus*, бесконечно много тех, кому могла понравиться такая история; хотя некоторые из них улыбались, что память автора

худая и кривая, поскольку он забыл рассказать, кто был вором, укравшим у Санчо осла, отчего вор остался неизвестен, из чего делается вывод только о том, что его украли, и отсюда же мы вскоре видим его верхом на той же кобыле, тьфу, осле, который невесть откудатурт взялся. Они также говорят, что он забыл указать, что Санчо сделал с той сотней эскудо, которые он нашел в чемодане в Сьерра-Морене, тут он больше не называет никаких имён, и многие хотели бы знать, что сделал снимисанчо или на что он их потратил, что является одним из существенных моментов, недостающих в книге.

Санчо ответилна это так:

– Мне, господин Самсон, честно говоря, сейчас не для того, чтобы заниматься счетами или росказнями, у меня случился замор в желудке, и если я не смочу его двумя глотками выдержанного, крепкого винца, этот замор посадит меня на кол Сент-Люсии. Оно у меня дома, этовинцо, жд1т меня, меня также ждут мои слушатели и как только я закончу есть, я вернусь и удовлетворю вашу милость и всех, о чём бы вы меня ниспросили, всёравно, что, от потери лошади до расходования ста эскудо.

И, не дожидаясь ответа и не сказав больше ни слова, он пошёл к себе домой. Дон Кихот просил и умолял бакалавра остаться, с тем, чтобы отпотчевать, что бог дал, вместе с ним. Настроение у него было холостяцкое: тот остался, и донКихот добавил к своему обычному рациону пару голубей, а когда угостил всех за рыцарским столом, поддался молчаливому настроению Карраско, и таким образом банкет закончился, они вздремнули, потом вернулся Санчо и они возобновил прошлую беседу.

Глава IV

Где Санчо Панса отвечает холостяку Самсону Карраско на его сомнения и вопросы, рассказывая о других событиях, достойных того, чтобы о них узнать и поведать

Санчо вернулся к Дон Кихоту и, возвращаясь к прошлым мыслям и рассуждениям, сказал:

– Поколикун сеньор Самсон сказал, что хотел бы напутственно знать, у кого, или как, или когда была украдена моя кобыла, куда делся Серый, в ответ я говорю, что в ту самую ночь, когда мы, спасаясь от Святого Братства, вошли в Сьерра-Морену, после безрассудной авантюры с галеотами, которую мой шеф обзывает приключением и той историей, в которой фигурировал этот покойник, которого они везли в Сеговию, мы с милордом, моим господином доном Кихотом забрались в самую глухую, самую непролазную чашу, где мой господин, прижатый к своему копыю своими пристрастиями и присягой, и я на своём Сером, измученные и уставшие от прошлых драк, так что падали с ног, заснули на камнях, как на четырех пуховых матрасах, в частности, я спал таким тяжёлым сном, что не понял, когда какие-то злодеи вознамерились мне навредить, я так и не знаю, кто бы это был, только он успел добраться до меня и подвесить на четырех кольях, которые он прикрепил с четырех сторон к алебарде, так что он оставил меня верхом на ней и подтащил меня под себя на веревке, а я этого не почувствовал, а между тем из-под меня увели моего Серого, оставив меня сидеть на пустом седле.

– Это простое дело, в сущности – пустяк и не очень новое, то же самое случилось с Сакрипанте, когда, находясь в осаде Альбраки, с помощью того же изобретения знаменитый разбойник по имени Брунело вырвал лошадь у того из-под ног.

– Рассвело, – продолжал Санчо, – и стоило мне только вздрогнуть от утренней измороси и пошевелиться, когда колья развалились в разные стороны и я упал вместе с этим чёртовым седлом на землю. Тут я продрал глаза и глянул по сторонам в поисках своей лошади и не увидел её. У меня на глазах выступили слёзы, и я так зашёлся, источая слёзы отчаянья, что если автор нашей истории упустил этот момент и не описал мои страдания, и не привёл моих горестных причитаний, то грош ему цена в базарный день, и можно с уверенностью тогда сказать, что ничего путного в его толстенной книге нет, и читать её если и стоит, то только очень выборочно и местами! Не знаю, через сколько дней, но тогда ковыляя вместе с госпожой, принцессой Микомиконой, мне навстречу попался осёл, ба-а, и на нём ехал по цыганской своей привычке тот самый принопамятный Хинес де Пассамонте, тот самый обманщик и величайший злодей и плут, которого мы с моим господином сняли с цепи.

– Дело не в том, что серый нашёлся, – возразил Самсон, – а в том, что до появления кобылы автор говорит, что Санчо ехал верхом на осле.

– На это, – сказал Санчо, – я не знаю, что ответить, видать, господин сочинитель намудрил чего, и обманул всех, иначе это было бы уже ошибкой наборщика.

– Это, конечно, так, – сказал Самсон, – но что случилось с той сотней эскудо? От них избавились? Цыгане не оставили их в живых?

Санчо отвечал:

– Блаженны блаженные, ибо они блаженны вдвойне! Блаженны сырые и серые, ибо они есть! Блаженные сущие, ибо живы пока и так! Я потратил их во благо себя, своей жены и детей, и они стали единственной причиной того, что моя жена терпела все эти шашни, капутстрофы, прототернии и те дороги по карьерам, которыми я, прости бог, поколесил сверх меры, служа

моему господину Дон Кихоту, страшно подумать, что если бы по прошествии стольких лет ардалепсических скитаний, я вернулся домой сырым и босым, без своего осла, представляете, какая чудовищная участь меня бы ждала? Моя милушка растерзала бы меня на пороге моего дома, как терзает кур, прежде чем отправить их в очаг! А если от меня есть что-то нужно вам узнать, то вот я здесь, перед вами, и посему готов держать полный ответ своей пресоной хоть перед королём, хоть перед герцогом каким, хоть перед кардиналом или попом, а хоть перед кем угодно! И при этом никого не касается, куда я дел деньги, привёз ли я их, отвёз, или дел куда, истратил, зарыл, съел, пропил, истратил-не истратил, никому не должно быть до этого никакого дела, ибо, если монетизировать все колотушки, синяки, фингалы, царапины, проколы, порезы, ожоги и раны, которые прошли по моему телу за время моего славного путешествия вместе с господином моим Дон Кихотом, и взвешивать и оценивать их хотя бы по цене четыре мараведи за фингал, так не то, что какие-то жалкие сто эскудо, двести, если не четыреста достало бы, чтобы рассчитаться со мной только наполовину, и пусть все те, кто несогласен, сами допросят свою высохшую совесть, правильно ли я поступаю, и называю ли я белое – белым, а чёрное – чёрным, в конце концов, святые тут по дорогам неваляются и не бродят, все люди таковы, каковы они есть, какими их бог сотворил, такими они и пригодились, а могли быть и много хуже!

– Да, тут надо тщательнее, – сказал Карраско, – обвиняя автора этой истории в том, что, если он напечатает её ещё раз, надо добавить, пусть не забудет включить в новое издание золотые слова, что сказал добрый Санчо, это послужит истинному украшению этой книги и сделает её лучше, чем она есть.

– А что ещё нужно подправить в этой книге, господин бакалавр? – спросил Дон Кихот.

– Да, должно быть, – ответил тот, найдётся, что подправить, но ни одно из исправлений не столь существенно, чтобы говорить об этом.

– А кстати, – сказал Дон Кихот, – автор, чего доброго, не угрожал ли выдать на гора ли вторую часть?

– Да, он обещал! – ответил Самсон, – Но при этом говорит, что не нарыскал её и не знает, у кого она есть, и поэтому мы сомневаемся, выйдет она или нет; и вот почему, а также потому, что одни говорят: «Никогда вторые сватовства не были хороши», а другие: «Вещей Дон Кихота достаточно даже тех, которые он сам написал». И есть сомнения, должно или не должно быть второй части; хотя некоторые, более весёлые, сатурнинцы, говорят: «Придите в себя: нам всё, касаемое Дон Кихота по душе, продолжайте нападать на Дон Кихота и поговорите с Санчо Пансой, и что бы это ни было, этим мы удовольствуемся!»

– А чего придерживается автор?

– А вот чего, – ответил Самсон, – обнаружив, что он нашёл историю, которую искал с необычайным усердием, он тут же отправит её на печать, движимый скорее интересом, чем желанием дать ей продолжение, или какой-либо другой похвалой. Деньги, как вы знаете, не пахнут!

На что Санчо сказал:

– Автор только деньги интересуют, только на них и проценты он смотрит? Будет удивительно, если он добьётся успеха, потому что он будет заниматься только хабаром, хабаром, как портной накануне Пасхи, а дела, которые выполняются быстро, никогда не доводятся до того совершенства, которого они требуют. Обратитесь к этому господину мавру, или к тому, кто он есть на самом деле, и посмотрите, что он делает. Я и мой господин можем накидать ему столько набросков и сюжетов в области приключений и разных событий, что он сможет составить не только вторую часть, но и сотую. Должно быть, этот добрый человек, несомненно, думает, что мы заснули здесь на соломе и купаемся в благах, как сыр в масле; так что подставьте нам подножку, и вы увидите, что мы тут чуть ноги не протянули. Что я могу сказать, так это то, что, если бы милорд прислушался к моему совету, мы бы уже давно участвовали в этих

походах, искореняя всякое зло и исправляя кривду, как это всегда было принято у добрых странствующих господ рыцарей!

Санчо ещё не закончил излагать эти завиральные теории, как до его ушей донеслось ржание Росинанта – ржание которое Дон Кихота счёл наидобрейшим знаком, счастливым знаком, призывающим его совершить ещё одну вылазку на три или четыре дня; и, объявив о своей попытке бакалавру, он испросил совета того, куда ему надлежит путь держать и с какой ноги начать свой рабочий день.

Тот ответил ему, что, по его мнению, он должен отправиться в королевство Арагон и в город Сарагосу, где через несколько дней в честь праздника Святого Георгия должны состояться очень торжественные празднества, на которых он сможет завоевать славу победителя среди всех арагонских рыцарей, что было бы победой над всеми рыцарями, что ещё остались в мире. Бакалавр при этом нахваливал Дон Кихота за его честность и храбрость, проявленные в решимости броситься в пучину новых испытаний, но предостерег его от дальнейших попыток подвергнуть свою бесценную жизнь чрезмерным невзгодам и опасностям, потому что, де, его жизнь уже принадлежит не столько ему самому, сколь всем тем, кто нуждается во время его злоключений в его защите и помощи.

– Это то, от чего я отказываюсь, сеньор Самсон, я не согласен, – сказал в этот момент Санчо, – ибо когда мой шеф набрасывается на сотню вооруженных бугаёв, он похож на какого-нибудь мальчишку-сладкоежку, набредшему на полдюжины сладких дынь! Чёрт возьми, мистер бакалавр! Да, есть время крушить и время сматывать удочки; а некоторым втемяшилось в голову всё только покрикивать «Славься, Испания, да расславья, Испания!» Дышать темно от всего этого! «Откройся, Сантьяго, и закройся, Испания!» И многое другое, что я слышал, и прежде всего от моего воинственного господина, и я верю этому, как верю самому господину моему, если я правильно помню, мне говрилось, что между дедьями трусости и джунглями безрассудства лежит узкая прогалина – Храбрость; и если это так, я не хочу, чтобы мой господин убежал невесть от чего, и не спешил невесть почему ввязываться в драчку против целой орды безмозглых храбрецов! Но прежде всего я должен предупредить моего господина, что если он возьмёт меня с собой, то это будет только при условии, что драться и вражиться будет он только один, и что я не буду обязан ничем иным, кроме как присматривать за его личностью в том, что касается его чистоты и его рыцарского дара, ради такого, пусть он верит, – я расшибусь в лепёшку, но думать, что я, тьфу, тьфу, тьфу, должен браться за меч, даже не то, чтобы злобных вурдалаков или великанов с топорами, а даже против хлибых разбойников с большой дороги, – значит думать о пустяках. Я, лорд Самсон, собираюсь снискать славу не храбреца, а лучшего и самого преданного оруженосца, который когда-либо служил храбрости странствующего рыцаря; и если мой господин Дон Кихот, обязанный мне многими добрыми услугами, пожелает дать мне какой-нибудь островок из многих, которые, по словам его милости, должны быть там обнаружены и оприходованы, я буду очень признателен за это; и если он не даст его мне, бог с ним. я всё-таки для чего-то рождён в этом мире, и человек не должен жить в таком состоянии, как сейчас, кто-то другой, кроме Бога, тогда, возможно, подаст мне и более того, сможет сотворить мне нечто так же хорошо, а может быть, даже лучше, и я буду знать о хлебе насущном не по наслышке, как сейчас, а даже более, чем будучи губернатором; откуда мне в конце концов знать, нет ли у дьявола в этих правительствах при островах какой-нибудь зацепки, или подножки, что споткнусь, упаду и сломаю себе челюсть или хребет? Санчо я родился, и Санчо думаю помереть; но если бы при всём этом, от хорошего к хорошему, без особых просьб и без особого риска, небо уготовило мне какую-нибудь остров, островок, островчишко, острованчик или что-то подобное, я не настолько глуп, чтобы отказаться от него; ибо также сказано: «Когда тебе дадут тёлку, беги за веревкой»; и «Когда тебе дадут корову, тащи на верёвке домой». «Приходит добро, волокиты его в свой дом, бро!».

– Ты, братец Санчо, – сказал Карраско, – глаголишь, как профессор, но при всём при этом надейся только на господа Бога и на сеньора его Дон Кихота, который должен вам подарить королевство, а не какой-то там остров!

– Это и к лучшему, если не к худшему! – ответил Санчо, – Мне бы получить хотя что-нибудь одно, даже половинку обещанного, хотя я знаю, сеньор Карраско, чтобы ни дал мне мой господин, королевство или самую захудалую расхудалую скалу в океане, за всё будет великое спасибо, всё я возьму в крепкие руки свое и поскольку пока что нахожусь в здравом уме и крепкой памяти, засучу рукава посильнее, возьму косу и кнут, надену железные сапоги и пойду править королевствами и островами железной руцей, только, твари, держитесь тогда у меня, чтобы кому-нибудь в голову не пришло, что я чего-то не умею или не знаю, или утаиваю. Я это моему господину говорил уже тысячу раз! Надеюсь, он меня расслышал!

– Послушайте, Санчо, – сказал Самсон, – ремесло меняет нрав человека, и, возможно, став губернатором, вы бы не узнали своей матери, которая носила вас во чреве и родила в муках.

– Так можно говорить о всяких противных басурманах, – ответил Санчо, – а не о тех, кто, подобно мне пребывает в статусе самой чистой распречистой расхристианской крови! Да вы сами посмотрите на меня – разве кто может подумать, что я способен быть неблагодарным типом!

– Дай-то Бог, – сказал Дон Кихот, – но сначала надо посмотреть, что он будет делать, когда бразды правления упадут ему на голову, мне уже кажется, что это случится буквально на днях!

Сказав это, он попросил бакалавра, если уж он оказался такой поэт-распоэт, что лучше некуда, оказать ему небольшую услугу и сочинить для него несколько стихов, посвященных предстоящем горестному расставанию со своей любимой госпожой Дульсинеей Тобосской, и сделать так, что в начале каждого стиха стояла буква из её имени, так, чтобы в конце каждого стиха её имя было записано полностью и сложив первые буквы стихотворения вместе, читались: Дульсинея дель Тобосо.

Бакалавр ответил, что, поскольку он не принадлежит к числу известных поэтов Испании, которых, как говорили, было всего три с половиной, он не устанет сочинять такие стихи, хотя и предполагает большие трудности в их составлении, потому что букв, содержащих название, было девять, четыре и шесть. и что если бы он написал четыре четверостишия, осталась бы три буквы лишних; а если четыре пятистишия, которые он постарается как-нибудь решить эту проблему или выкинуть одну букву, чтобы втиснуть имя Дульсинеи Тобосской в четыре пятистишия.

– Во всяком случае, именно так и должно быть! – сказал Дон Кихот, – потому что, если там не будет явного и очевидного имени, ни одна женщина не поверит, что эти стихи посвящены Дульсинеи Тобосской!

На этом и порешили, подчеркнув, что отъезд оттуда будет через восемь дней. Дон Кихот поручил бакалавру хранить тайну, особенно в отношении священника и маэссе Николасу, а также от его племянницы и ключницы, чтобы они не мешали своими причитаниями его честной и мужественной решимости. Всё это Карраско гарантировал. На этом он распрощался, поручив Дон Кихоту сообщать ему обо всех хороших или плохих событиях, происходящих в его жизни, и делать это, когда тому будет удобно; и таким образом они распрощались, а Санчо отправился приводить в порядок то, что было необходимо для торжественного выезда.

Глава V

О сдержанном и любезном разговоре, который произошёл между Санчо Пансой и его женой Терезой Пансой, и о других событиях, достойных счастливой памяти

(Когда переводчик этой истории начинает писать пятую главу, он говорит, что она кажется ему апокрифической, потому что в ней Санчо Панса говорит в другом стиле, чем ему свойственно, и изъясняется слогом, который совсем не подходит к его природному скудоумию, ибо жонглирует и говорит такими тонкими материями, какие реальному Санчо и присниться не могли, но в силу своих переводческих обязательств не имел права прекращать перевод, выполняя то, что положено по его профессии; и поэтому он продолжал свой перевод.

Санчо вернулся домой в таком весёлом, радостном и ликующем настроении, что его жена зафиксировала его радость на расстоянии выстрела из арбалета, и была настолько заинтригована, что тут же и спросила:

– Что с тобой, Амиго Санчо? С чего такое ликование и смех?

На что он ответил:

– Жenuшка моя, если бы Богу было угодно, я бы был не таким разудалым, как кажусь!

– Я не понимаю тебя, муженёк! – нахмурилась она, – и я не знаю, что ты задумал и имеешь в виду, говоря, что, даст Бог, вы будете недовольны; что, глупая Магьер, я не знаю, кому доставляет удовольствие не иметь его.

– Послушайте, Тереза, – ответил Санчо, – я счастлив, потому что полон решимости снова служить моему господину Дон Кихоту, который в третий раз хочет отправиться на поиски приключений; и я снова отправляюсь с ним, потому что этого жаждет моя душа, а также я исполнен надежд, которые меня возносят, и размышляя о том, смогу ли я найти ещё сто эскудо, подобных уже потраченным, мне грустно расставаться с тобой и моими детьми; и если бы Бог хотел дать мне кусок хлеба без особых лишений и хлопот, оставив в моём доме, не таская меня по путям и топям, потому что захоти он такого, ему это раз плюнуть, если бы он, конечно, захотел, моя радость зиждилась бы на более веских основаниях, а та, что у меня есть, смешана пополам с печалью о том, что я покидаю тебя; таким образом, моя радость была бы более сильной и веской. что, я правильно бы сказал, что будь на то воля божья, мне бы не следовало радоваться вообще!

– Послушай, Санчо, – возразила Тереза, – после того, как ты стал членом клана кабальеро анданте, ты заговорил такими закомаристыми экивоками, что чёрт ногу сломит, пытаюсь тебя уразуметь!

– Достаточно, если меня осилит понять один лишь наш всевышний Господь, женщина! – помпезно ответил Санчо, воздев палец, – Ему совершенно точно советчицы в юбке не потребны! Он один во всём прекрасно разбирётся, и давай оставим эти пустые бредни! И предупреждаю тебя, сестрица – в твоих же интересах в течение этих трёх дней заняться Серым, чтобы он был готов к походу, как звёздочка на небе! Возьми: наложи ему корма, погляди на состояние алебард и всего такого прочего, потому что мы собираемся не на свадьбу, а на кровавые гастроли, будем куролесить по всему миру, и будем сражаться и буяннить с великанами, биться смерзкими эндрьяками и вертеть вестготами, будем слышать со всех сторон свист, рёв, грохот, баллады и псалмы, мать их за ногу, и даже все это – цветочки по сравнению с грядущими разборками с ангуэзцами и со всякими другими маврами, чёрт бы их всех подрал!

– Я вполне верю, муженек! – возразила Тереза, – что странствующие оруженосцы халявного хлеба не едят; и поэтому я останусь умолять Нашего Господа поскорее избавить тебя от такого дурного предприятия!

– Послушай меня, женщина, – ответил Санчо, – если бы я сразу не понял, что неминуемо стану губернатором острова, я бы упал здесь замертво, и каюк!

– Нет, муженёк! – сказала Тереза, – Да здравствует курица, пусть даже с её несчастным приплодом; живи уж пока, и чёрт возьми, сколько бы этих чёртовых губернаторств ни существовало в мире; без губернаторства ты вылез из чрева своей матери, без губернаторства мыкался и тыкался по миру до сих пор, и без губернаторства уйдёшь в мир иной, или тебя заберут к гробовой доске, когда будет угодно Богу! Стань ты губернатором, или не стань, из числа людей тебя никто всё равно не исключит! Лучшая припрова в мире – это голод; и, поскольку в нём никогда не было недостатка для бедных, они всегда едят с превеликим удовольствием. Но послушай, Санчо: если судьба всё-таки пошлёт тебе какое-нибудь-нибудь губернаторство, не забывай обо мне и твоих детях. Сам знаешь, что Санчику уже исполнилось пятнадцать лет, и у него есть все основания ходить в школу, если только его дядя настоятель отпустит его из Церкви. Не забывай также, что Мари Санча, твоя дочь, она умрёт, если мы не выдадим ее замуж, она то и дело намекает мне, что так же сильно хочет иметь мужа, как ты хочешь стать губернатором, и, в конце концов, девке лучше иметь плохого мужа, чем хорошего хахалю.

– По доброй воле, – ответил Санчо, – если Бог даст мне какое-нибудь правление, я женю, жена моя, Марию Санче так удачно, что её можно будет называть никак не иначе, как мадам!

– Нет, Санчо, – ответила Тереза, – лучше выдай её замуж за её ровню, это будет самым правильным; а если из сабо вы выведете её в туфельках вместо её деревянных башмаков чапины, а вместо дешёвейшего платишка вырядите в шелковые наряды, да ещё не дай бог с фижмами, и заставите всех величать её сеньорой такой-то, она точно растеряется и начнёт на каждом шагу попадать впросак, обнаруживая самую грубую и основу её ткани.

– Заткнись, дура! – сказал Санчо, – что все это будет продолжаться два или три годика, потому что потом к ней придут барство и власть, это всё пристаёт к деньгам, как плесень; а если нет, какое это имеет значение? Стать бы ей, ваша честь, вашим сиятельством, а всё остальное приложится!

– Санчо, соизмеряй своё самомнение своим положением – ответила Тереза, – и не вздумай возвыситься над старшими, к тому же обрати внимание на поговорку, которая гласит: «Соседскому сынку вытри нос и запри его в своем доме»!

Между прочим, ты думаешь, было бы очень мило выдать нашу Марию замуж за какого-нибудь графчишку или за кабальеишку, который, когда ему вздумается, переоденет её во всё новое, а потом будет попрекать всем этим, называть мерзавкой и подлой деревенщиной?! Мол, мать её пряха, а отец – простофан-мужичина! Не в коня корм такой муженёк! Для этого ли, кстати, я и воспитывала свою дочь? Привози поскорее, Санчо, свои деньжата, а женитьбу, так уж и быть, оставь на моё попечение, у меня на примете есть Лопе Точо, сын Хуана Точо, рослый и здоровый парень, и мы его знаем, как облупленного, я знаю, что он положил глаз на нашу дочурку и помимо этого он нам ровня, замужем за ним ей будет хорошо, и мы всегда можем иметь за ним пригляд, и все будем едины, дружны – отцы и дети, внуки и зятья, и да пребудет мир и благословение Божье над нами и между всеми нами; и не смей отдавать её сейчас в эти чортовы дворы и в эти холодные замки, где ее не поймут, не примут, да и она не поймёт, где она и кто...

– Подойди сюда, чудовище из гарема Вараввы, – вспылел Санчо, – почему ты сейчас, без чего и для чего, хочешь помешать мне выдать мою дочь замуж за того, кто родит мне внуков, которых назовут синборами и синьоритами? Послушай, Тереза: я всегда слушал, что старики говорили – тот, кто не умеет вовремя устроить свои дела, чтобы потом наслаждаться заслуженным отдыхом, когда он приходит, потом не должен жаловаться, если с ним в жизни

что-то стрясётся. И было бы крайне скверно, если бы сейчас, когда удача сама рвётся в нашу дверь, мы закрыли бы её и пинком выгнали бы удачу, ветер попутный, давайте позволим этому попутному ветру нести нас! (По манере речи и по тому, что Санчо говорит ниже, переводчик этой истории решил, что следует считать эту главу апокрифом.)

– Не кажется ли тебе, неразумное животное, – продолжал Санчо, – что было бы неплохо прибрать к рукам какое-нибудь выгодное губернаторство, которое так или иначе вытащит нас из грязи? И ежели потом я выдам замуж Мари Санче на ком я хочу, то ты увидишь, как тебя сразу же назовут Донья Тереза Панса, и ты будешь сидеть в церкви на алькатифе, подушках и арабелях, несмотря на и вопреки всяким деревенским соискателям. А нет, так продолжай торчать на месте, исиди себе сиднем, как церковный истукан! И давайте закончим эти дурацкие разговоры, Санчика должна стать графиней, даже если ты прочишь ей удел бесприданницы!

– Думай головой, прежде чем говорить такое, муженёк? – ответила Тереза, Что ж, несмотря на все твои доводы, я утверждаю, что пуще всего боюсь, что это графство моей дочери не стало её погибелью. Ты поступай, как тебе заблагорассудится, молись, чтобы кого-то сделали герцогиней или принцессой, но я знаю, что это произойдёт не по моей воле и вопреки моего согласия. Я всегда, братец, была сторонницей равенства, и я не могу видеть в этом ничего странного! Меня крестили под именем Тереза, это простое и скромное имя, без каких-либо приамбасов и околичностей, без выпендрежа и абы чего. Каскахо – так звался мой отец, а меня, поскольку я твоя жена, по имени Тереза Панса, и не зря я наречена Терезой Каскахо. Но если надо всем царят короли, со своим погонялом – занонами, то и под этим именем я счастлива, и не хочу носить на соей шее какую-нибудь приبلуду виде звания донья или раздонья таковской, ибо такой хомут на шею весит жуть как много, и я не смогу его носить, и я не хочу равняться с теми, кто увидит, как я хожу в наряде какой-нибудь расфуфыренной графиньки или губернаторши, которые потом скажут: «Я не могу выносить её! Вы только посмотрите, как нос задирает эта чумичка, ещё вчера надрывала спину и чесала лён, а теперь на мессе хлопает ушами, накрыв голову подолом вместо мантии, и уже сегодня фиэму на все застёжки защёлкнула, и с таким видом, как будто не знакома с нами! Если Бог пожалеет меня и сохранит мне мои не то семь, не то пять чувств, в общем, все те, что у меня есть, а я не дам случая затянуть меня в подобную афёру! Ты, братец, шуруй в своё губернаторство или в совет какой там по своему усмотрению, но ни моя дочь, ни я, клянусь моей матерью, ни на шаг не покинем околицы нашей деревни: честной женщине и сломанная прялка – друг; и скромной слуге своего мужа шалаш – самое райское местечко! Отправляйтесь со своим Дон Кихотом за своими коцаными приключениями и оставьте нас с нашими злоключениями и бедами в покое, пусть Бог сделает наши злоключения прекрасными по сравнению с вашими приключениями, чтобы жизнь была терпимой, какими бы скверными мы ни были; а я, кстати, не знаю, кто наделит его чином «дон», поколику такого звания не было ни у его родителей, ни у его детей!

– Молчи, несчастная! Теперь я говорю! – повторил Санчо, – Что за бес в тебя вселился? Помилуй Бог, баба, да что ты городишь здесь, без толка и смысла! Какое отношение имеют эти застёжки, фижмы, поговорки и крючки к тому, что я говорю? Подойди сюда, глупая и невежественная сельская тупорылица (я могу так тебя называть, потому что ты не понимаешь моих резонов и бежишь от грядущего блаженства): если бы я сказал, что моя дочь бросилась с башни вниз или что она отправилась шляться по миру, как и инфанта донья Уррака, или пердонья Собака, ты была бы права, и я не стал бы этого делать, на вкус и цвет, как говорится, согласия нет, но если на двух вёслах и менее чем через мгновение ока я приволоку её тебе, как истинную донью, её сиятельство и светлость, притащу на буксире, вытащу её из зарослей и вашего грязного болота, и кину её тебе в подол, и ещё посажу на кучу парчовых, ворсистых подушек, какие даже маврам из Марокко не снились,, почему бы тебе не согласиться и не захотеть того, чего хочу я?

– Ты сам знаешь, муженёк, почему я не согласна! – ответила Тереза, – Есть поговорка, которая гласит: «Наряд, что тебя одевает, он же и раздевает тебя!» По бедняку взгляд скользит, а на богатом останавливается; и если такой богач когда-то был беден, то пусть ждёт ругани и напрасляны, и только рот открой, как этих проклятуших уже целый пчелиный рой жужжит.

– Послушай, Тереза, – ответил Санчо, – послушай, что я хочу тебе сказать, должно быть, ты и слыхом не слыхивала такого во все дни своей жизни, да, честно сказать, и не я это сказал, и вот что я собираюсь сказать, – это изречения отца-проповедника, святого отца, который в прошлый великий пост проповедовал в этом городе, и если я правильно помню, он сказал, что все настоящее, на что смотрят наши глаза, укладывается, в нашей памяти и кажется нам гораздо лучше, объёмнее и ярче, чем давно канувшее прошлое. (Все эти доводы, которыми тут играет и балуется Санчо, являются веской причиной, согласно которой переводчик считает и эту главу апокрифом, ибо всё сказанное далеко превышает интеллектуальные возможности Санчо, который, надо сказать, на этом не остановился) – Отсюда вытекает, что, когда мы видим какого-нибудь человека, хорошо одетого, богато обихоженного и с пышной прислугой, кажется, что он силком побуждает нас уважать его и всячески побуждает нас выказывать уважение к нему, несмотря на то, что память в то же мгновение воскрешает нам эту персону во времена её бедности и унижения, и хотямы видим, как эта персона хороша собой сейчас, мы помним, как жалка она была когда-то, не задаваясь вопросом, чему виной его бедность – происхождению ли, ленности или ещё чему, а потом мы снова возвращаемся в день сегодняшней и, удивлённые взираем на чужой несомненный успех.

И если этот человек, которого судьба превратила в силу его несовершенств сначала утопила в нечистотах нищеты, а потом вознесла на вершины богатства (это не я утверждаю, это сказал чвятой отец) процветания и наделтла ненвиданными титулами, если этот человек будет хорошо воспитан, добр, отзывчив и вежлив со всеми и не будет вступать в пререкания с теми, кто по происхождению благороден и стоит с ним на одной ноге, имей в виду, Тереза, что не будет тех, кто хоть кусочком мозга помнит, что было когда-то, но будет радостно благоговеть перед тем, что есть, не беря во внимание, само собой разумеется, разных прихлебателей-завистников, которые завязли в своём неискоренимом коварстве, а от таких, ты, Тереза, сама знаешь, не застрахована никакая благополучная судьба.

– Я тебя совсем не понимаю, дражайший муженёк, – возразила Тереза, – делай, что хочешь, бог тебе судья, и больше никогда не морочь мне голову своими дурацкими рассуждениями и идиотской риторикой. И если ты не решишься делать то, что говоришь и что тебе забезраззудилолось...

– Хорошая жена должна говорить мужу «заблогорассудилось», а «забезрассудилолось», как может сказать простоволочая, дурная, необразованная, тёмрая и сквертая бабища!

– Не спорь, муж мой, со мной! – ответила Тереза, – Я говорю так, как подобает Богу, как мне Бог наклал на душу, понимаешь, и не намерена углубляться в дальнейшие дискуссии и перебранки; и я говорю, что если ты вознамеришься захотеть получить своё долбаное губернаторство, возьми с собой своего сына, Санчо, чтобы паче чаянья ты с молодых ногтей стал наблатькивать его управлять губернией или своим островным хозяйством, на знаю пока название острова, потому что хорошо, когда сыновья, как только оторвутся от груди матери, начинают наследовать отцовским прибабасам и учатся ремёслам своих предков.

– Когда у меня будет губернаторство, – сказал Санчо, – я пошлю ему по почте вызов с королевской печатью и пришлю тебе мешок денег, в которых у меня тогда не будет недостатка, потому что никогда не бывает недостатка в тех, кто ссужает бабки губернаторам, когда у них их нет, и тогда, мать, одень его так, чтобы он скрывал то, кем он был, и выглядел с иголки, так, как должен выглядеть настоящий барчук и идальго!

– Только пришли мне денег, муженёк, – сказала Тереза, – а я уж за ценой не постою, порву все модные магазины, разодену его как ярмарочную конфетку в Сретенье!

– В сущности, получается, что мы пришли к согласию, – удовлетворённо сказал Санчо, похлопывая себя по брюху, – что наша дочь поневоле должна стать графиней!

– В тот день, когда я увижу её графиней, – ответила Тереза, – я буду считать, что она умерла, отдала богу душу и накрылась медным тазом, и я похоронила ее, но ещё раз говорю тебе, делай всё, что тебе влезет в голову, а я-то знаю, что, как бы ты ни вертеться и казуитствовал, женщины рождаются, чтобы быть послушными рабынями своим мужьям, даже если они тупицы и с этим бременем должны отбыть в мир иной!

И при этом она стала рыдать так искренне, как будто уже видела Санчицу мёртвой и похороненной в сосновом гробу. Санчо утешил её, сказав, что, поскольку он собирается сделать ее графиней, он сделает это как можно позже, в самом конце своей великой миссии.

На этом их разговор закончился, и Санчо вернулся к Дон Кихоту, чтобы освятить приказ к его отъезду.

Глава VI

О том, что случилось между Дон Кихотом и его племянницей, а также ключницей, и это одна из наиважнейших глав всей этой истории

В то время как Санчо Панса и его жена Тереза Каскахо вели этот предезкий и заводной разговор, племянница и хозяйка Дон Кихота тоже не сидели, сложа руки, улавливая по тысяче косвенных признаков и сходясь во мнении, что их дядя и сеньор хотят порвать со своими обязанностями и обычной жизнью и в третий раз вернуться к упражнениям в своём, сквернопраздностранствующем сверхшатком рыцарстве, вернуться, по общему мнению, к «заблуждениям», к которым они стремились, несмотря на страшные усилия падчерицы и ключницы, чтобы Дон Кихот и его напарник были в безопасности. всеми возможными способами отгоняя несчастного от столь дурных мыслей, но всё это было словом в пустыне, проповедью без паствы, и ковкой остывшего железа. При всём том, после долгих, нудных и ни к чему не ведущих препирательств, которые падчерица вела с ним, хозяйка махнула рукой и сказала:

– Воистину, господин мой, если вам так уж и не сидится на месте, и у вас завёлся волчок в другом месте, который мучит вас и толкает на все эти ваши «огорчения», которые вы называете «Облегчениями» видите, если я увижу, что ваша милость не способна вернуться в этот мир, остаться в своём доме, и не отрешиться от мысли тоскаться по горам и долинам в муках и отчаянии, как вы утверждаете, «в поисках тех приключений», которые, все говорят, называются приключеньями, являясь по своей сути истинными несчастьями, то я буду вынуждена поднять гвалт и начать громко жаловаться и взывать к Богу и королю, чтобы они остановили вас и исправили это несоответствие.

На что Дон Кихот вздыбил голову и ответил:

– Любимая, что Бог ответит на твои жалобы, я не знаю, и что ответит Его Величество, я тоже не знаю, и знаю только, что, если бы я был королём, а тем более Богом, я бы уклонился от прямого ответа на такое бесчисленное количество дерзких прошений, которыми его заваливают каждый день с утра до ночи всякие просители, потому что ответ на этот вопрос – это одна из величайших задач, которые выпадают на долю королей и богов, и которую они выполняют помимо всего прочего, только из своей обязанности выслушивать всех и каждого, чтобы по возможности отвечать всем; и поэтому я бы не хотел, чтобы что-то моё доставляло ему беспокойство.

На что хозяйка сказала:

– Скажите нам, сэр: при дворе Его Величества сколько есть рыцарей?

– Да, – ответил Дон Кихот, – их чудовищно много; и это правильно, что они есть, чтобы украсить величие двора восславить принцев и выставить напоказ королевское величие!

– Ну, не будет ли лучше, ывш смлость, – возразила она, – если вы останетесь одним из тех, кто пешим ходом останется служить своему королю и господину, находясь при дворе?

– Видишь ли, подруга, – вкрадчиво ответил Дон Кихот, засипев фистулой, – не все рыцари в силу своих природных свойств и воспитания рождены быть придворными, и не все придворные могут и способны быть странствующими рыцарями: так, надо полагать, должно быть у всех на свете; и хотя мы все рыцари, мы слишком сильно отличаемся друг от друга; так что придворные, тем не менее, не должны быть странствующими рыцарями. покидая свои покои или прекращая обивать пороги двора, они бродят по всему миру, глядя на карту из окон карет, не испытывая ни жары, ни холода, ни голода, ни жажды, не как мы – настоящие подвижники и странствующие рыцари, которые всегда в седле, на солнце, в холоде, на ветру, в нена-

стью, ночью и днём, пешие и конные, все те, которые меряют землю только шагами, ходят дозором, охраняя от всяких нехристей всю Землю, только мы знаем врагов непонаслышке, видим их не нарисованными, но и в самом их прямом злом, вредоносном виде, и каждый раз, столкнувшись с непримиримым врагом, мы скачем и нападаем на них, не считаясь ни с их числом, ни с законами боя и всякими подобными пустяками и околичностями, к примеру – не сломано ли или более коротко копьё или шпага нашего врага, чем наша, что висит на груди противника – какая-нибудь заколдованная реликвия, образок или какой-нибудь скрытый подвох, как разделить между страждущими солнечный свет и прочими не менее важными церемониями, которые всегда выходят на передний план перед началом любого поединка. Впрочем, что я говорю с тобой о том, чего ты совсем не знаешь, когда я знаю всю эту крючкотворную подноготную! Мы все впадаем в транс, при том, что по любому поводу готовы выполнять их требования, это тебе не в детские игры играть, не задумываясь о последствиях в законах испытаний; и главное, ты должен знать больше: что добрый странствующий рыцарь, даже если он видит десять мясистых великанов, головы которых не только касаются облаков, но и проходят мимо и могут продырявить их, с ногами, как колоссальные каменные башни, а руки похожи на мачты толстых и мощных кораблей, когда каждый глаз, как огромное застывшее во льду мельничное колесо, начинающее раскаляться от ярости и более раскалённое, чем домна, они никоим образом не должны испугать его, прежде чем с кротким сердцем и бесстрашной душой он бросится на этих подлых тварей, нападет на них адовым криком, и, если возможно, победит и разобьёт их в мгновение ока, даже если они были бы вооружены чешуёй невиданной рыбы Куркулюм, которая, как говорят знатоки, прочнее, чем если бы она была сделана из алмаза, железа и чёрт знает чего одновременно, и вместо мечей у них будут преострые ножи из нержавеющей стали. Дамасская сталь, звонкая, как песня или железные дубинки с такими же стальными наконечниками, какие я видел как-то пару раз – вот что нам надо! Все это я сказал, любовь моя, потому что ты видишь разницу между одними рыцарями и другими. И истинно говоря, по справедливости было бы правильно, если бы не было ни одного принца крови или королевича, который не ценил бы больше этот второй или, лучше сказать, первый род странствующих рыцарей, который, как мы читаем в их преправдивейших рассказах, был среди них таким, что спасал далеко не одно такое гиблое королевство, а и множество их.

– Ах, господин мой! – всплеснула руками в это время племянница, – да будет вам известно, ваша милость, что всё, что вы говорите о странствующих рыцарях, это всё великая басня и ложь, и все их истории, пока их всех не сожгли, заслуживали того, чтобы каждой из них дали по самбенито или какой-нибудь особого знака, по которому люди могли бы судить о ней, как заклеимённой позором с предостережением приличным людям даже касаться такой гадости...

– Клянусь Богом, который поддерживает меня, – рявкнул Дон Кихот, вздымая кулаки, – что если бы ты не была моей племянницей по праву, как дочь моей сестры, я должен был бы наложить на тебя неслыханное наказание за богохульство, которое ты разводишь и в котором плещешься, аки тварь позорная, кару, которая прозвучала бы на весь содрогнувшийся от ужаса мир! Как это возможно, чтобы хищница, которая едва умеет орудовать дюжиной ложек для еды, осмелилась высунуть свой мерзкий язык и подвергать осмеянию и цензуре рассказы о славных странствующих рыцарях? Что сказал бы сеньор Амадис, услышь он такое? О, Господи! Держите меня семеро! Но я уверен, что он, всепрощающий даже в свирепости, простит тебя, потому что он был самым скромным и самым вежливым, самым воспитанным рыцарем своего времени и, кроме того, великим защитником девушек... но если бы тебя услышали бы другие, то тебе пришлось бы совсем худо, потому что не все рыцари отменно вежливы и не на всех смотрят, как на друзей, некоторые из них вообще лохи и дикие развратники. Не все те, кто называет себя рыцарями, являются таковыми во всём: одни сделаны из чистого золота, другие – из кастрюльного золота, или ещё чего хуже, и все они кажутся рыцарями, но не все

могут прикоснуться к Философскому камню. Низкие люди должны биться насмерть, чтобы казаться рыцарями, а высокие, родовитые рыцари вынуждены биться насмерть, чтобы казаться простолюдинами; одни идут на поводу у честолюбия или добродетели, другие опускаются или из-за слабости, или из-за порока; и нужно обладать тонким вкусом, чтобы различить эти два типа рыцарства, столь схожих по названиям и столь далеких по сути.

– Дай вам Бог здоровья, дядюшка! – сказала племянница, – Ваша милость знает столь много, господин дядя, что, если бы в этом была необходимость, он мог бы взойти на кафедру и всю проповедовать на этих улицах, и пусть при всем этом ваша слепота так явственна и затмение мозгов столь заметно, асамоуверенность в вашей старческой прозорливости столь смешотворна, хотя вы явно пироизводите впечатление больного и нерешительного человека, согбенного под тяжестью жизненных потрясений, вы храбрый, будучи старым, у которого нет уже силы, чтобы выпрямить мертвых и делать зрячими одноглазых и корчить из себя странствующего рыцаря, ибо рыцарем, чстранствующим или не странствующим не может быть тот, кто беден, как церковная мышь!

– Ты во многом права, племянница, права в том, что ты говоришь, – ответил Дон Кихот, – относительно же происхождения и родословных я мог бы много поведать тебе такого, от чего у тебя брови на лоб полезли бы, но адбы не смешивать в одну кучу божественное с человеческим, я этого не говорю. Слушайте меня, подруги, и будьте внимательны: все родословные можно свети к четырём осчновным типам, а именно: у одних было скромное, почти незаметное начало принципы, и они благодаря благоприятным остоятельства медленно поднимались ввысь и богатели, пока не достигли истинного величия; другие, другие, те, у которых были великие заслуги сначала, смогли сохранить и не растерять их, и некоторые сохраняют и поддерживают их до сих пор, не испытав поражений и падения, третьи – у которых основания жизненного успеха были очень внушительными, но они оказались со временем расстрчены, и как пирамида, уменьшились со временем и наконец расстроились и вошли в ничтожное состояние, пока не остановились на нулевом уровне, как и верхушка пирамиды по отношению к её основанию – ничто; есть ичетвёртые, самые многочисленные династии или родые, у которых не было ничего хорошего ни в начале, которые были неразумны в середине, бросаемые ветром по жизни, как песок в пустыне, и таким образом у них скверный конец, безымянный, как у большинства простолюдинов и всякой нищеты. Из первых, кто имел скромное начало и поднялся до истинного величия, которое сохранила Фортуна, примером для вас может служить Османский дом, который, благодаря скромному пастырю низкого происхождения, который дал ему начало, возвысился до невиданных высот и находится на вершине, которую мы его видим воочию. Из второй линии, которая изначально имела величие и сохраняла его веками, не увеличивая и не спуская его, примером могут быть многие князья, которые по наследству передают своё внушительное достояние и остаются при нём, не увеличивая и не уменьшая капитала и имений, мирно удерживаясь в пределах своих владений. О тех, кто начинал с великого и закончил на пике, можно привести тысячи примеров, потому что все фараоны и Птолемеи Египта, Цезари Рима со всей свитой, если можно так назвать, а также бесчисленных принцев, монархов, лордов., мидян, ассирийцев, персов, греков и варваров – все эти родословные и поместья скудели, мельчали, и наконец совершенно истожились и закончились в полном немотствии и нищете, и никто не помнит ни их основателей, и не найдёт ни одного из его потомков, а если бы мы случайно кого-нибудь и нашли, он был бы в самом низком и ничтожном состоянии. О простолюдинском происхождении мне нечего сказать, но оно служит только для увеличения числа живущих двуногих, и они не заслуживают другой славы или другой похвалы за своё величие, кроме благодарности за увеличениме рабочих рук. Из всего сказанного я хочу вывести неизбежную мораль, чтобы вы, мои славные глупышки, смекнули, что путаница, существующая между членами этих родов страшно велика, и что только те, которые слынут великими и прославленными до сих пор, свидетельствуют о добродетели, богатстве

и щедрости их владельцев. Я сказал добродетели, богатство и щедрости, потому что великий, который порочен, будет порочным великим, а богатый скупердяй будет скупым нищим; что обладателю богатств подобает не иметь их, а тратить их, и не тратить их не как попало, а с умом, его прямая обязанность уметь их правильно тратить. У бедного рыцаря нет иного пути показать, что он рыцарь, кроме как до конца идти по пути добродетели: быть приветливым, воспитанным, вежливым, сдержанным и интересным людям; не высокомерным, не надменным, не ропшущим на окружающих и, прежде всего, милосердным; потому что с помощью двух мараведи, которые он с радостным чувством даёт бедняку, он проявляет такую же щедрость, если не большую, чем тот, кто за два мараведи, подаренных нищему, раззвонит об этом во все колокола и ясно, не найдется никого, кто почёл бы его украшением упомянутых добродетелей, кто, хотя и не знает его, перестал бы судить его и считать его принадлежащим к высшей касте, и не быть таковым было бы чудом; и похвала всегда была высшей наградой добродетели, а добродетельных нельзя не хвалить. Дочери мои, есть два пути, по которым люди идут к богатству и достоинству: один – это учёная стезя; другой – оружие. У меня больше оружия, чем букв в алфавите, и я родился, поскольку оказался склонен к оружию, под влиянием планеты Марс; так что я почти вынужден идти этим путём, и ради него я должен продолжать идти по нему, невзирая на весь мир, и вам будет нелегко убедить меня отказаться от того, у чему меня призывают сами небеса, приказывает судьба и требует разум, и, прежде всего, желает моя собственная воля, это будет с вашей стороны потерей времени и напрасным расточением усилий, ибо, зная, какие ждут меня бесчисленные трудности и испытания, зная, что приходится испытывать странствующему рыцарству, я также знаю и бесконечные блага и дары, которые достигаются с его помощью; и я знаю, что путь добродетели очень узок, а путь порока широк и просторен; и я знаю, что их цели и пути различны, потому что цель порока, обширна и раскидиста, но она заканчивается смертью, а цель добродетели, узкая и трудная, ведёт к вечной жизни, и не та жизнь, которая заканчивается, а та, которой не будет конца; и я знаю, как говорит Господь, что цель и путь порока различны. И ещё мне известно, что по выражению великого испанского поэта:

По этим кочкам к высшему престолу,
Способен ты сквозь тернии пройти
От горних кряжей поднимаясь к долу.

– Увы и ах, какая несчастная! – возопила племянница, – Час от часу не легче! Мой дядя оказался ещё и поэтом! Он всё-то знает, всего-то достиг: я готова спорить на что угодно, что, если бы он хотел стать каменщиком, он бы неминуемо построил дом, схожий с клеткой.

– Я клянусь тебе, племянница, – ответил Дон Кихот, – что, если бы эти высокие рыцарские мысли не овладели бы всеми моими чувствами и помыслами, не было бы ни одной вещи, которой я бы не занимался, ни одного дела, которое было бы мне не по плечу, особенно клетки и зубочистки!

В это время в дверь постучали, и на вопрос, кто там, Санчо Панса ответил, что это он; и едва хозяйка узнала его голос, как бросилась наутёк прятаться, чтобы не видеть его, так сильно она его ненавидела. Племянница открыла Санче, а сеньор Дон Кихот вышел встречать его с распростертыми объятиями, и они тотчас же запёрлись вдвоем в его покоях, где у них состоялся еще один разговор, который был ничуть не хуже всех прошлых.

Глава VII

О том, что произошло у Дон Кихота с его оруженосцем, о других чрезвычайно достопримечательных происшествиях

Едва хозяйка увидела, что Санчо Панса запёрся со своим господином, как она шустро смекнула, о чём могут быть их переговоры; и, вообразив, что после этого собеседования неминуемо должно родиться решение о третьем выезде Дон Кихота, схватила своё манто и вся в смятении и печали, помчалась на поиски холостяка Самсона Карраско, с таким видом, как будто сумасшедший только что принял решение о своем третьем отъезде и гадеясь, что великий дока Самсон Карраско, будучи хорошим собеседником и самым крутым друганом своего господина, смог бы убедить беднягу отказаться от столь рискованной и недостойной цели. Она нашла Самсона прогуливающимся по двору своего дома и, увидев его, упала к его ногам, вспотевшая и замерзшая одновременно. Когда Карраско увидел её такой болезненно-обескураженной, он сказал ей:

– Что с вами, госпожа ключница? Что с такое приключилось, госпожа, что кажется, ваша душа расстаётся с телом?

– Совсем ничего, господин мой Самсон, простите, если не считать, что мой господин уходит, пренебреженно утечёт!

– И что у него протекло, мадам? – спросил Самсон, – Опять у него какой-нибудь перелом приключился? Что он сломал на сей раз?

– Он выбирается не наружу, – ответила она, а в форточку своего безумия! Я имею в виду, любезный господин бакалавр, что он хочет снова выбраться на улицу, чтобы сбежать и отправиться в третий раз искать по всему миру тех, кого он называет вентурасами, хотя я так и не могу понять, кому он даёт такие имена. В первый раз нам вернули его, когда он лежал, избитый всмятку поперёк кобылы, всего измолотого палками. Второй раз его притащили в запряженной волами повозке, запёртым в птичьей клетке, тогда он вбил себе в голову, что его околдовали; и при этом он выглядел так страшно, что оживи его мать, которая его родила в муках, не узнала бы его: худой, жёлтый, с глазами, запавшими в чёрные запёкшиеся глазницы, жуть, так что, чтобы хоть как-то его подрихтовать и подправить, я потратила на него более шестисот яиц, клянусь Богом и всем сущим, мои бедные куры не позволят мне солгать!

– Я ничуть не сомневаюсь, – ответил холостяк, поперхнувшись, – что такие хорошие, такие жирнющие и так хорошо воспитанные куры скорее лопнут, чем осмелятся нам соврать! В самом деле, госпожа хозяйка: нет ли чего-нибудь ещё посквернее, и не случилось ли ещё какой-нибудь неприятности, кроме той, которую, как вы опасаетесь, хочет устроить господин наш Дон Кихот?

– Нет, сэ! – ответила она.

– Ну, тогда не печальтесь! – почти пропел холостяк, – а отправляйтесь в добрый час к себе домой и приготовьте мне что-нибудь горяченькое на обед, а по дороге помолитесь молитвой святой Аполлонии, если вы её знаете, помятуя, что я потом поеду туда, и вы непременно столкнётесь с истинными чудесами!

– Ради бога! Не обращай на меня внимания! – возразила хозяйка, – но, ваша милость, в молитве Святой Аполлонии сказано, чтобы я молилась, если у моего господина не порядок с зубами, а насчёт дурной головы там ничего не сказано!

– Я знаю, что говорю, госпожа хозяйка: уходите и не вступайте со мной в пустопорожные споры, потому что вы знаете, что я – Бакалавр из Саламанки, и что ничего выше бакалавриата

в мире нет! – громогласно ответил Карраско. И с этим хозяйка улепетнула, а бакалавр отправился искать священника, чтобы сообщить ему то, что будет сказано в своё время.

Меж тем в сарае, в котором заперлись Дон Кихот и Санчо, произошли события, о которых с большой точностью и истинными вензелями рассказывает мировая история.

Санчо сказал своему хозяину:

– Сэр, я уже засветил моей жене, чтобы она отпустила меня с вашей милостью туда, куда вы захотите меня закинуть!

– Санчо, «засветил» – звучит не блестяще! Ты должен был употребить слово – «просветил» – сказал Дон Кихот.

– Пару раз, – ответил Санчо, – если я правильно помню, я умолял вашу милость не впаривать мне ваших словечек, если вы вообще понимаете, что я имею в виду, и чтобы, когда вы их не совсем раскумекаете, сказали: «Санчо, о дьявольщина, я вас не понимаю!»; и если я не заявлю о себе, и не смогу объяснить, только тогда вы сможете исправить меня, я ведь человек похвалистый...

– Что-то я тебя совсем не понимаю, Санчо, – прервал его Дон Кихот, – потому что я не знаю, что значит «я такой похвалистый»..

– Так просто значит со всеми согласный, – ответил Санчо, – я в самом деле такой.

– Санчо, я уже совсем почти не понимаю, что ты там буробишь! – возразил Дон Кихот.

– Ну, если вы не можете меня понять, – ответил Санчо, – я уж не знаю, как вам это объяснить, и больше ничего не хочу знать, и да пребудет со мною Бог!

– Да, я уже в этом убедился, – ответил Дон Кихот, – ты хочешь сказать, что ты такой шёлковый, послушный, мягкий и заботливый, что примешь то, что я тебе накажу, и пройдёшь через то, чему я тебя научу!

– Готов поспорить, – сказал Санчо, – что с самого начала вы прекрасно поняли меня и раскумекали, но вместо этого хотели огорчить и чуток сбить с панталык, чтобы ещё чёрт знает чего наговорил.

– Возможно! – ответил Дон Кихот, – И действительно, что там говорит Тереза?

– Тереза велит, – сказал Санчо, – чтобы я охулки на бог весть чего не клал, блёльвские уговоры, которые для неё, похоже, дороже денег, потому что разводящий – не приходящий, а снывши волосы о голове не вспоминают, потому что у кого колода, тому и сдавать, и лучше синица в небе, чем журавль в рукаве милостью и чтобы вы говорили в карты и помалкивали, потому что тот, кто сдает карты, не тасует, и как говорит стельная корова, бабье слов врать готово, несмотря на то, что блаженны блаженные, ибо блаженны вдвойне, а куда взор ни кинь, везде «Аминь!»

– И я тоже так говорю, – согласился Дон Кихот, – Скажи, Санчо Амиго, ты не устал? Сегодня, Санчо, у тебя, аншлаг, что ни слово – то перл!

– Дело в том, – возразил Санчо, – что, как вашей милости лучше всего известно, что все мы не черти и посему подвержены смерти, и что сегодня мы есть, а завтра нас, пук – нетути, и что агнец желторотый уходит так же быстро, как и старик седобородывый, и что никто не может рассчитывать в этом мире на больше часов жизни, чем того пожелает Бог, потому что смерть глуха, как уши у лоха, и, когда она стучится в двери нашей жизни, жизнь всегда приходит в уныние, потому что смерть – торопыга и ждать никого не будет, и её ни мольбами, ни слезами, ни интринами не проймёшь, она своё возьмёт, и, как я уже сказал, её не остановят ни мольбы, ни угрозы, ни посохи, ни митры, как гласят гласы и слава, и как нам говорят с этих кафедр.

– Все это правда, – сказал Дон Кихот, – но я пока что не ведаю, где собирается остановиться твой язык?

– Я остановлюсь, – сказал Санчо, – на том, чтобы милость ваша была как большая чаша и установила мне известное жалованье исходя из суммы, которую вы соизволите выдавать мне каждый месяц за то время, что я буду служить вам вердано и превно и чтобы такое жалованье

выплачивалось мне из вашей казны весомыми наличными деньгами; а служить только ради наград мне не надо, я на это не согласен, потому что благо, если эти награды вообще найдут тебя, а то многие уже в могилах полёживают, а только утвердили списки награждённых, эти награды либо опаздывают, или мелкие и паскудные, или никогда не приходят, а со своими золотыми всегда кум королю и сват бог! Короче говоря, я хочу знать, что я получу с этого божественного аферизма, мало это или много, курица, клюк-клюк, тяп по зёрнышку, и сыта и в итоге на яйцо скопила, сначала немножко, потом ещё немножко, а потом, глядишь, и совсем множко, и думаешь, как бы на складе не завалило тебя товаром, а ты всё в дом, всё в дом таскаешь, а из дому – фигу! По правде говоря, если бы это произошло, во что я вовсе не верю и на это не надеюсь, что ваша милость снабдит меня пристойным островом, который она мне обещала, я не буду настолько неблагодарным и, сказать по правде, мои лапы не такие загребушие, чтобы всё это усложнять и мельчить, не учитывая таких ваших даров и презентов, а потому не захочу, чтобы то, что составляет арендную плату за такой остров, не было оценено по достоинству и обесценено, с вычетом из моей кошачьей зарплаты на сумму привилегий.

– Санчо, друг мой, – ответил Дон Кихот, – иногда кошка бывает так же хороша, как и крыса. Так что придержать что-то для под пологом себя гораздо выгоднее, чем удержать в пользу невесть кого!

– Я понимаю! – мирно сказал Санчо, – Я готов поспорить, что Ваша милость, говоря о кошке, имела в виду крысу, а не кошку; но это не имеет никакого значения, потому что ваша милость и так меня прекрасно поняла без лишних слов!

– И так поняла! Или понял! – ответил Дон Кихот, – Знай, Санчо, что я загодя проник в последние твои мысли и знаю, в какую цель ты беспутно бросаешь бесчисленные стрелы своих афоризмов и, мягко говоря, высказываний. Послушай, Санчо: я бы с радостью положил тебе солидное жалованье, если бы нашел в какой-нибудь из историй о странствующих рыцарях пример, который открыл бы мне и показал, по какой-нибудь маленькой лазейке, что эти рыцари и их верные ожируносцы зарабатывали каждый месяц или каждый год определённую сумму; но я прочитал все или большинство их рассказов, и я не могу не признать, что в них есть доля правды. Я не помню, чтобы когда-либо читал, чтобы какой-либо странствующий рыцарь клал известное жалованье своему оруженосцу. Я знаю только, что все они служили на милость бога и что, по крайней мере, когда они думали об этом, если их господам посчастливилось, они были награждены островком или чем-то подобным и, по крайней мере, остались с титулом и званием «ваша светлость» или что-то в этом духе. Если с такими надеждами и со своими расчётами ты, Санчо, захочешь снова служить мне, то в добрый час: но думать, что я откажусь древний и неукоснительный закон странствующего рыцарства, соблюдаемы по старинке, с времён рыцарских походов, – значит думать обо мне скверно. Итак, мой Санчо, возвращайся в свой дом и объяви своей Терезе о моём намерении; и если ей это понравится, и тебе понравится, что ты будешь в моей власти, то *bene quidem* (превосходно!); а если нет, то мы останемся друзьями, как и раньше и разбежимся в разные стороны; ибо если найдётся корм в голубятне, то за голубями дело не станет а если нет приманки, то и голубей не будет. И учти, сынок, лучше хорошая надежда, чем скверная плата. Я это говорю для того, Санчо, чтобы дать тебе понять, что я, как и ты, умею выплёвывать пословицы и изречения со скоростью фейерверка. И, наконец, я хочу сказать и говорю тебе, что если ты не захочешь прийти мне на помощь и испытать удачу на слабо, а я точно намерен испытать, бог с тобой, сиди тут сиднем, лошара, пвысиживай свою бедность и лень, думая, что у меня будет дефицит в оруженосцах, которые могли бы быть более послушными, более заботливыми и не такими напыщенными и болтдивыми, как ты.

Когда Санчо понял твердую решимость своего хозяина, отправиться в поход, если надо, без него, у него сразу потемнело в глазах и упало сердце, потому что он верил, что его господин не уедет без него ни за какие коврижки и блага мира; и поэтому, теперь он замер в напряжённой задумчивости, когда вошли Самсон Карраско и племянница, желая допросить его

с глазу на глаз. на каких основаниях он убеждал своего господина не искать приключений. Пришёл Самсон Карраско, знаменитый шутник-скворец, и, обняв Дон Кихота, как в первый раз в жизни, и, повысив голос, сказал ему:

– О цветок блуждающего рыцарства, о сияющий свет благословенного ратного подвига, о острие самого острого протазана, о честь и зеркало великой испанской нации! Молю всемогущего Бога, где бы он ни находился и чем бы ни был заморочен, чтобы человек или людишки, которые будут стремиться воспрепятствовать и помешать твоему третьему юбилейному выезду в мир, заблудились в поисках собственного «Я», потерялись и канули в в лабиринте своих желаний и грёз, дабы во веки веков, никогда не было исполнено то, чего они так сильно желают.

И, повернувшись к хозяйке, сказал ей:

– Госпожа ключница вполне может отныне больше не произносить молитву Святой Аполлонии, которая, как я знаю, заключается в точном определении сфер, в которых сеньор Дон Кихот снова начнет воплощать в жизнь свои высоки, новые и уникальные помыслы, и я был бы очень благодарен своей совести, если бы получил от неё высокий посыл не уговаривать, не умолять этого благородного рыцаря-новотора прекратить более сдерживать энергию доблестной своей длани, и проявить наконец несказанную доброту его воистину прехрабрейшего духа, ибо своей медлительностью он подрывает великолепный шанс мгновенно выправить кривду и водрузить святые знамёна правды на воротах Града Мира, осуществить долгожданную защиту всех сирот, оборонить честь всех юных девиц, заслужив благосклонность вдов и расположение замужних и осуществив многие другие скрытые от глаз заморочки, и всё такое, и всё такое прочее, и всё в таком духе, что касаясь его святых прерогатив в рамках прямых обязанностей, та-та-та, ба-ба-ба, клуба Рыцарей Странствующего Ордена, поклонников Святой Аполлонии Благосклепной, и в рамках приличествующих ему и подобающих телодвижений!

Дон Кихот на мгновение замер, впитывая в себя пряный аромат этой ветвистой, как рога оленя, речи, а потом развернулся и сказал Санчо:

– Разве я не говорил тебе, Санчо, что у меня оруженосцев, как мух на гумне? Посмотришь, кто предлагает мне свои услуги, и глаза разбегаются в разные стороны, тут их тьма жужжит, один, другой третий, кроме неслыханного своими неописуемыми достоинствами вечного школяра и хулигана Самсона Карраско, радетеля грязных дворов салмантских, поборника прав алкоголиков. покровителя школ и девиц, здоровяка телом, подвижного и ловкого в движениях, молчаливого, не боящегося ни жары, ни стужи, стойко сносящего голод и жажду, сосредоточие всех лучших качеств будущего оруженосцем странствующего рыцаря. Но пусть само небо возмутится и не допустит, чтобы я, следуя своим личным пристрастиям и странностям, разрушил и растоптал эту триумфальную арку мировой литературы и навсегда расколочил полную чашу наук и просвящения, срезал выдающуюся пальмовую ветвь цветущих искусств мира. Нет, мы пойдём другим путём! Оставайся же, о, новый Самсон, в любезном своём отечестве и, почитая его, обиходуй и храни седые волосы своих престарелых родителей, ибо я с любым оруженосцем буду счастлив, коли уж Санчо не соблагоизволит отправиться вместе со мной!

– Да, достойный господин мой! Соблагоизволю! Да! – страстно ответил Санчо, потрясенный, с глазами, полными слёз, и продолжил, – За меня никто не скажет, господин мой: «Хлеб съеден – дружба врозь!», да, никто не скажет, что я происхожу из какой-то неблагодарной сволочи, которая и так всем известна, все на свете и особенно в нашем родном селе исстари знают, кто такие Пансы, о которых я отпочковался и происхожу, и более того, и которые известны и даже знамениты благодаря многим добрым своим делам и еще большему количеству добрых слов, так что желание вашей милости оказать мне милость; и паче чаянья ваши высокие раздумья в отношении решения вопроса моего жалованья, всё это было только для того, чтобы угодить моей милости и ещё больше умиловить и умастить мою жену, у которой, когда ей что-либо втемяшится в голову, то её не остановить и она тогда молотит. Как молоток по ободьям чана, чтобы всё было по её. Но поскольку в действительности мужчина должен оставаться

мужиной, а женщина-женщиной; и, поскольку я мужчина везде и всюду, и где бы то ни было, и никому не под силу этого отрицать, я тоже хочу быть настоящим мужчиной в своём собственном доме, несмотря ни на что, итак, мне больше ничего не остается делать, кроме как желать, чтобы ваша милость изложила свою волю в своём завещании так, чтобы её ни при каких обстоятельствах нельзя было нарушить, и тогда уж по здравому размышлению, бросив кости и помолвившись вволю, давайте отправимся в путь, чтобы не пострадала душа господина Самсона, который говорит, что его совесть настоятельно требует, чтобы он убедил вашу милость отправиться в поход в третий раз, вечером, отправиться покорять этот мир; а я снова предлагаю и клянусь верно служить вашей милости мерой и правдой на законных основаниях, служить так же хорошо, как раньше и даже лучше, чем тьма тьмущая всяких оруженосцев служили разным странствующим рыцарям в прошлые и настоящие времена.

Бакалавр чуть не упал от восхищения, услышав терминологию и стиль речей Санчо Пансы, ибо, прочитав первую историю его господина Дон Кихота ещё раньше, изумился, поскольку никогда не думал, что тот такой забавный, как его изображают, но, услышав, как Санчо произносит термин «завещание с припиской» как «запрещение с опиской, которое нельзя нарушить», он поверил всему, что прочитал в той потешной книжке, и подтвердил вывод одного из самых здравомыслящих людей всех веков, что перед ним бултыхаются два таких неисправимых сумасшедших дурака, каких никогда не было и тем более не могло быть на свете.

В конце концов Дон Кихот и Санчо обнялись, побратались и снова стали закадычными друзьями, и, по-видимости, с благословения великого бакалавра Самсона Карраско, который в то время был оракулом и, не переставая, нёс какую-то несусветную чушь, однако поскольку Самсон Карраско отныне был для Дон Кихота и Санчо неким подобием оракула, было оговорено, что выезд будет через три дня, в продолжение которых можно было бы хорошо всё обдумать, подготовиться и уложить все необходимое для путешествия, в том числе разыскать головной шлем с забралом для Дон Кихот, который заявил, что без шлема он не стронется с места и никуда не поедет. Самсон подрядился раздобыть шлем, он как-то видел такой у своего приятеля и знал, что тот ни за что не откажет ему в просьбе, ибо шлем имел весьма плачевный вид и не только не блестел подобающе, как должна сверкать полированная сталь, но и грешил открытой ржавчиной и пятнами плесени. Проклятия, которые обе женщины, ключница и племянница, обрушили на бакалавра, не имели себе равных: они рвали на себе волосы, царапывали свои лица и, подобно профессиональным плакальщицам, заранее оплакивали Дон Кихота, как будто это была не прогулка, а смерть их господина. Цель, которую Самсон поставил перед собой, когда принялся убеждать Дон Кихота снова отправиться на правёжь, заключалась в том, чтобы подвигнуть того поступить так, как повествуетсая в книге, и всё это было по совету священника и цирюльника, с которыми он ранее общался, и более подробно будет рассказано дальше.

В итоге за эти три дня Дон Кихот и Санчо запаслись всем, что, как им казалось было необходимо для начала похода; и, едва Санчо успокоил свою жену, а Дон Кихот свою племянницу и ключницу, уже в сумерках, чтобы никто не видел, кроме бакалавра, который возжелал сопровождать их на пол-лиги от дома, они отправились в путь из Тобосо: Дон Кихот на своем добром Росинанте, а Санчо на своем старом осле, с седельными сумками, так набитыми все съестным, что они чуть не лопались на ходу, и сумарём с деньгами, который Дон Кихот вручил Санчо на сохранение. Самсон обнял Дон Кихота и умолял как можно скорее сообщить ему о своей удаче или неудаче, чтобы онмог радоваться этому или огорчаться по этому поводу, как того требовали законы их дружбы. Пожелав Дон Кихоту всего наилучшего, Самсон вернулся на свое место, а те двое двинули на штурм города Тобосо.

Глава VIII

Где рассказывается, что случилось с Дон Кихотом, когда он отправился навестить свою несравненную госпожу Дульсинею дель Тобосо

«Благословен могущественный Аллах! – говорит Хамете Бененгели в начале восьмой главы, – Благословен Аллах! ” – повторяет он трижды; и добавляет, что даёт эти благословения, потому что видит, что у него уже имеются и Дон Кихот и Санчо в походе, и что авторы его приятственной и чересчур правдивой истории могут сообщить, что с этого момента начинаются подвиги Дон Кихота и шутки-прибаутки его оруженосца и посему следует всячески убедить их забыть о прошлых рыцарских доблестях остроумного идальго и обратить внимание на его будущие доблести и подвиги, которые ещё впереди, и которые начинаются вот с того дорожного указателя на леревню дель-Тобосо, как и другие, которые раньше начинались в полях Монтелья, и он просит не столь много за то, сколько он обещает, и посему он продолжает говорить:

«Остались только Дон Кихот и Санчо, и едва Самсон удалился, как Росинант стал бить копытом и ржать, а осёл поддержал его диким рёвом, от которого де Энтрамбос, на пару – рыцарь и оруженосец, восприняли, как очень хороший знак для начала кампании и очень радостное предзнаменование; хотя, по правде говоря, по этому поводу, было больше споров и насмешек, и ослиный рёв быстро возобладал над ржанием Росинанта, из чего Санчо заключил, что результат его предприятия поневоле должен превзойти, затмить и оставить в хвосте предприятие его господина, основываясь, уж я не знаю на чём, возможно, полагаясь на свои астрологические познания, которые он почерпнул невесть когда и незнамо где, поскольку история не утверждает этого, известно лишь, что когда он спотыкался или падал, он чертыхался и на каждом шагу жалел, что вышел из дома, и говорил, что от спотыкача или падений – результатом является только разбитая обувь и сломанные рёбра, и утверждал, что ничего более полезного от этого произойти не может, и был в этом случае совершенно прав, и хотя и был глуп, как пробка, и не очень-то во всём этом разбирался, но вот как-то так...

И сказал ему Дон Кихот:

– Санчо, друг мой, ночь приближается к нам быстрее, чем я полагал и и гораздо быстрее, чем следовало бы, так что, видать, не судьба до свету нам добраться до Тобосо, куда я твёрдо намерен попасть, прежде чем отправлюсь в очередное приключение, потому что только мне выпадет божественное благословением и доброе напутствие непревзойдённой Дульсинеи, и я полагаю, что с этим добрым попустительством я, между прочим, смогу покончить и осчастливить любое опасное приключение, которое выпадет на мою голову, потому что ничто в этой жизни не делает странствующего рыцаря храбрее, чем благосклонность дамы его сердца.

– Я тоже так думаю, – засопел Санчо, – но мне кажется сомнительным делом, чтобы ваша милость смогла у видеться с ней или переговорить, а тем более, свят, свят, свят, получить её благословение, если её до того никогда не удавалось выгнать из загона, где я видел её в первый и последний раз, когда передавал ей свое благословение в виде письма, в котором сообщалось о глупых сумасбродствах и отпетых безумствах, творимых вашей милостью в самом сердце гор Сьерра-Морены!

– Тебе не приходило в голову, Санчо, что эти городушки со скотного двора? – сказал Дон Кихот, – Где, или через кои ты видел эту не заслуживавшую похвалы нежность и красоту – это всего лишь видение? Это должны быть были не что иное, как галереи, коридоры, или залы, или, как они их там называют, оранжереи богатых домов и апартаменты королевских дворцов.

– Все могло быть, – ответил Санчо, – но мне все эти штуковины показались городульками, если не считать того, что я был в полном беспамятстве.

– Тем не менее, Санчо, мы проследуем именно туда, – возразил Дон Кихот, – ибо, как я её увижу, где я её увижу, увижу ли я её через окна или через какие-нибудь щели, дыры или через садовые ограды, мне всё равно, главное – пусть любой лучик Солнца её красоты попадёт мне в глаза, осветит моё понимание мира и укрепит мои чувства, заставив моё сердце биться с новой силой, чтобы оно приобрело уникальную стойкость и непревзойденную по благоразумию храбрость и чистоту!

– Ну, по правде говоря, сеньор, – ответил Санчо, – когда я увидел это Солнце синьоры Дульсинеи дель Тобосо, которое оказалось далеко не таким ясным, чтобы ещё могло отбрасывать от себя какие-то лучи, и, должно быть, потому, что его милость выгоняла тогда и сеяла пшеницу, от которой я уже говорил, всегда кругом поднимается облака клубящейся пыли, так вот, это облако окутало её, как саван, и сгустилось особенно перед её лицом, и пыль буквально стекала по нему!

– Что ты болтаешь, Санчо? – сказал Дон Кихот, – Можно устать вдалбливать тебе в башку, что, неважно, веришь ты или не веришь в то, что моя госпожа Дульсинея копала пшеницу, неважно, что ты там видел, или что ты там говорил, что видел, когда не видел ничего из-за пыли, которая осела у тебя в голове, но явно, что просеивание муки, являясь жизненной необходимостью и одновременно спортивным упражнением, слишком далеко отстоит от всего, что делают и должны делать важные, высокопоставленные особы, люди, которые созданы и предназначены для других упражнений и занятий, люди, удел которых наслаждения и развлечения, а также навыки, демонстрирующие при стрельбе из арбалета точность глаза и неукоснительную принципиальность...! Тебе, о Санчо, видать, плохо памятливы те замечательные стихи нашего поэта, где он рисует нам то, чем там занимались в своих стеклянных чертогах четыре юные грации, как они вылезли из любимого быстроструйного Тахо, высунули головы за ворота и сели на зелёном лужке расшивать узорочьем богатые свои аксамиты, которые описывает нам гениальный поэт, все они были из золота, серебра и жемчуга, и тканые, и плетёные, и бог его знает, какие. И именно таким должен был быть образ моей госпожи, когда ты её увидишь; но зависть, которую какой-то зачарованный волшебник поневоле испытывает ко мне и моим вещам, ко всему, что мне дорого, и зло, которое он замышляет, проявляется и материализуется в разных формах, которые у него в фаворе; и поэтому я боюсь, что в той истории, которую они, как говорят, пропечатали о моих подвигах в своём требнике, если, конечно, её автором был какой-нибудь хитромудрый шустряк, мой враг, они, конечно, подменят одни небылицы другими, смешав с правдой тысячу лживых басен и выдумок, развлекаясь рассказом о всяких пустопорожних мелочах, не имеющих никакого отношения к продолжению настоящей истории. О зависть – корень бесчисленного непотребства и зла, как червь испачивающий ростки добродетели! Все пороки, Санчо, таят в глубине некое наслаждение, но зависть приносит только отвращение, злобу и ярость!

– Я тоже об этом говорю, – ответил Санчо, – и я думаю, что в той легенде или истории, которую рассказал нам бакалавр Карраско, и которая по его словам посвящена нашим душонкам, моя честь, должно быть, подверглась, как говорится, самому лютому нападению, и теперь бродит ночью по улицам, подметая фалдами тротуары. Что ж, будем считать, что это так, меж тем, что я не сказал ничего плохого ни об одном чародее волшебнике или маге, и к тому же у меня не так много достоинств, которым можно было бы позавидовать; что ж, это правда, что я несколько, скажем так, плутоват, чуток себе на уме, но всё это покрывает и покрывает большой слой моей святой простоты, такой естественной и благородной, что она никогда не рядится в чужие одежды и никогда не предстаёт надуманной или выпендренной. И коли бы мне осталось только твёрдо и искренне верить, как я всегда верю, не обращая внимания ни на что, в Бога нашего и во всё, что есть сущего и во что верит Святая наша Римско-Католическая Церковь,

имея в хвосте такого смертельного врага евреев, каким я являюсь, историки должны были проявить ко мне несусветное милосердие и хорошо отнестись ко мне в своих неимоверных трудах. Но говорите, господа, что хотите и как хотите, я родился голышом, голышом шустря, и голышом, видать, сойду в землю, в этом ни выигрыша нет, ни проигрыша, о каком говорить можно; хотя из-за того, что я занесён в эти книги и теперь хожу по этому миру из рук в руки, мне по фигуре, что они там говорят обо мне все, пусть болтают всё, что им заблагорассудится.

– Мне так кажется, Санчо, – сказал Дон Кихот, – что нечто подобное случилось со знаменитым поэтом наших дней, который, сочинив злобную сатиру на всех придворных шлюх, одну из них не помянул и не помянул, надо признать её ни строчкой, так что в существовании оной можно было бы вообще усомниться, была она таковой или нет, а эта куртизанка, раскумекав, что её не оказалось в списке других дам, сразу стала жаловаться поэту, спросив его, что он в ней такое увидел, и чем она так провинилась, чтобы её возможно было не ставить в один ряд с другими славными шлюхами, и надо, де, исправить всё это и включить её в список куртизанок, так что пусть он удлинит сатиру и увеличит её, как угодно; если же нет, пусть лучше бы на свет он не родился, ибо своим невниманием он манкирует всё то, ради чего она сама была рождена. Так возненавидел её поэт, что сделал с ней всё, что ни сказала она, и расписал её там во все тяжкие, так что она в конце концов осталась довольна, увидев себя знаменитой персона, освящённой, хотя и славой, но такой себе – довольно печальной.

Сюда же относится то, что рассказывают о том пастушке, который поджёг и сжёг знаменитый храм Дианы, считающийся одним из семи чудес света, только потому, что его имя осталось жить в грядущих веках; и, хотя было приказано, чтобы никто не после расследования и проскрипций называл его по имени, ни словом, ни письменно не упоминал о нем. из его имени, из-за того, что он не достиг цели своего желания, всё же стало известно, что его зовут Эрострат. Это также намекает на то, что случилось с великим императором Карлом Пятым и одним рыцарем в Риме. Император пожелал увидеть тот знаменитый Ротондальный храм, который в древности назывался Храмом Всех Богов, а теперь, благодаря своему лучшему названию, называется храмом всех святых, и это здание, которое осталось самым целым из тех, которые возвысили благородство и благочестие в Риме, то самое, которое более всего сохраняет славу величия и великолепия своих основателей: оно на самом деле оранжевого цвета, очень величественное в интерьере, и в него очень хорошо проникает свет, который дает ему круглое окно или, лучше сказать, круглая дыра, которая находится на верхотуре, с которой открывается прекрасный вид на город. Так вот, император смотрел на здание, с ним и рядом с ним был римский рыцарь, рассказывавший ему о тонкостях и изюминках этой замечательной архитектурной махины и перлах незабываемого зодчества; и, сойдя с крыши, он сказал императору:

«Тысячу раз, Ваше Святейшество, мне хотелось обняться с Вашим Величеством и броситься с той крыши вниз вместе с вами, взявшись за руки, дабы оставить по себе в мире славную память для потомков и исторической науки!

– Я благодарю вас, – ответил император, – за то, что вы не вложили в это безумное пожелание сколько-нибудь дурных мыслей, и замысел ваш светел и чист пред богом, и впредь я не буду давать вам повода лишний раз доказывать свою преданность, это может оказаться слишком небезопасным и поэтому я повелеваю вам никогда отвалить от меня, никогда не разговаривать со мной и не находиться там, где я нахожусь! Пошёл вон!

И после этих слов он оказал ему великую милость, наградил и дал кучу денег. Я хочу сказать, Санчо, что стремление к славе во всех нас слишком активно, чтобы ему могло что-то противостоять. Как ты думаешь, кто сбросил Горация с моста вниз в глубину Тибра, Горация, который был во всеоружии и здравом уме? Кто обжёг руку и кисть Муцио? Кто побудил Курция броситься в глубокое огненное ущелье, возникшее посреди самого Рима? Кто, вопреки всем предостережениям, которые были высказаны против этой аферы, заставил Цезаря перейти

Рубикон? А вот и более современные примеры... Кто затопил корабли и оставил отважных испанцев, ведомых самым обходительным человеком среди смертных – Кортесом, голодать, будучи окружённым со всех сторон людоедами Нового Света? Все эти и другие великие и разные подвиги были, есть и будут произведениями вечной славы, которую обычные смертные желают получить в качестве награды и бессмертия, которого заслуживают их знаменитые деяния, поскольку мы, христиане, католики и странствующие рыцари, больше всего должны стремиться к славе грядущих веков, которая остаётся навеки в жизни человеческой в неведомых эфирных и небесных сферах, которые ради суетной славы, достигнутой в этом настоящем и кончающемся веке; славы, которья, как бы долго она ни длилась, в конечном итоге должна положить конец тому самому миру, которому равно рано или поздно предначертан конец. Итак, о Санчо, наши дела не должны выходить за пределы, установленные нам христианской религией, которую мы исповедуем всею силою наших сердец. Мы должны умертвить в лице этих гигантов нашу гордыню, удавить зависть нашей щедростью и отказом от пьянства; гнев – смирить спокойствием и сосредоточенностью духа; обжорство и сон уgomонить постом и тем, как много мы наблюдаем; похоть и скверновидие удавить верностью, которую мы храним к тем, кого мы назначили королевами наших мыслей; лень разогнать путешествиями и поездками по всем частям света, в поисках поводов, которые могли бы сделать и делают нас, о христиане, знаменитыми и непреклонными рыцарями. Ты видишь в этом, Санчо, средства, с помощью которых можно достичь похвал, которые обещает добрая слава?

– Всё, что ваша милость до сих пор говорила мне, – сказал Санчо, – я очень хорошо понял, но, несмотря на всё это, я хотел бы, чтобы ваша милость избавила меня от одного сомнения, которое мучает меня сейчас всё сильнее. Вот что пришло мне в голову!

– Что ты имеешь в виду, Санчо? – обеспокоенно сказал Дон Кихот, – Скажи в добрый час всё, что мучит тебя и я отвечу всё, что знаю.

– Скажите мне, сеньор, – продолжал Санчо, – вот в эти дни Июля или Августа, все те прославленные рыцари, о которых вы говорили и которые уже умерли, где они обретаются?

– Язычники, – ответил Дон Кихот, – несомненно, находятся в аду, христиане, если они были добрыми христианами и сынами отечества – либо в чистилище, либо на небесах, в раю! Это и так понятно, без слов!

– Хорошо! – сказал Санчо, – но давайте теперь займёмся изучением подробностей э. того частного дела: в тех могилах, где лежат тела сеньоров, есть ли перед ними серебряные светильники или стены их часовен украшены костьюми, гробницами, волосами, ногами и восковыми глазами? А если нет, то чем они украшены?

На что Дон Кихот отвечивал:

– Гробницы язычников по большей части были роскошными храмами: прах тела Юлия Цезаря был помещён в каменную пирамиду невероятного размера и величия, которую сегодня в Риме называют шпилем Святого Петра; императору Адриану местом захоронения служил замок размером с хорошую деревню, которого они назвали Молес Адриани, есть ещё там замок Сантанхель в Риме; королева Артемида похоронила своего мужа в гробнице, которая стала одним из семи чудес света; но ни одно из этих и многих других захоронений, которые были у язычников, не было украшено гробницами или другими приношениями и знаками, показывающими, что те, кто в них погребен, святы.

– Я вот к чему клоню, – возразил Санчо, – скажите мне, Ваше Величество: что выше – воскресить мёртвого или прикончить великана?

– Ответ в твоих руках! – ответил Дон Кихот, – Главное – воскресить мёртвого!

– Я понял! Понял!! – сказал Санчо, – Тогда слава у того, кто воскрешает мёртвых, даёт зрение слепым, выпрямляет хромых и возвращает здоровье кривым и увечным, и перед их могилами горят светильники неугасимые, и их часовни полны набожных людей, преклоняющих колени перед их мощами, тем лучше, слава, в этом и в следующем столетии пусть

останется то, что оставили и оставят в мире многие языческие императоры и странствующие рыцари.

– Я тоже исповедую эту истину! – с чувством ответил Дон Кихот.

– Я имею в виду, – сказал Санчо, – что только позволь себе стать святым, только приобщись к этой банде, и ты ненадолго обретёшь ту добрую славу, на которую претендуешь; и обратите внимание, сэръ, что вчера или позавчера, судя по тому, что сейчас мало что можно сказать, канонизировали или беатифицировали двух босоногих пещерников-бодрячков, чьи железные цепи, на которых они держатся, были сломаны. Они так опоясывались этими божественными веригами и так терзали свои тела и чресла нарывами и порезами, что теперь очень рискованно целовать и прикасаться к ним, а меж тем они пользуются величайшим уважением, гораздо большим, чем, как я уже сказал, меч Ролдана, который находится в оружейной короля, господина нашего, да хранит его Бог и консистория. Итак, господин мой, лучше быть скромным тупицей, какого бы ордена ты ни был, чем храбрым и напористым стральствующим рыцарем; но Бог гораздо лучше различит того, кто раз двадцать себя по спине освежит плетью, чем того, кто двадцать тысяч раз хватит копьём всё равно окго – гиганта, великана, чудовища или признанного андряка.

– Все это так, – ответил Дон Кихот, но все мы не можем быть монахами, да и избранные пути, по которым Бог приводит своих чад на небеса, слишком разнообразны: религия – это то же рыцарство и святые – это рыцари, удостоившиеся балаженства.

– Да, – ответил Санчо, – но я слышал, что на небесах больше монахов, чем странствующих рыцарей!

– Вот именно, – ответил Дон Кихот, – потому что религиозных людей больше, чем рыцарей!

– Многие из них странствующие? – сказал Санчо.

– Многие! Очень многие! – ответил Дон Кихот, – Но среди них мало тех, которые достойны называться рыцарями!

В этих и других подобных им беседах они провели ту ночь и весь следующий день, совершенно не испытав каких-либо происшествий, так что было от чего опечалиться. Короче говоря, на другой день, с наступлением темноты, они обнаружили на горизонте большой город Тобосо, вид которого вызвал у Дон Кихота приступ настоящей радости, а у Санчо – взрыв печали, потому что он не знал, где тут находится дом Дульсинеи, и никогда в жизни не видел его, как не видел его и его господин. Так что один из-за того, что хотел пуше жизни увидеть её, а другой из-за того, что не видел её, они были в смятении, и Санчо не представлял, что ему делать, когда его хозяин отправит его на поиски в Тобосо. Наконец, Дон Кихот приказал въехать в город вечером, и, когда время подошло к концу, они остановились среди дубов, росших недалеко от Тобосо, и, достигнув определённого места, вошли в город, где с ними происходили вещи, которые непременно обычно случаются с бродячими путешественниками и странствующими рыцарями.

Глава IX

Где рассказывается о том, что сами потом увидите

Было около полуночи, а может, чуть позже или раньше, когда Дон Кихот и Санчо спустились с горы и вошли в Тобосо. В деревне царил полнейшая тишина, потому что все соседи, как принято говорить, и лежали и дрыхли без задних ног. Была та ещё ночь, впрочем, довольно светлая ночь, не так чтобы слишком глухая, как страстно хотел Санчо, потому что лишь совершенно чёрная и глухая ночь могла послужить фоном и оправданием его природного тупоумия. Повсюду был слышен только собачий лай, который оглушал уши Дон Кихота и тревожил и рвал сердце Санчо. Время от времени ржала кобыла, хрюкали свиньи, мяукали кошки, чьи разноголосые голоса усиливались в тишине ночи, и всё это вместе взятое наконец привело влюблённого кабальеро в полное замешательство, но, несмотря на всё это, он сказал Санчо:

– Санчо, сынок, проводи Дульсинею во дворец! Может быть, нам удастся застать её бодрствующей! Девочка моя!

– В какой к чёрту дворец мне следует отправиться, каррамба чергостинарио, – ответил Санчо, – когда я в прошлый раз застал её величие в крошечной избушке с покосившеюся кровлей?

– Тогда она, должно быть, уединилась, – ответил Дон Кихот, – в какой-нибудь маленькой комнатке в своем алькасаре, отдыхая наедине со своими служанками, как это принято и утверждено у высокородных дам и принцесс её окружения.

– Сеньор, – сказал Санчо, – уж коли вашей милости по душе, несмотря на мои уверения, чтобы дом моей госпожи Дульсинеи был так уж и дворцом, чего ж тогда ворота на запоре, и света нет, не пора ли нашей милой Вентуре открыть дверь? И будет ли хорошо, если мы начнём истошно колушматить в дверь, чтобы нас услышали и открыли, возбуждая всеобщий шум и гам? Будем ли мы ради истинного блаженства звонить в дом, беспокоя хозяев, как это делают самоуверенные жлобы, которые приходят, уходят, звонят, беснуются, колобродят и шаркают по полу и входят в любой час, каким бы поздним он ни был и не считаются с правом несчастных хозяев жить своей жизнью? Так недалеко до того, чтобы всю округу переполошить и поставить на уши! Как будто мы любовники какие и явились к девкам на поклон, уверенные, что нас всё равно впустят, несмотря на поздний час, аспидную темь и общее коловращение!

– Давай сначала по очереди поищем наш замок, – забеспокоился Дон Кихот, – может, тут и вход есть, и как найдём, я сразу скажу тебе, Санчо, что нам следует делать. И посмотри, Санчо, что-то я глаза проглядел, а всё равно мало что вижу, ведь не иначе вон тот большой и темный закут, который отсюда чернеется, может оказаться дворцом нашей прелестной Дульсинеи.

– Что ж, тогда вы и ведите, ваша милость, – ответил Санчо, – возможно, так оно и есть; хотя даже если я увижу это чудо луковое своими глазами и прикоснусь к нему руками, и вынужден буду поверить в него, всё равно, я буду считать, что он так же реален, как белый день.

Дон Кихота пошёл первый и, пройдя сотню шагов, обогнул выступ, за которым была дремучая тень, и увидел большую башню, чёрную-пречёрную, а затем понял, что это не Алькасар, а судя по размеру – главная церковь города. И он сказал:

– С церковью мы, кажется, разобрались, Санчо! Это собор!

– Я уже и так понял! – ответил Санчо, – и молитесь Бога, чтобы мы не наткнулись на собственные могилы, потому что тут неминуемо должно быть кладбище, а вы сами занете, что по кладбищам нехорошо ходить в такое время, и более того, я уже, кажется, сказал вашей милости, что, если я правильно помню, дом нашей сеньоры должен находиться где-то в этом тёмном тупичке!

– Будь ты проклят Богом, болван! – завопил Дон Кихот, – Где это видано, и где ты нашёл, тыквенная ты шляпа с бомбоном, что королевские алькасары и дворцы строились бы в этих чёртовых тупиках?

– Сеньор, – ответил Санчо, – в каждой стране есть свои причуды и установления, возможно, здесь, в Тобосо, принято строительство дворцов и больших зданий в разных тупичках; если тупичков много, то и зданий должно быть немало, и поэтому я умоляю вашу милость позволить мне осмотреть эти улицы и переулки, пошустрить тут: может быть, где-нибудь я и наткнусь на какой-нибудь заваливающий алькасар, и там, чем чёрт не шутит, пусть его псы сожрут всмятку, до того тут нас закружили и завертели.

– Говори почтительно, Санчо, о собственности моей госпожи! – сказал Дон Кихот, – Давай пока устроим вечеринку в тишине и не будем попусту кипятиться и распускать сопли!

– Я скажу, – ответил Санчо, – какое нужно терпение, чтобы выносить пожелание вашей милости, поскольку, как только я увижу дом нашей хозяйки, а я всегда знал её дом и вслепую мог найти его даже в полночь, в то время, как ваша милость, которая, должно быть, видела его тысячу раз, не находила?

– Ты доведёшь меня до отчаяния, Санчо! – сказал Дон Кихот, – Иди сюда, еретик! Разве я не говорил тебе тысячу раз, что за все дни своей жизни я ни разу не видел несравненной Дульсины и ни разу не переступал порога её великолепного дворца и что я влюблен только в её светлый образ и в великую славу, которую она имеет как канон красоты и перл совершенства?

– Теперь до меня дошло! – ответил Санчо, – Я не спору, и говорю, что, поскольку ваша милость её не видела, то и я тоже....

– Этого не может быть! – возразил Дон Кихот, – Потому что, по крайней мере, ты уже как-то говорил мне, что видел, как она копалась в пшенице, когда мне передавали ответ хозяйки. Помнишь письмо, которое я отправил ей с тобой?

– Не зацикливайтесь на этом, сеньор, – ответил Санчо, – потому что я горд сообщить вам, что также по слухам и виденьям был услышан мной её ответ, который я вам передал; потому что я знаю, кто такая сеньора Дульсиныя, так же, как вы – только ткнув пальцем в небо!

– Санчо, Санчо, – покачал головой Дон Кихот, – бывают времена, когда нужно смеяться, и бывают времена, когда даже малейшие насмешки кажутся неуместными и кощунственными. Даже если я говорю, что никогда в глаза не видел и не разговаривал с госпожой моей души, из этого вовсе не следует, что ты также должен, как попугай, повторять за мной, что и ты никогда не видел это неземное сокровище и никогда не разговаривал с ней, дело обстоит как раз наоборот, как ты знаешь!

Проводя время вдвоём в подобных беседах, они вдруг увидели, что мимо них проезжает какой-то чёрт с двумя мулами, которые, судя по грохоту, производимому плугом, волочили его по земле, и решили, что это, должно быть, пахарь, который рано утром поневоле отправился на свою пашню; и так было на самом деле.. Крестьянин поторапливался и во весь голос горлянил по пути песенку:

Плохо было вам, французы,
Жить в проклятом Ронсевале.

– Пусть меня прибьют на месте, Санчо, – сказал, выслушав его, Дон Кихот, – если сегодня вечером с нами не случится что-нибудь очень хорошее! Разве ты не слышишь, о чём распевает этот злодей?

– Да, я слышу! – ответил Санчо, – Да только что даёт нам, учитывая наши цели Ронсевальская охота? С таким же успехом он мог бы распевать рулады о Калайносе, и для нашей затеи от его воя было бы ни тепло, ни холодно!

В этот момент подошёл крестьянин, которого Дон Кихот тут же и спросил:

– Не соблаговолите ли вы сказать, любезный друг, дай вам Бог удачи, где здесь находятся дворцы непревзойденнейшей принцессы доньи Дульсинеи Тобосской?

– Сэр! – ответил парнишка, – я чужестранец и вот уже несколько дней нахожусь в этой деревне, пока что служу у богатого фермера, обрабатывающего землю; вот в этом приграничном доме живут местный священник и ризничий; идёмте со мной, кто-нибудь из них, я уверен, как-нибудь объяснит вашей милости, где тут можно искать госпожу принцессу, потому что у них есть список всех жителей Тобосо; хотя для меня очевидно и без этого, что во всем Тобосо не найдётся ни одной принцессы; тут много дам, да, конечно, каждая в своем доме может быть принцессой, но не более того!

– Ну, среди них, друг, – - сказал Дон Кихот, – должно найтись та, о которой я тебя спрашиваю!

– Может быть, – ответил мальчик, – и до свидания, уже светает, мне пора на работу!

И он не стал отвечать на дальнейшие вопросы, и мтапл понукать своих мулов. Санчо, который видел, что его господин взволнован и чем-то очень недоволен, сказал:

– Сеньор, день уже настаёт, и было бы неразумно позволять Солнцу встречать нас на улице; нам лучше выехать за город, и пусть ваша милость устроит засаду в какой-нибудь живописной рощице здесь поблизости, а я вернусь днём и, особенно не выставляя себя напоказ где бы тони было и пошарю здесь дом, алькасар или дворец моей госпожи, и это уже будет полный щвах, кчли ячего-нибудь не разыщу; а если я найдя его, я обязательно поговорю с её милостью и скажу ей, где и как ваша милость ожидает встречи с ней, и если нужно, то и последую, чтобы проводить её к вам или вас к ней, без ущерба для вашей чести и славы.

– Ты умудрился, Санчо, – сказал Дон Кихот, – заключить тысячу фраз в несколько коротких слов – и совет, который ты мне сейчас преподнёс, я принимаю охотно и с благодарностью. Пойдём, сынок, пойдём, поищем место, где я устрою засаду, а ты вернёшься в город, чтобы, как ты говоришь, найти, увидеть и поговорить с моей госпожой, от благоразумия и отменной вежливости которой я ожидаю более чем чудесных милостей.

Санчо пришел в смятение из-за того, что выгнал своего хозяина из города, потому что тот не понял лжи касательно ответа Дульсинеи, который он якобы отвозил в Сьерра-Морену; и поэтому он как можно скорее направился к выходу, желая ускорить отъезд, и в двух милях от города они нашли цветущую поляну около леса, где Дон Кихот устроил засаду, в то время как Санчо поспешил в город, чтобы поговорить с Дульсинеей; и в дороге с ним произошли события, потребовавшие от него особого внимания и новых заслуг.

Глава X

Где рассказывается об усилиях, которые Санчо приложил, чтобы очаровать сеньору Дульсинею, и о других событиях, столь же нелепых, сколь и правдивых

Когда автор этой великой истории приступает к изложению того, что он намерен рассказать в этой главе, он утверждает, что хотел бы отставить всё за пределами описания, опасаясь, что ему не поверят, потому что безумства Дон Кихота достигли здесь предела и границ здравого смысла, какие только можно вообразить, и даже оставляют позади на два арбалетных выстрела всё величайшие и наинепредставимейшие сумасбродства мира. Наконец, преодолев и этот страх и опасения, он описал их так же, как и задумал, не добавляя и не отнимая у истории ни капли правды, ничего не добавляя к ней ни за вознаграждения, ни за посулы, ибо эти неуместные добавки могли бы лишь исказить повествование и выставить автора лжецом и психом. И он был прав, потому что хотя правда истончается, она никогда не разрушается до конца, и всегда ложится поверх лжи, как масло на воду. И поэтому, продолжая свой рассказ, он утверждает, что так же, как Дон Кихот устроил привал не то в дубраве, не то в роще, поблизости от великого села Тобосо, и приказал Санчо вернуться в город и больше не появляться в его присутствии, пока не поговорит от его имени со своей госпожой, прося её быть любезной и позволить ему, плененному её несравненной красотой рыцарю увидеть себя и соизволить вручить ей своё благословение, чтобы она могла полагать от него самых счастливых дел во всех его трудных и смелых начинаниях. Санчо пообещал сделать так, как ему было приказано, и то есть поклялся получить такой хороший ответ, какой она дала ему в первый раз.

– Иди, сынок! – с чувством повторил Дон Кихот, – и не смущайся, когда увидишь под солнечным светом красоту, которую ты собираешься найти. Блажен ты над всеми оруженосцами мира! Запомни, и не забывай, как она тебя примет: например, если она при этом представляет цветы во время аудиенции; или если она смущается и краснеет, как майская роза, только заслышав колокольчик моего имени; если она сидит как на иголках, или напротив окажется горделиво сидящей на своём роскошном кресле во властной и призывной позе; стоит ли она на возвышении, когда я её кличу, внимательно взирай на нее, запоминай, стоит ли она сейчас на одной ноге, на другой, переминается ли на обоих, повторяет ли она тебе свой ответ два или три раза; переходит ли от мягкого к грубому говору, полна ли она тайной любовной истомы, когда поднимает руку к волосам, чтобы уложить их, даже если они не растрепаны; наконец, сынок, посмотри на все её позы, действия и движения в совокупности; потому что, если ты расскажешь мне о них таковыми, какими они были, я выведаю то, что она сокрыла в глубине своего любящего сердца, визнаю о том, что касается дня моей любви; ты должен знать, Санчо, если ты этого ещё не понял, что между влюбленными их проявления, порывы и движения, которые они совершают друг близ друга, когда речь идёт об их любви, – это, безусловно, письма, которые приносят вести о том, что происходит там, внутри их горячих сердец. Иди, друг мой, и да будь твоя звезда успешна в своих чаяньях, пусть твоя удача возвысится над моей, аки Солнце над горами, и придумай себе другое, лучшее приключение, чем то, в коем я пребываю, боясь и надеясь горького одиночества, в котором ты меня оставляешь.

– Я сейчас же отправлюсь и скоро вернусь, – сказал Санчо, – Одна нога здесь, другая – там, и постарайтесь, ваша милость, расширить ваше маленькое сердечко, которое, должно быть, сейчас не больше лесного орешка, и учтите, что часто говорят, что доброе, храброе сердце побивает плохую Судьбу, поскольку бодливой корове бог рогов не даёт, а трудности

рождают великие достижения! Ведь недаром говорят: чем меньше думает, тем выше прыгает заяц! Я это говорю к тому, что, если сегодня ночью мы не нашли ни дворцов, ни покоев нашей госпожи, а сейчас уже полдень, я всё равно собираюсь их найти, по крайней мере, я так думаю, что они где-то есть, и я поневоле столкнусь и поговорю с ней.

– Между прочим, Санчо, – сказал Дон Кихот, – Скажу тебе – ты великий дока вставлять в свои речи, о чем бы мы ни говорили, свои замечательные пословицы и поговорки, дай мне бог стать таким же докой в моих предприятиях.

Услышав такие слова, Санчо повернул своег оскакуна к Дон Кихоту спиной и взмахнул своей палицей, и помчался, как на крыльях, а Дон Кихот остался сидеть верхом на лошади, опираясь на стремяна и на острие своего копья, полный печальных и сбивчивых фантазий, где мы его и оставим. Уезжая, Санчо Панса был не менее сбит с толку и в задумчивости не оглядывался на своего господина, причем оставался в смятении так долго, что едва выйдя из леса, повернув голову и увидев, что Дон Кихот не появляется и уже почти пропал из виду, стал разговаривать, как заведённый, сам с собой:

– А вот скажи-ка, брат Санчо, куда твоя милость путь держит? Собираетесь ли вы, милостивый государь, искать какую-нибудь пропавшую кобылу или отправитесь на правёжь украденного осла? Да, кстати, ищите ли вы осла?

– Без сомнений, нет!

– Ну, и что вы тогда собираетесь искать?

– Я собираюсь искать, скажу вам по секрету, принцессу, в которой Солнце красоты и всё небо Вселенной слились воедино!

– И где вы думаете найти это сокровище, признайся, Санчо? Ах, Санчо? Куда вы едете, мил-государь?

– В большой город Тобосо!

– Ладно, хорошо: а кто вас -таки послал на поиски Солнца красоты и совершенства Вселенной?

– Как, вы не знаете? Знаменитый рыцарь Дон Кихот из ла Манчи, который бросает вызов одноглазым андриякам, кормит жаждущих хлебами и поит голодного... чем он их кормит, чёрт побери!

– Все это очень хорошо, Санчо! А вы знаете где её дом, Санчо?

– Мой хозяин говорит, что это должны быть настоящие дворцы или великолепные Замки Алькасары и онивидны ещё от гориизонта! Короче, с поиском их, как он уверяет, никаких проблем у меня не будет!

– А вы, Санчо, хоть раз где-нибудь видели её? Вы сможете её узнать, если она случайно мелькнёт перед вашими глазами в каком-нибудь окне или в беседке, увитой плющом?

– Ни я, ни мой хозяин ни в жизнь её не видели!

– Эвона как? А случайно не считаете ли вы, любезный, что было бы правильным и добродетельным поступком, если бы жители Тобосо, прознав, что вы появились в их городе с намерением отобрать у них их лучших, избраннейших принцесс и их излюбленнейших дам, сочли бы необходимым и првилльным переломать вам все рёбра дубинами и палками, чтобы в итоге на вас не осталось бы живого места, ни единой целой кости?

– Воистину, они были бы весьма правы, ваша честь, если бы я не сумел донести до них, а я бы точноне сумел, что я законный посланник своего благого хозяина, который не заслужил ничего плохого и на котором нет никакой вины!

– Вы шутите, Санчо? Вы издеваетесь над нами? Послушайте, что вы говорите такое? Ради бога, не надейтесь на это, потому что люди ла Манчи столь же вспыльчивы, сколь и честны в своих порывах, и никому не дают спуска! Уйди, Сатана! Сгинь, нечестивый! Да здравствует Бог! Свято место пусто не бывает! Иззыдь, сатана, изойди зловонием! Ох, чё рт возьми! Вот ты где, молния! Понесла же меня нелёгкая! Понесла и раскрутила! Нет, скорее, я найду кошку

в три фута длиной в чьём-то вкусе! И ещё, найти Дульсинею в Эль Тобосо, всё равно, как найти святую Марию в Равенне, или бакалавра в Саламанке! Дьявол, сам дьявол втянул меня в эту пертурбацию, а другого пути не дал! О, господи! Помоги мне!

Вот какой монолог выдал на гора добрый оруженосец Санчо Панса, и его спутанные, горячечные мысли так вывели его из себя, что он снова заговорил:

– Ну, да ладно! Один раз не куковать, два раза не помирать! У всякого ада есть выход, если не смерть настала, под ярмом которой мы все ходим гуртом и трепещем, как бы тяжело это ни было для нас, в конце жизни. Этот мой хозяин, по тысяче признаков, врать не буду, помешанный идиот, и я, кажется, в этом уже не отстаю от него, потому что хотя я более сообразителен, чем он, я всё равно следую за ним, как осёл на привязи и служу ему, что, если в самом деле верна поговорка, которая гласит: «С кем поведёшься, от того и наберёшься!»? Таким образом, он безумец, таковым он и является, и в своём безумии чаще всего принимает одни вещи за другие и путает белое с чёрным, а чёрное с белым, ему что показалось, тому он и горазд верить, и уж коли он сказал, что ветряные мельницы были гигантами-андрияками, и мулы монахов – верблюдами с горбами до небес, и стада овец полчища врагов и многое другое точно в таком же духе, то уж не составит большого труда заставить его поверить в то, что убогая фермерша, первая, каковую я здесь встречу, – это и есть святая Дульсинея; и, если он в это не поверит, я поклянусь всеми святыми и всеми стигматами, какие есть; и если он поверит в мои клятвы, я не устану заверять его в чём угодно, и если я буду стараться, он поверит во всё на свете, буде у меня такая цель – водить его за нос, и всё это кончится вообще невесёлым делом. Возможно, своей тупостью я и добьюсь, чтобы он прекратил посылать меня делегатом с подобными посланиями, видя, какую скверную услугу я ему оказываю, или, может быть, он подумает, как я полагаю, что какой-нибудь очаровательный негодяй, этакий вздорный волшебник-андрияк, который, по его словам, возжелал ему зла, преобразил её внешность и сделал её уродиной за то, чтобы досадить ему и причинить только зло и вред...

С этими мыслями Санчо Панса успокоился и снова воспылал духом, и решил, что, паче все дела на сей день прекрасно исполнены, хорошо продолжить сидеть там сиднем и он там задержался до вечера, отчасти из-за того, чтобы Дон Кихот не подумал, что у него было время съездить в Тобосо и вернуться назад, и всё него так удачно сложилось, что, едва он встал, чтобы взобраться на своего Серого, Дон Кихот решил, что ему пора возвращаться в Тобосо, как увидел, что из Тобосо, где он находился, прибыли три селянки на трёх не то ослах, не то ослицах, у автора это не ясно, хотя скорее можно предположить, что это всё же были ослицы, поскольку они были обычной кавалерией деревенских женщин – крестьянок; и заменяли им верховых лошадей, но, поскольку в этом нет ничего особенного, нет смысла останавливаться на этом, чтобы выяснить истину. Итак, стоило Санчо увидеть крестьянок, он поспешно устремился к своему сеньору Дон Кихоту и нашёл его воздыхающим и изрекающим тысячу любовных причитаний. Когда Дон Кихот увидел его, он сказал ему:

– В чем дело, Санчо? Амиго? Как ты думаешь, этот день я смогу отметить белым камнем или черным?

– Будет лучше, – вдумчиво ответил Санчо, – отметить его красным, как крыша на кафедральном соборе, потому что так его будет лучше видно.

– Таким образом, – повторил Дон Кихот, – я полагаю – нга сей раз ты принёс мне хорошие вести!

– Настолько хорошие, – ответил Санчо, – что вам, синьор, не остается ничего иного, как взнудать Росинанта и отправиться вместе с ним восвояси, чтобы увидеть сеньору Дульсинею дель Тобосо, которая с двумя другими своими служанками уже спешит к вам на свидание!

– Боже мой, боже мой! Что ты на это скажешь, Санчо! Амиго? – сказал Дон Кихот, – Смотри, только не обмани меня и не пытайся ложными радостями скрасить мою настоящую печаль!

– Что бы я получил взамен, обманув вашу милость?, – ответил Санчо, пожав плечами, – Тем более, что вам самому всё будет самому сподручнее проверить! Покушайте, сэр, и поехали вместе со мной, и вы увидите, как придёт принцесса, наша хозяйка, одетая и украшенная, как... в общем, такая, какая она уродилась. Все её служанки и она сама, как золотые жар-птицы, все усыпаны жемчугами, все в бриллиантах, все в рубинах, парчи в них больше, чем на десять нитей волосы распущены по спине, и переливаются, как драгоценности в солнечных лучах, играют на ветру; и, прежде всего, да будет вам известно, едут они верхом на трёх пятнистых свиноходцах, на которых смотреть одно удовольствие.

– Ты, может быть, всё же имеешь в виду иноходцев, Санчо?

– Между свиноходами и иноходцами, слава богу, разница невелика, – ответил Санчо, – но только, на чём бы они ни приезжали, они приезжают самыми модными, самыми роскошными, самыми галантными дамами на свете, красотками, каких только можно пожелать, особенно принцесса Дульсинея, наша миледи, которая буквально уязвлена любовью.

– Ну же, Санчо, сынок, – ответил Дон Кихот, – и в Альбрисиасе, где меня ждут неожиданно хорошие новости, я подарю тебе лучшую добычу, которую я захвачу в первом же своём поединке, и если тебе этого будет мало, если тебя это не устроит, я пошлюю тебе вдобавое жеребят, которых в этом году принесут мне три моих кобылы, которые, как ты знаешь, пасутся и скоро должны рожать на лугу у нашего общественного деревенского выгона.

– Я придерживаюсь той мысли, что лучше бы расплатиться жеребятами, ответил Санчо, – потому что я не слишком уж уверен, что трофеи первого вашего приключения будут так уж хороши, что-то в это мне с трудом верится.

Уже в это время они вышли из леса и обнаружили неподалеку трёх деревенских девиц. Дон Кихот обвёл глазами всю Тобосскую тропу, и, поскольку видел только трёх крестьянок, он весь смутился, как майская розва и спросил Санчо, точно ли он не оставил прислужниц доньи Дульсинеи за городом.

– Как за городом? – отвечал Санчо, – На затылке глаза у вашей милости что ли, разве вы не видите, что это они идут сюда, сияющие, как само Солнце в жаркий полдень?

– Я вижу ни Санчо, ничего, – сказал Дон Кихот, – кроме трёх крестьянок на трёх паршивых ослах!

– Иззыдите, напасти дьявольские! Боже, огради нас от нечистого! – ответил Санчо, истошно крестясь, – Возможно ли, что три роскошных скакуна, или, как их ещё там называют, белоснежных, похожих на снег, обзывали ослами? Да здравствует Господь, наш путевед и драгоуказатель! Пусть он вырвет мою бородёнку по волоску, если это правда!

– Ну, я говорю тебе, Санчо, друг, – сказал Дон Кихот, – то, что они ослы, или ослицы, верно так же, как я Дон Кихот, а ты Санчо Панса, и это наистиннейшая правда; по крайней мере, мне так кажется!

– Охолоните, сеньор! Отрешитесь от скверны! – сказал Санчо, – Не бряцайте впустую словами, а опустите глаза и идите, поспешайте, чтобы поклониться госпоже ваших дум, которая уже приближается, поколику она уже совсем рядом!

И, сказав это, Санчо продефилировал навстречу трём жительницам деревни, обладательницам больших ног и голов, и, стремительно спешившись, взял за недоуздок ослицу одной из трёх крестьянок, после чего, пав на колени на землю, рёк:

– Королева, и с нею прекраснейшая из принцесс и рядом герцогиня совершенной красоты, да соблаговолится вашему высокомерию и величию принять в своей благородной милости и хорошем расположении духа вашего пленённого рыцаря, который стоит там, превратившись в мраморную статую, весь в смятении и в милой робости своей не испытывает желания предстать перед вашим величественным присутствием. Я – Санчо Панса, его оруженосец, а он – прославленный рыцарь Дон Кихот из Ла-Манчи, которого ещё нарекают Рыцарем Печального Образа!

В это время Дон Кихот уже опускался рядом с Санчо на колени, взирая на обозванную госпожой королевой женщину, и разочаровываясь под её встревоженными взглядами, поскольку он обнаруживал в ней, по всем признакам, не что иное, как простую деревенскую девушку, и девушку с весьма некрасивым лицом, потому что она была кругленькой, курносенькой и смазливенькой, и потому он пребывал в смущённом напряжении и от недоумения не смел раскрыть рот. Селянки также были ошеломлены, увидев, как эти два совершенно разных типка преклонили колени, не давая их спутнице проходу, которая, ошалева от испуга, нарушила молчание, и вся несчастная, злым и грубым голосом сказала:

– А ну, прочь с дороги, такие, разэдакие негодяи-наильники! И дайте нам пройти, мы едем из Приэсы! Нам недосуг тут попусту развлекаться с вами! Прочь с дороги!

На что Санчо ответил:

– О принцесса и повелительница Вселенной и Тобоссо! Как ваше великодушное сердце может не смягчиться в восхищении чувств, видя, как преклоняются перед вашим возвышенным присутствием своим столпы странствующего рыцарства, чающие обрести милость Ваших высокопоставленных и высокочтимых особ!

Услышав это, другая из них сразу полыхнула:

– Эй ты, Джо, чтоб тебя разорвало на куски, эк ты насмешил мои фижмы! Посмотрите-ка, с чем теперь валят вальяжные сеньоры, чтобы насмеяться над бедными деревенскими женщинами, как будто мы здесь не приучены швыряться такими же колкостями, как они! Идите, ради бога, своей дорогой, господа, оставьте нас в покояе, пока живы и здоровы!

– Встань, Санчо, – сказал в этот момент Дон Кихот, – я уже вижу, что злая Фортуна, как бы я ни был зол, выбрала все пути, пытаась всячески подпортить нам настроение и украсть любую отраду моей жизни, осквернить радость моей души, которая у меня во плоти. И ты, о трепет мужества, которого только можно желать, вершина человеческой доброты, единственное лекарство страждущего, измученного сердца, которое тебя обожает! Злой чародей преследует меня, этот негодяй застлал мои очи катарактами и слепотой, и только у одного меня среди всех он искажил и преобразил твой несравненный облик, превратил твою несравненную красоту в жалкий лик бедной поселянки, если и моё лицо не изуродовал подобными поползновениями, чтобы сделать его отвратительным в твоих зорких глазах, что я, не прекращая смотреть на тебя нежно и с любовью, отказываясь видеть в этом лишь покорность и преклонение, которые я испытываю по отношению к твоей красоте, со смирением, с коим моя душа поклоняется тебе!

Несколько секунд царило молчание.

– Чёрт возьми, что ты за кара небесная! – наконец ответила крестьянка, – Что я слышу? Твою трескотню! Отойди, исчадьё, и пропусти нас, и мы будем весьма благодарны тебе за это!

Санчо резво отстранился и пропустил девку, довольный тем, что благополучно выпутался из этой мутной истории. Едва деревенская жительница, принятая за Дульсинею, оказалась на свободе, как, ужалив своего свиноходца жалом пики, которую она держала в руках, припустила через луг прочь по диагонали. И, поскольку свиноход как следует почувствовал острие пики, которое вдохновило его больше обычного и начал взбрыкивать задними ногами, так что вконец концов сбросил Дульсинею на землю; на что Дон Кихот, увидев ттакое непотребство, пошел поднимать её, а Санчо занялся подтяжкой седла, которое съхало на живот ослицы. Наконец он справился с седлом, и увидел, что Дон Кихот вознамерился поднять свою очаровательную госпожу на руки, чтобы снова усадить на ослицу, но его госпожа оттолкнула его, и поднявшись с земли, стремительно отошла на несколько шагов назад, и стремительно разбежавшись, ловко вскочила на круп ослицы, рассевшись на верхотуре совсем по-мужицки, отчего Санчо сказал:

– Господи! Святой Роке не обманул нас, госпожа наша хозяйка, куда более легкая на подъём, чем полевой ястреб, поколику может научить ездить верхом самого ловкого кордовца или мексиканца! Одним прыжком преодолела она заднюю луку седла, и теперь без шпор

гонит лошадь, как свободная зебра. И её подружки, под стать ей, не отстают от неё; видишь, смотри, все они несутся по степи, как ветер небесный.

И это была абсолютнейшая правда, потому что, увидев Дульсинею верхом на лошади, все её подружки бросились за ней улепётывать, не поворачивая головы, пока не проскакали более чем пол-лье. Дон Кихот проводил их взглядом и, когда увидел, что они скрылись, повернувшись к Санчо, сказал ему:

– Я думаю, Санчо, что ты думаешь о том, как я плохо разбираюсь в чародеях! И посмотри, как далеко простираются их злоба и их злобный взгляд, и их злобная воля, которым они меня одаривают, потому что они хотели лишиться меня радости, которую я должен был получить, увидев в их лице мою госпожу. В самом деле, я был рождён для того, чтобы быть эталоном всех несчастий и быть целью и мишенью, в которую устремлены все стрелы несчастья и позора. И ты должен быть постоянно на стрёме, Санчо, исходя из того, что эти предатели не довольствовались тем, что вернулись и преобразили мою Дульсинею, но вместо этого они превратили её в абы что и вернули ей фигуру столь же низкую и уродливую, как у той деревенской жительницы, и вместе отняли у неё то, что принадлежит ей, как и всем знатным дамам, а именно приятный запах, потому что я всегда гуляю среди янтаря и среди цветов, а не затыкаю нос на скотном дворе. Потому что я сообщаю тебе, Санчо, что, когда я добрался до Дульсины на её ослице, как ты говоришь, но которая показалась мне ослом, от неё исходил запах бакойц тошнотворный сырого чеснока, что чуть не сшиб меня с ног.

– О негодяи! О подлые мошенники! – вскричал в этот момент Санчо, – О, злокозненные хитрецы-маги и чародеи, о злонамеренные крутилы-шустрилы! Как я хотел и чаял нанизать вас всех под жабры и на бечеву, как сардин на леску! Раз – и на бечеву! Неизмеримо зло, приносимое вами в мир! Много вы знаете, многое умеете и многими стрёмными делами крутите. Достаточно с вас, красавцы-подлецы, было превратить жемчужины глаз моей госпожи в пробковые жабры, а её волосы из чистого золота-в щетину бычьего хвоста, и, наконец, все её сокровища обратить в каменоломни зла, благо бы вы, нечестивые, не трогали только запаха моей любимой, не прикасались к нему и не ощущали её запаха; ведь только по запаху мы могли угадать, что скрыто под этой уродливой корой; хотя, по правде говоря, я никогда не видел её уродства, но видел её тайную красоту, к которой добавлялась та чудная родинка, имевшаяся у неё над правой губой в виде усиков, с семью или восемью светлыми, как золотые нити, волосками длиной более чем в пядь.

– К этой родинке, – воскликнул Дон Кихот, – судя по тому, что родинки на лице наверняка совпадают с родинками на её теле, на бедре у Дульцины должна быть ещё одна родинка, которая соответствует той стороне, где у неё родинка на лице, однако же касательно длины волосков, то едва ли они имеют ту длину, какую ты, Санчо, заметил на лице моей Дульцины!

– Ну, я могу сказать вашей милости, – ответил Санчо, – что они показались мне присутствующими той родинке, и едва ли я в чём ошибался!

– Я верю тебе, друг, как родному, – возразил Дон Кихот, – потому что ни одна вещь, созданная природой в Дульсинею, не могла бы быть несовершенной и дурно отделанной; и поэтому, если бы у неё было хоть сто родинок, подобных той, о которой ты говоришь, на ней были бы не родинки, а луны и сияющие, горние звёзды! Но скажи мне, Санчо: то, что показалась мне седлом, с которым ты возился, было вьючным седлом или дамским?

– Это было не вьючное седло, – ответил Санчо, – а седло для богатой всадницы, с поскошной отделкой и покрытием, которое стоит без малого половины любого королевства, если судить по богатству его отделки.

– А ведь я всего этого не видел, Санчо! – сказал Дон Кихот, – Теперь я хочу сказать – и скажу тысячу раз, – я самый несчастный из людей!

Санчо так надоело выслушивать благоглупости своего хозяина, что он пытался скрыть смех над ним, радуясь той лёгкости, с которой обвёл его вокруг пальца. Наконец, после мно-

гих препирательств, которые между ними происходили, они снова сели на своих четвероногих друзей и поскакали в Сарагосу, куда, как они думали, придут вовремя, чтобы успеть на солнечные праздники, которые в этом знаменитом городе обычно устраивают каждый год. Но ещё до того, как они туда попали, с ними произошли такие великие и достопамятные происшествия, которые заслуживают того, чтобы о них писали и о которых читали избранные, как вы увидите в дальнейшем.

Глава XI

О странном приключении, которое случилось с отважным Дон Кихотом в карете, или колеснице Судов Смерти

Дон Кихот, глубоко погружённый в свои размышления, не спеша следовал своей дорогой, памятуя о злых шутках и издёвках, которые над ним сотворили злые чародеи, прератившие его синьору Дульсинею в уродливую селянку, и даже не мог представить, какое изыскать средство, чтобы поначалу вернуть её себе; а потом и вовсе уничтожить чары, и эти мысли настолько вывели его из себя, что, не говоря уже о том, что он не ведал, как обратить её в прежнее состояние, так эти мысли вовсе выводили его из себя, да так, что, почувствовав себя дурно, он отпустил поводья Росинанту, который, чувствуя предоставленную ему свободу, на каждом шагу останавливался, чтобы пройтись по зеленой травке, которой изобиловали эти луга. Изумленный Санчо Панса повернулся к нему и сказал:

– Синьор, печали предназначены не для зверей, а для людей, но если люди переживают их слишком сильно, они превращаются в зверей! Ваша милость, опаментайтесь и придите в себя, возьмите бразды правления в свои руки, оживите и разбудите свою твёрдость, явите ту храбрость, которая подобаёт мужественным бродячим рыцарям. Что это такое, черт возьми? Что это за слабость такая? Мы здесь или во Франции? Сколько бы сатана не забрал с собой всяких Дульсинеи в мире, но психическое здоровье одного странствующего рыцаря дороже всех прелестей всех чаровниц на всей земле.

– Молчи, Санчо! – ответил Дон Кихот не очень твёрдым голосом, – Молчи, говорю я, и не изрыгай богохульств в адрес этой очаровательной миледи, явственно, что в её несчастьях и превращениях виноват только я один: из-за того, что в их лютой зависти и рождены эти отвратительные злключения!

– Так и я говорю, – ответил Санчо, – кто её сейчас видит, найдётся ли среди них такой, чьё сердце не восплачет в печали?

– Ты можешь с уверенностью повторять это, Санчо, хоть сто раз, – возразил Дон Кихот, – потому что ты видел её во всей полноте её несравненной красоты, и это очарование не смогло ни смутить твой взор, ни скрыть от тебя её красоту: таким образом сила её яда направлена только против меня и моих глаз. Но при всем этом я, Санчо, упустил одну вещь, а именно то, что ты неправильно нарисовал мне её красоту, потому что, если я правильно помню, ты сказал, что у неё глаза как жемчужины, а глаза, похожие на жемчужины, скорее у морского леща, чем у прекрасной миледи; и, на мой взгляд, те, что у Дульсинеи, должны быть изумрудно-зелёными, с двумя небесными арками, заместо бровей; так что, Санчо, эти жемчужины вынь из глаз и вложи в зубы, которые ты, несомненно, вообразил, Санчо, приняв зубы за глаза.

– Всё может быть, – ответил Санчо, – потому что её красота так же смутила меня, как и её уродство! Но давайте вверим все это Богу, поскольку Он один знает, что должно произойти в этой долине слёз, в этом нашем скверном, непредсказуемом мире, где едва ли найдется что-нибудь, в чём не было бы примеси зла, обмана и мнимой красоты. В одном отношении это тяготит меня в ней, мой господин, больше, чем в других; каково это-думать, какими средствами следует воспользоваться, когда его милость наконец опрокинет какого-нибудь великана или другого какого рыцаря и прикажет ему предстать перед прелестью госпожи Дульсинеи: где её найдет этот бедный великан или этот бедный и жалкий побеждённый рыцарь? Мне кажется, что я вижу, как они носятся по Тобосо в лохмотьях в поисках моей госпожи Дульсинеи, и даже если они найдут её посреди улицы, они узнают её не больше, чем моего отца.

– Возможно, Санчо, – ответил Дон Кихот, – что чары не смогут лишить Дульсинею знаний побежденных и представленных великанов и андрияков; и в одном или двух самых первых из тех, которые я одолею и отправлю к ней, мы проведём опыт, чтобы узнать, видят они её или нет, и как они её видят – вершиной красоты или уродливой крестьянкой, я прикажу им вернуться и доложить то, что с ними случилось, вот тут-то всё и вскроется!

– Я согласен, сеньор! – возразил Санчо, – Ваша мысль показалась мне донельзя верной, и если пуститься на такую хитрость, то с помощью этой уловки мы поневоле узнаем то, что хотим; и если она скрывает что-то только исключительно от нас, несчастье это обрушится скорее не столько на неё, как на вас, но чтобы она при этом от кого-то ни скрывала, а кому-то наоборот, открывала, главное, чтобы она оставалась жива-здоровая, и лучше ещё – и счастлива, а мы уж здесь постараемся и проведём время как можем, рыща всюду свои приключения и позволяя времени придумывать и додумать всё остальное, потому что само время – лучший целитель наших горестей, и врач, излечивающий от всех болезней и других серьёзных заморочей.

Дон Кихот едва успел открыть рот, чтобы ответить Санчо Пансе, как ему помешала выскочившая на дорогу повозка, гружённая самыми разнообразными и причудливыми персонажами и фигурами, каких только можно было вообразить. Тот, кто вёл мулов и служил извозчиком, оказался уродливым демоном. Повозка стояла под открытым небом, без навеса и плетня поблизости. Первой фигурой, представшей взору Дон Кихота, была сама Смерть с человеческим лицом; рядом с ней шёл ангел с большими расписными крыльями; с одной стороны стоял император с короной, по-видимому, из кастрюльного золота, на голове; у ног Смерти возлежал бог, которого они величали Купидоном, без повязки на глазах, но с положенными по статусу луком, колчаном и стрелами. Приковылял также джентльмен, вооруженный до зубов, за исключением того, что он принёс не сюртук и не кольчугу, а шляпу, полную разноцветных перьев; с ними ковыляли расписные люди в разных костюмах и с нарумяненными лицами. Все это, увиденное неожиданно, каким-то образом взбудоражило Дон Кихота и вселило страх в сердце Санчо; но затем Дон Кихот обрадовался, полагая, что ему предлагается какое-то новое и опасное приключение, и с этой мыслью и в нервическом настроении, готовом принять любую опасность, он встал перед повозкой и громким, угрожающим голосом сказал:

– Возчик, кучер ты или дьявол, или кто бы ты ни был, без промедления скажи мне, кто ты, куда едешь и кто те люди, которых ты везёшь в своей таратайке, которая больше похожа на лодку Харона, чем на обычную телегу?

На что тот кротко, остановив дьявольскую повозку, ответил:

– Сэр, мы чтецы-актёры из труппы Ангуло-Эль-Мальо! Сегодня утром мы играли в селе, которое находится за тем холмом, на восьмой день после праздника Внесения Тела Христова, «Действо о Судилище Смерти», а вечером нам предстоит выступить вот в том селе, его видно, и, поскольку мы так близко от него, то не берём на себя труд раздеваться и переодеваться, мы идём туда одетыми в те самые платья, в которых играем на сцене.

Вот тот мальчик изображает Смерть; вот тот – Ангел; вот та женщина, жена владельца – Королева; тот – Солдат; это – Император, а я – Демон, и я являюсь одной из главных фигур этого спектакля, потому что я играю в этой компании первые роли. Если ваша милость желает узнать о нас что-то ещё, пожалуйста не стесняйтесь, спросите меня, и я сумею ответить вам со всей точностью, потому что, поскольку я демон, мне всё по плечу!

– Клянусь святой верой блукающего рыцарства, – ответил Дон Кихот, – как только я увидел эту карету, я вообразил, что мне предлагается какое-то великое приключение; но теперь я утверждаю, что стоит лишь прикоснуться к оболочке предмета рукой, чтобы испытать разочарование. Идите с Богом, добрые люди, и устраивайте свою вечеринку, где угодно, и смотрите, не нужно ли вам от меня ещё чего-нибудь, гуляйте в хорошем расположении духа, а я, видит бог, помогу вам, ибо лицедейство всегда очаровывало меня, в особенности, когда я был совсем маленьким.

Завершая беседу, он пожелал им удачи, и увидел, что один из этой компании, одетый шутом гороховым, с множеством колокольчиков и на кончике своего тамбур-мажора, принёс три раздутых коровьих пузыря; мохаррачо, и подойдя к Дон Кихоту, начал размахивать палкой и сотрясать землю руками, не говоря уж о высоких прыжках, и поскольку колокольчики звенели всюду, а плохое зрение так взбудоражило изнемождённые нервы Росинанта, что, Дон Кихот, будучи не в силах остановить его, как ни тормозил шпорами и понуканьем, вдруг ощутил, что Росинант пустился вскачь по сельской местности с большей лёгкостью, нежели можно было ожидать от его старых костей и его иссохшего скелета.

Санчо, осознавший, что его хозяину грозит опасность быть сбитым с ног, спрыгнул с коня и во весь опор помчался за ним; но когда он добрался до него, он уже лежал на земле, а рядом с ним бесновался Росинант, который вместе со своим хозяином копошился на земле – обычный конец, настигавший козни и дерзости Росинанта. Не успел Санчо соскочить со своего осла, чтобы поскорее направиться к поверженному Дон Кихоту, как танцующий Дьявол, хлопая пузырями по бокам, в одно мгновение вспрыгнул на Серого и, сотрясая его бока ударами ног, погнался, и от страха и шума, больше, чем от боли ударов, заставил осла лететь по кочкам сельской местности к месту, где они собирались устроить вечеринку. Санчо одним глазом наблюдал за бешеным аллюром своего скакуна и вторым – за буйным падением своего хозяина и не знал, к какой из двух бед обратиться своей, и какую напасть разруливать, но будучи на деле верным слугой и праведным оруженосцем, он преодолел свою преданность к доброму своему ослу и решил отстаивать в первую очередь интересы своего хозяина, хотя каждый раз, как бычьи пузыри опускались на бока его серого, он испытывал страшный стыд и великую смертную муку, а перед тем, как упасть на землю, он почувствовал, как его тело пронзила судорожная дрожь. И он молился, чтобы скорее эти девушки отлупили его по глазам, чем дали упасть малейшему волоску в хвосте его осла. С этой растерянной скорбью он наконец прибыл туда, где находился Дон Кихот, измученный более жестоким обращением, чем ему хотелось бы, и, помогая ему взобраться на Росинанта, Санчо сказал ему:

– Сэр, дьявол угнал осла!

– Какой дьявол? – машинально спросил Дон Кихот, изнемогая от муки преследования и втайне понимая, что начинает сходить с ума.

– Тот, что с мочевыми пузырями! – прохрипел Санчо.

– Ничего! Я заплачу ему, отомщу ему так, что вобью его по самый кадык в землю, втопчу по самые помидоры! – возразил Дон Кихот, – Я достану его, даже если вы запретесь с ним в самых глубоких и мрачных подземельях ада! Следуй за мной, Санчо, и не торопи меня, пусть повозка едет медленно, а я компенсирую тебе потерю осла своими средиземноморскими мулами!

– Незачем так рвать душу и проявлять такое рвение, сеньор, – ответил Санчо, – поскольку ваша милость так обильно изливает свой праведный гнев, когда, как мне кажется, дьявол уже оставил осла в покое, и тот уже трусит восвояси. Скоро мы его увидим!

И это было правдой, потому что, подражая Дон Кихоту и Росинанту, дьявол сверзнулся на какой-то кочке и грянулся наземь, после чего пешком отправился в деревню, а осёл вернулся к своему хозяину.

– При всем том, – сказал Дон Кихот, – было бы хорошо проучить за козни этого демона кого-нибудь из его присных – из чертей, приписанных к этой повозке, пусть даже... самого Императора.

– Сударь, выкиньте вы этот бред из головы! – возразил Санчо, – и примите мой совет, который заключается в том, чтобы никогда, ни на какие коврижки не связываться с этими чёртовыми барышниками, обманщиками, жуликами, которые являются под видом комедиантов, претендующих на наше доверие. Эти комедианты как бы вовсе не люди и находятся на особом

положении! Знал я в своё время одного такого комика, знаете, он двоих уколошил, а с него, как с гуся вода – сразу вышел из тюрьма на свободу и до сих пор всяких уродов смешит.

Знайте, ваша милость, что, поскольку они веселые и компанейские люди, все им благоволят, все их защищают, все им помогают и все ценят, и в особенности те, кто принадлежит к королевским или графским труппам, которые все или большей частью в своих нарядах и манерах похожи на принцев.

– Ну, в общем, – ответил Дон Кихот, – я не должен позволять этому лживому дьяволу восхвалять мою персону, даже если к нему благоволит весь род человеческий!

И, сказав это, он вернулся к повозке, которая уже стояла недалеко от деревни. Тут он подал голос, взывая к кому-то:

– Остановитесь, подождите, вы, веселая и ликующая толпа, я хочу дать вам понять, как следует обращаться с кобылами и лошадьми, с осликами и мулами, которые служат в качестве кавалерии славным оруженосцам странствующих рыцарей!

Крики Дон Кихота были настолько громкими, что их услышали и поняли те, кто находился в повозке; и, судя по словам того, кто их произносил, в одно мгновение из повозки выпрыгнула Смерть, а за ней скакнул и Император, Дьявол-Возчик и Ангел, а королева не осталась в стороне ни бог Купидон; и все они нагрузились камнями и встали полукругом близ повозки, ожидая увидеть Дон Кихота и поприветствовать его градом камней. Дон Кихот, который видел, как они выстроились в такой лихой отряд, с поднятыми вверх руками, словно с силой отталкивая камни, передал поводья Росинанту и стал думать, как бы их оседлал полочее поубивать всех, не подвергая себя особой опасности. На этом моменте он задумался и остановился, тут подошел Санчо и, увидев, что Дон Кихот устремился к хорошо сформированному и сбитому отряду, крикнул ему:

– Сударь мой! Безумием было бы предпринять такое предприятие сейчас: учтите, сударь мой, *vuesa merced*, против таких каменюг из ручья имире нет тента или укрытия, и нет никакого защитного средства, кроме как забиться в крепость и запереться в бронзовом колоколе; и следует также учитывать, что решиться на такое дело – это скорее безрассудство, чем храбрость

, тем более, что нападать на армию, где всем верховодит Смерть, и сражаются лично императоры, над которыми, как птицы небесные, порхают хорошие и плохие ангелы; то если и это соображение не побуждает его остановиться и подумать головой, то пусть он осознает, что сколько бы присутствующие не извращались, изображая из себя королей, принцев и императоров, даже если они и выглядят как короли, принцы и императоры, среди них точно нет ни одного бродячего рыцаря.

– Вот это да, так да! – сказал Дон Кихот, – Ты, Санчо, тут попал в самую точку в том, что я должен отказаться от своей и без того слишком дерзновенной попытки. Как я мог забыть, что я не могу и не должен обнажать меч, как уже много раз говорил тебе, против того, кто не является сертифицированным рыцарем! Как я мог забыть этот фундаментальный постулат странствующего рыцарства! Это тебе, Санчо, если тебя волнует судьба твоего Серого, и если ты хочешь, следует отомстить за обиду, нанесённую твоему ослу, а я в свою очередь, не останюсь перед тем, что буду отсюда помочь тебе здравыми советами и предостережениями!

– Сеньор, – ответил Санчо, – мстить кому бы то ни было незачем, ибо не подобает добрым христианам мстить за обиды, тем более, что я прикончу своего осла, ежели он предаст свою волю в руки моей обиды, моя добрая воля состоит в том, чтобы мирно прожить те дни, которые мне уготованы небесами и всевышним!

– Ну что ж, раз такова твоя решимость, – возразил Дон Кихот, – Санчо Буэно, Санчо Благоразумный, Санчо Чистосердечный и Санчо Христианский, давай оставим эти призраки и займёмся поисками лучших и более достойных приключений; я предвижу, что в этой прекрасной стране у нас не должно быть недостатка во многих и очень чудесных приключениях.

Затем он снова натянул поводья, Санчо отправился за своим ослом, Смерть со всем своим стремительным летучим отрядом вернулась к своей повозке и продолжила поездку, и таким образом страшное приключению с повозкой Смерти обрело свой счастливый конец только благодаря полезному совету, который Санчо Панса дал своему хозяину, а на следующий день с ним произошло ещё одно потрясающее приключение, связанное с одним влюбленным и гулящим кабальеро, не менее впечатляющее, чем прошлые.

Глава XII

О странном приключении, которое случилось с отважным Дон Кихотом и бравым Рыцарем Зеркал

Ночь, последовавшую за днем прощания со Смертью, Дон Кихот и его оруженосец провели под высокими тенистыми деревьями, где устроили ночлег, после чего, по наущению Санчо, Дон Кихот съел то, что оказалось в запасах у осла, и посреди ужина Санчо сказал своему господину:

– Сеньор, каким дураком был бы я, когда выбрал отбросы первого вашего славного приключения, а не потомство трёх ваших кобылиц! В самом деле, действительно, лучше синица в руке, чем тетерев в небе.

– И всё – таки, – ответил Дон Кихот, – если бы ты, Санчо, позволил мне сразиться тогда, как я того хотел, то тебе не досталась бы, уж по крайней мере, золотая корона императрицы и расписные крылья Купидона, которые я снял бы с плеч неверных и вложил бы тебе в руки.

– Никогда скипетры и короны лживых императоров, ответил Санчо Панса, – не бывают из чистого золота, а всегда только из мишуры и оловянной фольги.

– Это верно, – подтвердил Дон Кихот, – потому что было бы слишком чумным делом, если бы атрибуты комедии были бы слишком изящными, слишком натуральными и красивыми, а не откровенными подделками и халтурой, как и сама комедия, однако я хочу, Санчо, чтобы у тебя всё было в порядке, и ты не чурался бы комедии, а наоборот полюбил её, и имея её в своем распоряжении, одновременно полюбил и тех, кто её представляет на сцене, и тех, кто трудится над её созданием., потому что все они являются инструментами, приносящими большое благо республике, ставя на каждом её шагу зеркало перед нами, зеркало, в котором мы можем вживую наблюдать за действиями человеческой жизни! Ведь никто другой не покажет нам различия между тем, какие мы есть и какими мы должны быть лучше, чем комическое представление на сцене и сами комедианты! Ну, не молчи, скажи сам, разве тебе не пришлось видеть на сцене комедий, где действуют короли, всякие разные императоры, папы, рыцари, дамы и прочие действующие лица! На лице одного написано, что он негодяй, на лице другого выражение плута и вора, третий был явный прощельга-негоциант и торгаш, четвёртый – солдат без страха и упрёка, пятый, – замороченный жизнью простак, который пять раз сам обведёт себя вокруг пальца, прежде чем остановится, шестой – наивный влюблённый, сейчас они в деле, но стоит лишь окончиться представлению и актёрам снять с себя тряпки и стереть грим, как все они превращаются в равных между собой людей. Видел ли ты что-нибудь подобное?

– Да, видел! – ответил Санчо.

– Ну, примерно то же самое, – сказал Дон Кихот, – происходит в комедии, и я имею в виду весь этот раёшный мир, где одни выпекают бумажных императоров, другие-понтификов и, наконец, все остальные- фигуры, которые могут быть представлены в комедии в качестве побочных персонажей; но, когда мы подходим к концу, то есть когда жизнь пьесы подходит к концу, всем становится не по себе. Когда Смерть снимает с них одежду, которая отличала их от прочих, в могиле, наедине с собой они превращаются в самих себя!

– Бравое сравнение! – сказал Санчо, – Наедине с собой! Хорошо сказано! Но в земле они уединяются не с собой, а с червями, и если для становящихся собой пребывание в земле – это уединение, то для червей – это праздничный, званый ужин, и принаряжаются они на него на славу, хотя и не настолько, чтобы слишком много говорить об этом!

– С каждый новым днём, Санчо – заметил Дон Кихот, – я вижу, как в тебе всё меньше прежней простоватости, и растущая вакханалия благоразумия!

– Да, что-то мне подсказывает благоразумие вашей милости, – ответил Санчо, – что земли, которые сами по себе бесплодны и засушливы, могут улучшаться! Окультуривание и возделывание их приносят хорошие плоды: я имею в виду, что разговор вашей милости был навозом, который на бесплодной земле вашего величества превратился в живительное удобрение для моего высохшего ослабелого остроумия, а время, в течение которого я служу ему и общаюсь с ним, является временем совершенствования, обработки, и с этим я надеюсь рано или поздно принести своему хозяину плоды, которые будут такими благословенными, как и весь урожай, и урожай этот и плоды не сойдут с пути хорошего воспитания, которого добились *vuesa merced*, ваша милость в моём мучительном понимании.

Дон Кихот смеялся над резкими доводами Санчо, но не мог не согласиться, что сказанное Санчо во многом, касательно того, что он говорил о своём господине, было чистой правдой, потому что время от времени он говорил так, что вызывал у Дон Кихота восхищение. Но стоило Санчо увлечься и попытаться заговорить учёным языком высокого стиля, как его речь мгновенно низвергалась с высот трогательного простодушия в бездонную пучину кромешного невежества и косноязычия, и тогда велеречивая изысканность его благоглупости выражалась в частности в том, что его бездонная память содержала целую тьму пословиц и небылиц, которые он с делом или без дела, кстати или некстати постоянно изрыгал изо рта, что, как мы полагаем, стало заметно и нашим читателям, которые уже неоднократно слышали эти его перлы и неоднократно натыкались на его афоризмы.

В этих и других беседах они провели большую часть ночи, и тут пришла Санчо охота опустил ставни на глазах, как он говорил, когда хотел спать, и, растрепав серого, он дал ему полную волю насладиться обильной зелёной луговой травкой. Он не снимал седла с Росинанта, потому что его господин прямо приказал, чтобы во время похода или когда они не спали под навесом, не расхомутивать Росинанта: в соответствии с древним святым и всеми соблюдаемым обычаем странствующих рыцарей – снимать уздечку и подвешивать её к луке седла, но при этом седло снять с лошади – господи помилуй! Так и поступил Санчо, предоставив лошади ту же свободу, что и ослу, чья дружба с Росинантом к тому времени была настолько уникально тесной, что, как известно, по традиции, передаваемой от отца к сыну, автор этой правдивой истории даже посвятил ей отдельные главы; но тут надо признать, что, соблюдая правила приличия и хорошего тона, которые поневоле должны быть присущи такой героической истории, автор не включил их в неё, поскольку иногда пренебрегает такими предложениями, и пишет, к примеру, что, только стоило двум зверям собраться вместе, как они начинали почёсывать и щипать друг друга, и что потом, уставшие и измученные, они решали, что им пора отдохнуть. И тогда довольный, как слон, Росинант ронял свою тяжёлую шею на шею ослика (у которого с другой стороны его голова торчала больше чем на пол-локтя), и тут они замирали, оба внимательно уставившись в землю, и обычно находились в таком положении три дня, по крайней мере, столько, сколько им было позволено, иначе бы их мучил голод в поисках пропитания.

Я говорю, что ходили толки, что автор оставил запись, в которой он сравнивал их дружбу с дружбой, в которой, как мухи в меду, сидели Нисо и Эвриал, Пилад и Орест; и если это так, то можно было, как к всеобщему восхищению, увидеть, насколько прочной может быть в идеале дружба двух мирных животных, пощипывающих травку, так и общему стыду людей, которые так плохо умеют дружить и уживаться друг с другом. По этому поводу было сказано:

Чу, копьём глядит удило,
А друзья врагами стали.

Или:

Другу друг подставить ножку

С милым взвизгом норовит.

И не дай боже кому-нибудь покажется, что автор несколько кривит душой и сбился с пути, сравнивая дружбу животных с дружбой людей, ибо от зверей люди получили много предостережений. подказок и узнали много важных вещей, таких как: от аистов они научились искусству пользоваться клистиром; от собак им досталась способность блевать и благодарная преданность хозяину; от журавлей – бдительность; от муравьев – провиденческая предусмотрительность и трудолюбие; от слонов-честность, а от лошади-верность. В конце концов Санчо заснул у подножия пробкового дерева, а Дон Кихот задремал под сенью крепкого дуба, но прошло совсем немного времени, как его разбудил шум, который он буквально почувствовал своей спиной, и, испуганно приподнявшись, он стал впериваться во тьму и прислушиваться в том направлении, откуда доносился шум. И тут он увидел, что это приближаются двое мужчин верхом на лошадях, и что один, спрыгнув с седла, сказал другому:

– Поторопись, друг, и разнуздай лошадок, поскольку, как мне кажется, травы тут для них ешь-не хочу, а место тихое и уединённое, как раз такое, какое требуется для моих любовных мечтаний.

Не успев договорить, некто кулём повалился на траву – и всё это было в одно мгновение. И, когда он бросился на землю, зазвенело оружие, которое было на нём, явный признак того, смекнул Дон Кихот, что он, должно быть, странствующий рыцарь. Тогда, Дон Кихот подполз к спящему Санчо, и схватил его за руку, а потом с силой стал тормошить, пытаясь пробудить от мертвецкого сна – не малая работа, поскольку тот проснулся не сразу и с величайшим трудом, и тогда Дон Кихот тихо сказал ему:

– Брат Санчо, бог нам, кажись. дал первое приключение!

– Дай нам Бог, чтобы оно было хорошим! – перекрестился полусонный Санчо, поворачиваясь набок, – И где же, мой господин, ваша милость, эта авантюрная дама?

– Как где? Куда ты смотришь, Санчо? – возразил Дон Кихот, – хватит дрыхнуть, соня, разуй глаза, поверни-ка голову и посмотри, видишь вон там лежащего бродячего рыцаря, который, насколько мне известно, чем-то сильно раздражён, поскольку я видел, как он спрыгнул с кобылы и с известным отвращением повалился на землю, и при падении у него хрустнули кости и звякнуло оружие.

– Ну, и в чём, по вашему мнению, тут может быть какое-то приключение? – пожал плечами Санчо, – В чём заключается это приключенческое приключение?

– Я имею в виду не то! – сморщился Дон Кихот, – Я не говорю пока, что это приключение в целом, но это приключение потенциально, в принципе; ведь именно так начинаются все известные приключения! Но послушай, чу, что, судя по всему, он начал настраивать лютню или играет на ней, и, судя по тому, как он сплёвывает и выпячивает грудь, он, должно быть, разминается и готовится что-то спеть.

– Совершенно верно, так и есть! – ответил Санчо, – Должно быть, это какой-то отверженный, влюблённый рыцарь.

– Нет ни одного странствующего рыцаря, который бы не был влюблён! – сказал Дон Кихот. И давай послушаем его, потому как за ниточку легко вытянуть, кто перед тобой, и шаг за шагом вытащить клубок чужих мыслей, тем более, если он ещё и запоёт, ибо только от избытка сердца глаголит человеческий язык!

Санчо хотел возразить своему господину, но голос Лесного Рыцаря, который оказался вовсе не дурен, а скорее был даже очень неплох, помешал ему, и, оба ошеломлённые, они услышали, что он пел именно вот такой сонет:

Сударыня! Позвольте! Дайте срок,
Чтобы я мог пожертвовать собою!

Я вам клянусь, что ныне дам зарок
Исполнить приказание любое.
Неужто должен сирий замолчать
И жизнь свою отдать в одно мгновенье?
Мучений неизбывная печать
Сменяется мучительным мученьем.
Я сын противоречий неземных —
Я мягче воска и сильней алмаза,
И дней моих печальна череда.
Как я хочу достичь времён иных, зараза,
В душе чтоб отпечатать эти стразы
Страстей моих любовных навсегда!

Со стоном, вырванным, должно быть, из самых адских глубин его сердца, Лесной Рыцарь закончил свое пение и оттуда, из тьмы каким-то болезненным, обиженным тоном сказал:

– О самая прекрасная и одновременно самая неблагодарная женщина на свете! Как это возможно, светлейшая Касильдея Вандальская, что ты должна согласиться на то, чтобы этот твой пленённый рыцарь погиб и погиб в постоянных странствиях и суровых и тяжких трудах? Разве не достаточно того, что я заставил всех рыцарей Наварры, всех Леонцев, всех Тартезийцев, всех Кастильцев и, наконец, всех рыцарей Ла-Манша признать тебя самой красивой в мире?

– Ну уж дудки! Дело не в том, – вскрикнул тогда Дон Кихот, – что я рыцарь и родом из Ла-Манчи, я никогда в этом не признавался, и не мог и не должен был признаваться в чем-то столь пагубном для красоты моей госпожи; а этот так называемый рыцаришка, как ты сам видишь, Санчо, видать, сошел с ума! Но давай послушаем дальше: возможно, он нас посмешит ещё!

– Если он продолжит выть в таком же духе, – возразил Санчо, то ему на то, чтобы дожаловаться до конца, уйдёт целый месяц!

Но этого не произошло, потому что, Рыцарь Лесной Чащобы, услышав, что кто-то разговаривает рядом, тут же прекратил свои распевки, и, не скрывая раздражения, встал и сказал звучным и густым голосом:

– Стой, кто идёт! Кто тут? Кто такие? Вы из числа счастливых или из числа скорбящих?

– Из страждущих! – страстно ответил Дон Кихот.

– Ну, тогда присоединяйтесь ко мне! – ответил лесной дух, – И вы легко поймёте, что перед вами перл великой печали и канон абсолютной скорби заплаканного мира!

Дон Кихот, который сразу заценил такой нежный и сдержанный ответ, сразу устремился к нему, как и Санчо, который замешкался только на чуть-чуть.

Рыцарь Скорбного Леса схватил Дон Кихота за запястье и забормотал:

– Садитесь сюда, сэр рыцарь! Сюда! Чтобы понять, что вы есть на самом деле, что вы происходите из тех, кто исповедует рыцарство дальних странствий, мне достаточно было застать вас в этом безлюдном месте, где лишь тишина и скорбная безмятежность пустыни составляют вам компанию, где только природные ложа и импровизированные жилища ждут равно странствующих рыцарей и муравьёв!

На что Дон Кихот отвечал:

– Я рыцарь и то самого Ордена, о котором вы сейчас сказали, и хотя в моей душе отыщется место для тысячи печалей, несчастий и злоключений, но по этой причине мое сострадание к чужим несчастьям не было изгнано из моей души. Из того немногого, что вы рассказали, я узнал, что вы влюблены, я имею в виду, в ту любовь, которую вы испытываете к той прекрасной неблагодарной женщине, которую вы и называли в своём горестном плаче.

Немного погодя сидели они вместе на голой земле, в добром мире и дружбе, даже и не думая о том, что ещё до того, как займётся новый день, им предстоит показать себя на поле боя.

– Клянусь Вентурой, сеньор кабальеро, – спросил Дон Кихота лесной житель, – вы случайно тоже не влюблены?

– По несчастью, вы угадали, так и есть, – ответил Дон Кихот, – хотя ущерб, проистекающий из причинённого этим беспокойства, следует воспринимать скорее как милость, чем как несчастье!

– Вы были бы абсолютно правы, – заметил Лесной Дух, – если бы нас не смущало презрение и тычки повелительниц наших сердец, которые размножились так, что уже кажутся мезью!

– Я никогда не пренебрегал своей девушкой, а она никогда не презирала меня! – гордо ответил Дон Кихот.

– Между прочим, нет! – сказал Санчо, стоявший рядом, – Потому что она, моя милашка, просто чудо, она кротка, как овечка и мягче маслица!

– Это ваш оруженосец? – спросил Бродящий По Чаще.

– Да, это так! – ответил Дон Кихот.

– Я никогда не видел, чтобы оруженосец, – возразил Лесной Брат, – осмеливался перебивать своего господина; по крайней мере, вот этот мой оруженосец, он такой же бугай, как и его отец, и никем не будет доказано, что он хоть раз осмелился даже пошевелить губами там, где я открываю рот! Там, где мой рот открыт, его – на запоре!

– Ну что ж, ладно, – сказал Санчо, – я уже говорил, что могу и имею право говорить пред таким... и всё же оставайтесь здесь, продолжайте трезвонить, как говорится, не трожь лихо, пока тихо!

Оруженосец Рыцаря Леса схватил Санчо за руку и сказал ему:

– А ну-ка, браток, давай отойдём в сторонку и поболтаем там по душам, как подобает оруженосцу с оруженосцем, пока наши господа и повелители будут препираться и обслонивать свои сердечные раны и дела! Времени у нас навалом, им и пары суток не хватит, чтобы утолить свои проблемы и подробно рассказать всё о своих возлюбленных, когда нам понадобится пять минут на всё про всё!

– Это всё в добрый час, – сказал Санчо, – а я расскажу вашей милости, кто я такой, чтобы вы посмотрели, смогу ли я попасть в дюжину самых болтливых оруженосцев!

На этом два оруженосца удалились, и между ними произошёл столь же забавный, сколь и серьёзный разговор между их расстреванными любовной истомой господами.

Глава XIII

В коей заканчивается приключение Рыцаря Леса и приведено мудрое, мирное и миру неведомое собеседование оруженосцев славных рыцарей

Стоило нашим оруженосцам отойти в сторону от беседующих рыцарей, как они наперебой стали рассказывать друг дружке о своей жизни, в то время как рыцари перемывали косточки своих любовных историй, однако же в изложении сначала говорилось о разговоре слуг, и только затем приводился разговор господ, как бы то ни было, оруженосец Рыцаря Леса, отведя собеседника немного с сторону, обратился к Санчо вот с такими словами:

Рыцари и оруженосцы разделились: мы рассказываем об их жизнях, жизнях их возлюбленных; но история рассказывает сначала рассуждения юношей, а затем продолжает рассуждения хозяев; и так, в ней говорится, что, немного отстранившись от них, дель Боске сказал Санчо::

– Тяжкая, трудовая жизнь – вот в чём мы спускаем время и чем живём, мы – оруженосцы странствующих рыцарей: воистину, мы добываем хлеб в поте лица своего, что доказывает, насколько бог не любит нас, и как он предал наших праотцов!

– Можно также сказать и так, да ещё круче, – подхватил Санчо, – что мы едим его в хладе наших тел; ибо вокруг кого больше стужи и невыносимого зноя, чем вокруг несчастных оруженосцев странствующих рыцарей? И ещё хуже, если бы мы только этот хлеб преламывали, потому что ежели ты с хлебом – горя нет, но, часто случается, что нам приходится проводить день и два только с завтраком в виде перелётного ветра.

– Всё это ещё можно сносить и вынести, – сказал Лесной Житель, – в надежде, что мы рано или поздно получим за это хороший трофей, потому что, если странствующий рыцарь, которому служит оруженосец, не слишком большой лошага, по крайней мере, несколько копеечников будут замечены, а он награжден прекрасным губернаторством какой-либо страны или какое-нибудь графство с терпимой репутацией.

– Мёд в твоих устах! – сказал Санчо, – Я уже говорил своему хозяину, что я удовлетворюсь каким-нибудь мелким губернаторством, что он был бы так благороден и столь либерален, миллион раз давая мне эти обещания!

– А я, – сказал Лесной, – был бы доволен, кабы меня за непорочную мою службу возвели в каноники и там оставили, и, не буду скрывать, мой хозяин уже гарантировал мне приход, да ещё какой!

– Должно быть, – сказал Санчо, – ваш господин как видно кабальеро церковной части, и таким образом он вправе оказывать подобные благодеяния своим верным слугам, в то время, как мой хозяин – простой смертный светский., хотя я припоминаю, когда я хотел, чтобы он проявлял осторожность и не якшался с одной, на мой взгляд, кампанией с дурными намерениями, которые пообещали ему сделать его архиепископом, но он хотел стать только императором, и не меньше, и я тогда содрогнулся, увидев, как он колеблется в желании присобачиться к Церкви, потому что лично я не нахожу себя достаточно способным приносить ей пользу, потому что я, осмелюсь признаться вам, хотя я и выгляжу как человек мужского пола, церкви пользы от меня, как от пятой ноги корове!

– Ну, на самом деле, ваша милость, тут вы ошибаетесь, – сказал слуга, – потому что не все губернаторства на Островах обладают хорошими репутациями. Некоторые из них кривые, некоторые косые, кое-какие бедные, как церковные крысы, некоторые злые, как черти, и, наконец, более или менее приемлемые из них наверняка содержат в себе такое количество

проблем, что даже самый умный человек, взвалив эту тяжесть на плечи, сломает с ними голову и потеряет разум! Так что тут не вполне ясно, насколько удачна такая удача в виде губернаторства на неведомом острове! Надоело всё это, что лучше бы нам, тем, кто исповедует это проклятое рабство, бросить это безнадёжное дело, это проклятое оруженосничество, и разойтись по домам, где уж наверняка нас ждут более приятные и более нужные дела, не говоря уж об охоте и рыбалке, при воспоминании о которых у меня слёзы брызжут из глаз, как никак, даже у самого обносившегося и обедневшего оруженосца дома найдётся худо-бедно лошадёнка, пара борзых и удочки в сарае, чтобы найти развлечение по себе!

– Мне ничего не нужно! – ответил Санчо, – У меня всё это есть! Правда, у меня нет, как вы говорите, лошадёнки, но зато у меня есть осёл, который стоит в два раза дороже кобылы моего хозяина. Плохая Пасха мне достанется, Боже мой, если я когда-нибудь рёхнусь головой и обменяю моего любимого ослика на этого коня, и будь я проклят, если соглашусь обменять, прельстившись добавкой целой фанеги ячменя. Вы не смейтесь, сударь мой, вы сами видите, какой у меня замечательный Серый, он у меня на самом деле серый, мой ослик! Ну, а в борзых, в моей деревне недостатка не предвидится, и тем более, что тогда охота более приятна, когда она ведётся за чужой счет!

– По-настоящему и по чести говоря, – ответил Тот, что Из-Лесу, – как битому жизнью оруженосцу, мне давно приходит в голову мысль оставить эти рыцарские забавы и удалиться в свою деревню, чтобы растить там моих маленьких детей, которых у меня трое, как три восточных жемчужины на небесах!

– У меня только двое! – сказал Санчо, – Но зато такие, какие, что хоть лично на приём к Папе представь, особенно девчужка, которую я сделаю графиней, если Богу будет угодно, несмотря на её мать!

– Где? Что? В таком возрасте она считается графиней? – спросил Тот, что Из-Лесу.

– Ей пятнадцать лет, на два младше второй, – ответил Санчо, – но она такая же большая, как копьё, и такая же свеженькая, как апрельская заря, и помимо того сильна, как работяга!

– С такими показателями ей впору не то что быть графиней, ей самое дело быть нимфой лесной! О, черт возьми, какая, должно быть, шлюшка-разнушка, и какой, должно быть, у нее красивый торец!

На что ответил Санчо, едва не поперхнувшись:

– Ни она не шлюха, ни её мать никогда не была шлюхой, и кем бы она ни была, они ни была ни тем, ни другим, упаси Боже, пока я жив и сыт сурепкой И уж тем более смешно сознавать, что для того, чтобы заслужить ваше благоволение среди странствующих рыцарей, коими являются сами придворные, мне приходится выслушивать всё это, нельзя ли быть повежливее, а?

– Эти слова кажутся мне не слишком невежливыми, синьор оруженосец! – воскликнул другой слуга, – Пошто вы не знаете, что когда какой-нибудь кабальеро дает хороший удар быку на площади или когда кто-нибудь делает что-то хорошо и ловко, он обычно говорит вульгарно: «О, чёрт возьми, потаскун ты эдакий, и как же хорошо, что ты это пропердолил!?» И то, что в таком случае кажется поношением, на самом деле является замечательной похвалой; можете спорить, сколько угодно и отвергать, что угодно, а сыновей или дочерей, будьте уверены, которые не совершают поступков, достойных того, чтобы их отцам было даровано нечто подобное, я бы выгнал пинком и отрёкся бы от них!

– Так я и отрёкся! – не полез за словом в карман Санчо, – и, пожалуйста, если желаете по этой же причине, вы можете протаскушить меня, и моих детей, и мою жену, сколь вам будет угодно – всё это сплошная чушь собачья, потому что всё, что они делают и говорят, – это слёзы, достойные такой похвалы, и я молю Бога, чтобы снова и снова увидеть их избавить меня от смертного греха, то есть избавит меня и их от этого опасного занятия оруженосца, которым я занялся во второй раз в чаянье и оттого, что меня бес попутал в надежде, что я наживу

и получу деньги из мешка со ста дукатами, которые мне обещаны в горах Сьерра-Морены, и дьявол не перестаёт вращать у меня перед глазами мешком, набитым дублонами, который, как мне чудится, я на каждом шагу трогаю рукой, обнимаю и несу к себе домой, и провожу пересчёт, и собираю ренту, и живу как хозяин; и до тех пор, пока в я думаю, что это приносит мне удовольствие и пользу, и я забываю о муках, которые я поимел на службе моего хозяина, которого я почитаю скорее сумасшедшим, чем рыцарем.

– Именно поэтому, – ответил Тот, что в Лесу, – говорят, что от жадности глаза на лоб лезут. А от зависти разбегаются, и если вести речи о сумасшедших и сумасбродах, то в мире нет никого лучшего сумасброда, чем мой хозяин, потому что он из тех, про кого говорит: «Чужие заботы и осла укокошат»; поскольку для того, чтобы образумить другого рыцаря, он сам впал в полное сумасшествие и с того времени колесит по миру, ища лиха, которое только длявиду лежит тихо и ищет того, что неминуемо выйдет ему боком, как шило из мешка!

– И что, он влюблен, что ли, по уши?

– Да, – сказал Лесной Житель, – из одной только вандальской капусты могла появиться такая крутая и такая и прожжённая во всём особа; каких за сто веков свет не видывал, но его на этой мякине не провести, и в животе у него такой круговорот каверз, что скрыть это не удастся.

– Нет такой ровной дороги, – возразил Санчо, – чтобы на ней не было ни бугорка, ни рытвинки; в других домах варят фасоль, а у меня котлы дымятся; как бы то ни было, сумасшествие сопровождается таким количеством спутников и собутыльников, каким мудрость ни в жизнь не похвалится! Но если то, что обычно говорят, правда, то, что если у тебя есть товарищ по несчастью, то и жизнь гораздо более легка и терпима, так что тогда и твоя милость послужит мне утешением, не так ли? Ты несказанно утешил меня, потому что ты служишь другому хозяину, но такому же глупому, как мой!

– Глупец, всех смельцов смелец! – ответил другой слуга Того, что в Лесу, – этот глупец и удалец на деле просто хитрец!

– Мой не таков! – ответил Санчо, – Я утверждаю, что в нём нет ничего хитрого; у него, прежде всего, душа, как у деревенщины: он не умеет никому делать зла, но и всем хорошо, и у него нет никакой злобы: ни один ребенок не причинит ему вреда и поверит любому ребёнку, что сейчас ночь в середине дня; и за эту простоту я люблю его, как подкладку своей робы, и он не хочет, чтобы я покидал его, какие бы глупости я ни совершал.

– При всем том, брат мой и мой повелитель, – сказал Лесной Житель, – если слепой ведёт слепого, то всем грозит опасность свалиться в яму. Лучше всего было в перкрасном настроении поворотить в свои края; те, кто ищет приключений, должны знать, что не всегда эти приключения кончаются хорошо!

Санчо часто сплевывал, по-видимому, какой-то комок липкой и сухой слюны скопился у него в глотке, что было замечено милосердным Лесным Оруженосцем, который сказал:

– Мне кажется, что оттого, что мы тут наговорили, у нас в глотке пересохло и уж языки слипаются, но у меня на луке моей кобылки привязано такое великолепное всемогущее средство, что вы просто оближитесь!

И, сказав такое, он встал и пошёл куда-то, и вскоре вернулся с большой бутылкой вина и пирогом в пол-локтя величиною; и это не моё преувеличение, потому что это был огромный пирожок из кролика, такой большой, что Санчо, прикоснувшись к нему, понял, что это не альгинский козлик, а истинный козлище, и тогда Санчо заметил:

– Неужто вы такие чудеса, милостивый государь, с собой возите?

– Ну, и что? Почему вы считаете, – отвечай другой, – что если я из-под Вентуры, то я лошара и самый захудалый оруженосишка по сравнению всеми вами? В бауле на передке моей лошади столько снеди и выпивки, сколько не бывает в довольстве генерала, я беру всё с собой, когда генералы едут на войну с подтянутым брюхом, вот так!

– О как? – сказал Санчо и с пылу – с жару сразу, не переставая, стал жадно глотать куски, размером не меньше мельничных жерновов.

И потом сказал:

– Ваша милость, вот уж не думал, что вы такой верный и преданный оруженосец, взавраваданный и уж куда всамделишный, такой незаурядный, великий и могучий, как показывает этот банкет, который выявили нам словно по волшебству, по крайней мере, и не так, как я, мелочный незадачливый и злобный оруженосишко, у которого в седельных сумках нет ничего, кроме куска сыра, настолько твёрдого, что им можно снести голову любому заплутавшему андрияку, с которым встретишься по пути, да в придачу четыре дюжины сладких стручков и столько же лесных орехов и грецких орехов, так что примите во внимание, что мой хозяин беден, как церковная крыса и он, как и я ограничен в возможностях, не говоря уж о том, что он неукоснительно следует святому правилу, что странствующих рыцарей следует содержать только духом божьим и поддерживать только сухофруктами и полевыми травами.

– Честно говоря, братец, – объявил слуга Того, Что в Лесу, – хочу отринуть враки, что я маг и волшебник, я не был магом ни в Тагарнине, ни на пиру, ни в горах! Переваривать чертополох, стрючки и дикие груши, не говоря о корневищах луговых растений – дело стрёмное, и явно не моё! Все понятно? Пусть наши хозяева со всеми своими рыцарскими взглядами, мнениями, заморочками и законами идут к чертям собачьим, или вы всерьёз будете есть то, что они прикажут? Пусть они сами посмакуют то, что приказывают есть вам! Все ветры им в спину! Я давно раскусив их меню и сделал выводы – сам везу с собой коробки с ланчем, а на луке седла у меня привязан большой бурдюк, и помимо там ещё холодное мясо, но главное мой бурдючок, который я боготворю не меньше святых книг под подушкой, пожалуй, и минуты свободного времени не могу, чтобы не обнять его, братишку, и не прильнуть к бурдючку жадными устами!

И, сказав это, он сунул бурдючок в руки Санчо, который, крепко зажмурившись от грядущего наслаждения, поднес его к клокочущему рту, и четверть часа выпученными глазами смотрел на звезды, изучая их и, допив, ушёл. он склонив голову набок, чтобы в итоге, глубоко вздохнув, сказать :

– Ах, распетушь тебя отродье! И какой же он милый!

– Видишь, а? – сказал дель Боске, выслушав тираду Санчо о вине «Распетушь Тебя отродье», – Видишь, как ты нахваливаешь моё винцо вино, а, распетушь тебя комар? Подлая, сногшибательная, пользительная вантуза, чуешь, кудрила чурбаноголовая?

– Я говорю, да уж, – ответил Санчо, вытирая рот, – теперь я понимаю, почему иное совсем не зазорно, признаюсь, не понимаю, как обзывать такое винцо распетушиным отродьем, если имеют в виду похвалу и блезир! Но давайте определимся, к столетию чего вы больше всего хотите его забродить, ради всего святого: это вино из Сьюдад-Реаль?

– Молодец! Да ты знаток, мать твою! – отвечал Тот, Что в Лесу, – По правде говоря, оно и не могло быть из другого места и хочу сказать, бочонок был весьма преклонного возраста!

– Как мне не быть знатоком? Вот с этим! – сказал Санчо, ударив себя рукою в грудь, – Я не буду хвастаться, и попутно предпочёл бы не распространяться также о ваших знаниях, сеньор.. но на это тьфу! Честно говоря, вы не найдёте в радиусе уж не знаю каком лучшего знатока старых, выдержанных вин и сусел-мусел! Не мне быть? Что ж, я говорю, как истинный оруженосец, что у меня такой большой и такой крутой инстинкт и опыт в употреблении классных вин, что, научившись нюхать любое вино, я правильно определяю место происхождения, даже ферму, вкус и цвет, и крепость, и какие обертоны оно должно принимать, и чего с ним будет, и всё такое прочее, и остальное в этой сфере, включая достоинства и упущения? Ну, нет ничего такого, о чем бы я не мог заявить по существу и так? Удивляйтесь, не удивляйтесь, а были, что скрывать, в моей родословной от моего отца два самых прекрасных знатока вин, с которыми кто-либо когда-либо встречался в Луэнгосе, лизнут – и всё уже знают, всю подноготную, мать их, в доказательство могу привести, чего с ними случилось? Что теперь сказать?: «Ска-

жите им обоим попробовать вино с одной бочки, спросите их мнение о состоянии, качестве, вкусоности или вредности вина, и... трах-тибитох-тих-тох? Один пробовал... кончиком языка, сусло, другой чует запах кожи... Вот так! Первый сказал, что сусло отдаёт вкусом железа, ха-ха, второй сказал, что вкуснее кордовского, и всё остальное враки, тьфу. Хозяин сказал, что чан чистый и что в таком вине нет маринада, из-за которого оно имело бы привкус железа или кожи. При всем этом два знаменитых знатока пошла подтвердили то, что было сказано. Прошло время, они продали вино, и когда они мыли чан, они нашли в нем маленький ключик с кусочком кожи, подвешенный на верё, ик, вочном ремешке! Вот так оно так! А теперь, все – сюда, и посмотрите, ваша милость, сможет ли тот, кто придёт такого же роду-племени, как и я высказать свое мнение по подобным делам?

– Вот почему я и говорю, – сказал Лесной Житель, – давайте прекратим бродить в поисках приключений; чего клянчить добра от добра, и, поскольку у нас есть буханки хлеба, давайте не будем искать халявных лепёшек, а вернемся в наши хижины, и всё. кирдык! Дома всё пучком! И там господь найдёт нас скорее, чем здесь, там он найдёт нас, боже, если, конечно, захочет...

– Пока мой господин не прибудет в Сарагосу, я буду верно служить ему, а потом как бог на душу положит! Договоримся, как-нибудь!

И ещё невесть сколько времени оба славных оруженосца болтали, говорили, куролесили, и так много выпили, что Бахусу пришлось скрутить им языки винтом и залить жажду, хотя утолить её было совершенно невозможно; и поэтому, усевшись по обе стороны уже почти пустого бурдюка, с наполовину пережеванными кусочками пищи, торчащими изо рта, они заснули, где мы их сейчас и оставим, чтобы рассказать, что случилось с Лесным Рыцарем, и о чём он там болтал с Рыцарем Печального Образа.

Глава XIV

Где продолжается приключение Лесного Рыцаря

Среди многих историй, по которым Дон Кихот и Рыцарь Джунглей сошлись во вкусах, была история, которую дель Боске рассказал Дон Кихоту:

– Наконец, когда я знаю вас, как истинного джентльмена, я хочу, чтобы вы знали, что моя судьба, или, лучше сказать, мой выбор, заключался в том, что я влюбился в несравненную Касильдею де Вандалия. Она была просто великолепна, потому что не было в округе той, которая могла бы сравниться с ней в красоте тела, в том, как она была сложена, да и во всём другом, включая высокое происхождение и родовитость. Это та самая Касильдея, на которую я положил глаз, и которая за все мои добрые помыслы и сердечные пожелания ответила тем, что повелела, чтобы я, по примеру мачехи Геркулеса, подвергся многим и разнообразным испытаниям и опасностям, пообещав мне в конце каждого, что я, пройдя их успешно, достигну цели моей мечты! Но как? Между тем матырства мои одно за другим нанизывались друг на друга, одна канитель следовала одна за другой, о всём это рассказывать долго и не нужно? Однажды она приказала, чтобы я бросил вызов той знаменитой сеvilьской великанше по имени Ла Хиральда, которая была так храбра и сильна, как будто отлита из бронзы, и, не двигаясь с места, могла размоzzить кого угодно, являясь самой сильной и волевой женщиной в мире. Я прибыл в Виллу и победил её, велел сидеть на месте и не высовываться, и мне пришлось оставаться там, потому что больше недели дул только северный ветер, который не позволял отправиться в путь. Потом она удумала, чтобы я взвесил древние камни отважных быков Гисандо – предприятие, которое скорее можно было бы поручить тысяче грузчиков, чем одному рыцарю. Мало того, стоило мне сбросить эти камни, как поступил новый приказ – броситься и погрузиться в Козлиную Пропась, этот адский притон, дело неслыханное и ужасающее, дело, в котором опасность была непредставимой, с тем, чтобы в дальнейшем я доложил ей о том, что видел и испытал во время снисхождения в эту пучину. Я остановил вращение Хиральды, стащил с подстамента Быков Гисандо, ринулся по первому желанию её в пропасть и испытал всё на её дне, и вдруг стал понимать, что что бы я ни делал, это ни на йоту не приближает меня к воплощению моей мечты, когда как приказы, один губительнее и страшнее другого, следуют один за другим, подвергая мою жизнь страшной опасности. Ещё совсем недавно приказывала она мне отправиться в путь и объехать все провинции, с тем, чтобы встретиться со всеми тамошними рыцарями и добиться признания всех странствующих рыцарей, которые там шляются, я не забыл, что красотой своею она выше всех женщин на свете, в то время, как я был самым отважным и любящим рыцарем на свете, объехавшим по её распоряжению всю Испанию и обрушившим многих рыцарей, которые вставали на моём пути и осмеливались мне перечить. Но чего я больше всего я ценю и ценю по существу, так это то, что я победил в единственном честном сражении столь знаменитого рыцаря Дон Кихота из ла Манчи, и я должен открыто признаться, что моя Касильдея много прекраснее, чем его Дульсинея Тобосская; и только теперь я сознаю, что в этом поединке победил всех рыцарей, всех рыцарей мира, потому что некий Дон Кихот, о котором я говорю, победил их всех; и, поскольку я победил его, его слава, его слава и его честь перешли и перешли к моей чести; и чем больше чести у победителя, тем больше репутации у побежденного!

Тем боле знаменит, кто проиграл,
Тем ярче слава, что герой снискал!

И таким образом, неслыханные подвиги Дон Кихота уже действуют сами по себе и являются теперь не более, чем моими личными приобретениями!

Ещё много ранее отвалилась челюсть у славного Дон Кихота, когда он внимал речам Рыцаря Леса, не раз порываясь рвануться и закричать, сколь много лжёт тот, кого он только что почитал рыцарем. И по мере, как тот говорил, развивая свою теорию, челюсть Дон Кихота отваливалась всё ниже и ниже. Слово «Ложь» так и вертелось у него на языке, однако же сколь это возможно, Дон Кихот сдерживал себя, полагая, что нужно предоставить лжи полную свободу действий, дабы она окончательно запуталась в постулатах и леммах, обосновывающих всякую кривду и неправду, поэтому он нехотя заметил ледяным тоном:

– О том, что ваша милость, господин рыцарь, победила всех лучших странствующих рыцарей Испании и даже всего мира, я ничего не могу сказать, но в том, что она победила Дон Кихота де ла Манча, я нисколько не сомневаюсь. Возможно, это был кто-то другой, похожий на него, хотя мало кто схож с ним!

– Какой-такой другой? – заёрзал Тот, что в Лесу, – Ради святого неба, послушайте, клянусь которое наснебесами, которые над нами, я победил Дон Кихота ти обрушил его, а был он мужчина высокого телосложения, сухощавый, с вытянутыми и потрескавшимися конечностями, морщинистый, с острым носом и при этом несколько курносый, с большими, чёрными, густыми усами. Он выступал в поход под именем Рыцаря Печального Образа и при нём в качестве оруженосца шустрил лабрадор по имени Санчо Панса, он почти продал поясницу и правил уздечкой знаменитой лошади по имени Росинант, и, наконец, его волей распорядилась некая Дульсинея Тобосская, которую когда-то звали Альдонса Лоренцо, как и та женщина, которую зовут Касильда и которая родом из Андалусии, я называю её Касильдеа де Вандалия. Если всего этого недостаточно, чтобы подтвердить мою правоту, то вот здесь, пустьвидит восток, вот мой меч, тогда только ему под силу исправить чужое недоверие!

– Успокойтесь, господин рыцарь! – сказал Дон Кихот, – И послушайте, что я вам скажу. Я должен понять, что это был именно тот Дон Кихот, которого я встретил, – ибо он – мой самый большой друг в этом мире, и настолько, что всегда помогаем и поддреживаем друг друга, и даже более того, уже как бы представляем из себя единое целое, отчасти благодаря знаниям, которые он мне дал, таким точным и верным, и в этом смысле я могу думать только о том, что если побеждён он, то следовательно, в таком случае вместе с ним побеждён и распластан и я. С другой стороны, я то, что я слышал своими ушами, как вы описывали мне его приметы, и ваше описание было настолько верным, полноценным и живописным, что мне остаётся только согласиться и признать, что вы победили и распластали именно его! С другой стороны, я вижу своими глазами и прнялся уже ощупывать себя руками, видя что всё рассказанное вами совершенно невозможно, если у него на тот момент уже не было много очаровательных врагов и замороженных магов и волшебников, особенно вреди тех тех, которые обычно преследуют его, хотя ни одному из них он не дал ни малейшего шанса одолеть его, лишит его славы, которую его высокие покровители принесли ему на блюдечке с высокими почестями, и если один из этих мерзких, злокозненных волшебников не принял благодаря колдовству и магии его облика, а потом на виду у всех не дал себя одолеть, чтобы лишит славного рыцаря славы и чести, которые он стяжал в разных странах. И, чтобы окончательно подтвердить это, я также хочу довести до вашего сведения, что такие-сякие помянутые волшебники, завистники и враги, не более чем за два дня превратили фигуру и лицо прекрасной Дульсинеи Тобосской в пародию на красоту, в самую невзрачную и хилую деревенскую жительницу, и таким образом они превратили Дона дель Тобосо, или Дон Кихота в настоящего мужчину. Дон Кихот, если что, если всего этого вам недостаточно, чтобы вы узнали правду, я вам её открою, так вот, перед вами тот самый Дон Кихот, который поддерживал её оружием, неважно, на коне ли, или пешком или вообще как вам заблагорассудится.

И, сказав это, он встал, и замер в ожидании, как на его слова отреагирует Рыцарь Леса, не забывая опереться на верный меч, а тот не менее спокойно обратился к Дон Кихоту и сказал:

– Хорошему плательщику залог не повредит. Тот, кто однажды, будь то Дон Кихот, или ещё кто, смог победить вас, преображённого, вполне может иметь надежду на то, что победит вас в вашем настоящем виде. Более того, поскольку рыцарям нехорошо совершать свои подвиги с оружием в руках, подобно разбойникам и бандитам, в потёмках, давайте дождёмся дня, чтобы Солнце увидело наши дела. И условием нашей битвы должно быть то, что побеждённый должен подчиниться воле победителя, чтобы он мог делать все, что пожелает, при условии, что то, что ему прикажут, будет прилично кабальеро.

– Я более чем удовлетворён условиями соглашения! – ответил Дон Кихот.

И, сказав это, они пошли туда, где были их оруженосцы, и нашли их храпящими и в том же виде, храпящими и посвистывающими, в каком они были, когда их настиг морфей? Фьюить!

Рыцари быстро разбудили и повелели снаряжать лошадей, потому-де что с восходом Солнца им предстоит кровопролитная, уникальная и неравная битва, из которой не все выйдут целыми? При этих словах Санчо встревожился не на шутку и был всё время взволнован, опасаясь за здоровье своего хозяина, в частности, из-за того, что ему пришлось рассказать о нём Лесному Оруженосцу; но, как бы то ни было, не говоря ни слова, два оруженосца отправились за своим скотом, который уже перезнакомился со всех сторон, и все три лошади и осёл давно снюхались, и все тусили вместе.

По дороге оруженосец сказал Санчо:

– Ты должен знать, братэло, что если у рыцарей Андалусии есть обычай, когда они являются крёстными отцами какой-либо битвы, то и нам, их оруженосцам не пристало сидеть сложа руки, как бырчукам, и пока их крестники смеются и затевают всякие разборки и битвы, то и нам подобает взять с них пример и тоже придётся драться и рубиться в щепки, так, чтобы только клочья шерсти летели!

– Такой обычай, я знаю, доблестный мой оруженосец, – ответил я. Санчо – , и всё, что я могу сказать по этому поводу, что такого обычая придерживаются в основном всякие хулиганы и скандалисты, о которых говорят в подворотнях, но с оруженосцами странствующих рыцарей-такая история ни за что не должна случаться. И пускай даже это всё скажется правдой, я лучше, чем драться с кем б то ни было, уплачу любые пени! По крайней мере, я не слышал, чтобы мой хозяин говорил о таком обычае, а он знает наизусть все таинства странствующего рыцарства и уж кому-кому, а тебе фору даст на сто миль!

– Для этого у меня есть хорошее средство, – сказал Лесной Житель, – я принесу его сюда? У меня есть два холщовых мешка, одного размера: ты возьмёшь один, я другой, и будем биться с одинаковым оружием!

– В любом случае, это будет доброй затеей в добрый час, – ответил я. Санчо, – Такая драчка, в которой лучше повыбивать из друг друга пыль, чем вытрясти душу!

– Нет! Это не всё так просто! Так не пойдёт! Чтобы мешки не унёс ветер, надо положить внутрь полдюжины красивых очищенных гольшей, которые весят одинаково, и те, и другие, и таким образом мы сможем начать мешковаться, не причинив себе вреда и существенного ущерба.

– Смотри, чёрт бы тебя приветил, – сказал Санчо – ничего себе – лёгкие собольи меха, или хлопья чего-то чёсаного хочет он положить в мешок, чтобы не пробить друг другу черепушки и не измолоть в кашу кости! Но даже если бы они были набиты шелковыми коконами, знайте, милостивый государь, чзнайте, яне намерен ни с кем ссориться: наши хозяева пусть сами ссорятся, и все! Пусть так и будет, а мы давайте выпьем и поживём сами дни своей жизни, потому что время само позаботится о том, чтобы лишить нас жизни, и при этом нам не сле-

дует суесться ради того, чтобы приблизить свой коней раньше времени, как мы созреем, тогда и упадём на землю, как перезрелые плоды.

– Ну, чтобы ты не болтал, я тебе скажу, как оруженосец Лесного Рыцаря, хотя бы с полчаса, а нам всё равно придется да подраться!

– Ничего подобного! -ответил Санчо, – Не быть тому ни за какие коврижки! Не быть! Я не настолько неблагодарный тип и невежа, чтобы затевать ссору с тем, с кем только что пил и балагурил, тем более с человеком, который мне ничего плохого не сделал, ничем меня не обозлял и не гневил, и если это так, то, скажи мне на милость, какого чёрта мне вступать с ним в драку?

– За это, – сказал Лесной, – я отвечаю! Чтобы всё это уладить, нужна мелочь – достаточно того, чтобы я невзначай, как будто б с хорошими намереньями, подошёл к тебе и дал неожиданно тебе две-три таких замечательно-хороших затрешины по затылку, да таких, что ты сверзишься с копыт и маму свою позабудешь, и хочешь-не хочешь, а разгневаешься поневоле, и даже если ты сопливее лягушки и ленивее сурка, всё равно бросишься на меня в гнев, а я начну защищаться и отвечать по-настоящему!

– Ну, против такого подхода есть другой выпад, и притом ничуть не хуже, потому что как только я замечу ещё на подходе, что кто-то вознамерился меня злить и гневить, чтобы пробудить мой гнев, я возьму увесистую дубину и одним ударом усыплю ваш так называемый гнев, да так, что он в лучшем случае пробудится уже на том свете, потому что я никому не позволю топтаться на моих трудовых мозолях! Всем следует тут держать ухо востро, и никому не следует будить чужой гнев, пусть спит лихо, пока оно тихо, потому что любая душа – потёмки! Иной пошёл стричь чужую шерсть, глазом не моргнул, а его самого остригли, как барана в яслях, ну ничего, господь благословляет мир, а войну и свары давно проклял. Я ничего подобного никому не позволю! Сами знаете, зашуганный, затравленный кот, стоит его только загнать в угол, сразу превращается во льва, ну, я-то человек, так что одному богу известно, во что я могу превратиться, а посему я, как человек откровенный и честный, вынужден преуведомить вас, господин оруженосец, что весь ущерб и синяки от нашей драки целиком и полностью ложатся на вас!

– Идёт! – прохрипел другой оруженосец, – Тут надо спосмотреть! Как-никак утро вечера мудренее! Как бог скажет, так и погрём!

В это время на деревьях поодаль уже начинали щебетать тысячи разноцветных птичек, и в этих разнообразных весёлых песнях они, казалось, хором приветствовали утреннюю зарю и свежие солнечные лучи, которые уже через восточные двери и балконы вошли и открыли красоту её лица, стряхивая с прядей её волос бесконечная россыпь прекрасных жемчужин, а вокруг в нежном золотом ликёре купались травы, и казалось, их тонкие стебли покрыты алмазным бисером; ивы благоухали сладкой манной, вкусно, освежающе журчащие источники смеялись детскими голосками, журчащие ручьи вторили им, леса украсились зелёными перевязями и мириады цветов обогатили луга своим приходом. Более того, едва пришла хрустальная ясность дня, позволяющая видеть и различать все вещи в их истинном свете, как первое, что бросилось в глаза едва пробудившегося Санчо, был нос лесного оруженосца, который был настолько огромен, что почти закрывал все тело Санчо своей тенью. Хотя на самом деле этот шнобель и был слишком большого размера для живого существа, он ещё был когда-то рассечён пополам саблей и весь в бородавках, которые оказались такого синюшного цвета, как цветы баклажана, и этот нос свисал на два пальца ниже рта, и в итоге его величина, цвет, бородавки и крючковидость на фоне абсолютно выбритого лица, делали его таким отвратительным и ужасным, что Санчо вопреки своим инстинктам и желаниям, заболтал ногами и руками, как ребёнок, который нащупал себя родимчик, и захохотал истерически, а потом, как ни в чем не бывало, сообразил, что лучше позволить надавать сотню пощёчин и миллион пинков, чем

пробуждать ярость такого чудовища и сражаться таким шнобелем в честном поединке, где шансов нет никаких.

Дон Кихот, обладавший зорким глазом на детали, разглядел этого типка и отметил, что парень этот коренастый, широкоплечий и весьма невысокого роста.

Видок у него, надо признать, был потрясанный. Оруженосец явно был модник.

Поверх железного доспеха было натянуто нечто вроде узкого камзола, связанного из как будто сияющих золотых нитей, и этот наряд сплошь был усыпан мельчайшими зеркальцами в виде стеклянных лун, что придавало его наряду совершенно роскошный вид, а если прибавить к этому напыленный на него шлем с множеством воткнутых в него красных, жёлтых, синих и белых перьев и чудовищное, толстое, как бревно, копьё с огромным наконечником в локоть длиной и шириной не менее пяди, которое он опёр на дерево, то можно представить себе пышный наряд этого модника.

Рассмотрев такое диво в подробности, Дон Кихот из всего им виденного отметил главное, и пришёл к заключению, что вышеупомянутый рыцарь – по всей видимости, не иданный силач, что, однако, не привело его, как Санчо Пансу, в ужас, напротив, он сразу обратился к Рыцарю Зеркал с уверенным, решительным и смелым спичем:

– Если вы, благородный рыцарь, и одерживаете крупную победу в бою, вам не повредит в известная толика вежливости и предупредительности, поэтому я прошу вас немного приподнять забрало, я лишь хочу посмотреть и убедиться, соответствует ли ваша хваленая в анналах храбрость вашему телосложению!

– Будете ли вы побежденным, либо победителем, однако при любом исходе рано или поздно у вас появится время и досуг поразглядывать меня поподробнее, – витиевато ответил Рыцарь, – но сейчас у меня слишком много времени и места, чтобы дозволить ваше желание увидаться со мной, и если сейчас я не смогу удовлетворить ваше желание, то только потому, что, как мне кажется, что этим я нанес заметную обиду прекрасной Касильдее Вандальской, затягивая время, необходимое для того, чтобы поднять забрало, не заставляя вас признаться в том, что вы уже знаете, к чему я стремлюсь!

– Ну, раз уж мы сели на коней, – сказал Дон Кихот, – вы, надеюсь, сможете сказать мне, тот ли я Дон Кихот, которого, как вы сказали, вы победили?

– На это мы вам отвечаем, – сказал тот, Что в Зеркале, – что тот рыцарь был похож, как одно яйцо, на этого, вы как две капли моччи похожи на того же рыцаря, которого победил я; но поскольку вы утверждаете, что того рыцаря терзали и преследовали всякие волшебники и колдуны своими фокусами и чарами, я не рискну утверждать был ли то подследственное лицо ами, или я имел дело с подделкой контрафакта!

– Мне этого достаточно, – отвечал Дон Кихот, и чтобы вы поверили в свою мечту и одновременно выпутались из затруднительного положения, прошу вас проследовать к нашим лошадям, и тогда, уверяю вас, с божьей помощью, за гораздо меньшее время, чем требуется, я подниму ваше забрало и продемонстрирую всем ваше лицо, и вы сами на себе ощутите, сколько стоят моя молитва и моя рука, а я вижу ваше лицо, и вы видите, что я не тот побежденный Дон Кихот, о котором вы размышляли.

С этими словами, урезонивая поводья, они взобрались на лошадей, и Дон Кихот развернулся, разгоняя Росинанта, чтобы снова встретиться с противником, и то же самое сделал коренастый Зеркальщик. Но не успел Дон Кихот отъехать на двадцать шагов, когда услышал голос Рыцаря Зеркал, и, когда они сближались по дороге, Зеркальный крикнул ему:

– Имейте в виду, сэр рыцарь, что условием нашей битвы является то, что побежденный, как я уже говорил, должен сдаться на милость победителя.

– Понятно! – ответил Дон Кихот, – При условии, что всё, что навязывают побежденному, должно не выходить за рамки рыцарского устава.

– Само собой! – крикнул Рыцарь Зеркал.

Тут только Дон Кихот попался на глаза носяра оруженосца, и он не менее Санчо поразился про себя его необъятности, так же, как Санчо приняв его за нечто чудовищное, произошедшее из существа иной породы, первый раз появившегося на земле. Санчо, наблюдая за своим господином, начинавшим свой разбег, не имел желаний оставаться наедине с этим носом, потому что опасался, что если этот монстр хоть раз щёлкнет своим шнобелем по его носу, тут поединку и конец, ибо сила удара этого носа была такова, что от его удара невозможно было уцелеть, поэтому он ухватился за стремя Росинанта, он устремился вслед за своим хозяином, однако же когда ему в голову пришла вполне логичная мысль, что бежать вовслед более не пристало и следует остановиться, он произнёс:

– Я умоляю вашу милость, сэр, чтобы, прежде чем вы снова не сцепились со своим ияте-лем, не помогли бы вы помочь мне взобраться на этот пробковый дуб, откуда мне будет удобнее видеть вас, на мой вкус, это лучше, чем наблюдать с земли вашу галантную встречу, которую ваша милость должна устроить с этим джентльменом!

– Похвально, Санчо, – сказал Дон Кихот, – что ты хочешь взобраться на подмостки истории, чтобы безопасно наблюдать за грандиозным боем быков, не рискуя ничем.

– По правде говоря, – ответил Санчо, – отвратительный нос этого оруженосца приводит меня в замешательство, трепет и ужас, и я не смею даже стоять рядом с ним.

– Согласен! – сказал Дон Кихот, – и будь я другим человеком, он бы тоже меня удивил, этот шнобель, и поэтому давай, дуй, куда хочешь: я помогу тебе подняться туда, куда ты говоришь!

Пока Дон Кихот подсаживал взбирающегося на дуб Санчо, Рыцарь Зеркал, недолго думая, взял изрядный разбег и полагая, что Дон Кихоту следует делать то же самое, не дожидаясь, пока раздастся сигнал трубы или кто-нибудь другой гудок, развернулся и натянул поводья своей кобылы – которая была на вид не лучше, чем Росинант – и на всём своем бегу, который был средней рысью, разогнался, собираясь встретить своего врага как полагается, лицом к лицу, но, увидев, что Санчо занят карабканьем на толстый ствол, он опустил поводья и взнуздав свою лошадейку в середине забега, чему его кобыла была очень рада, ибо в ходе забега изрядно выдохлась. Короче, он остановился на полпути к Дон Кихоту. Дон Кихот однако помешало, что его враг уже летит на него как будто на крыльях, и он в горячке тотчас вонзил шпоры в тощие рёбра Росинанта и сразу так завёл своего четвероногого друга, что тот перешёл на крупную рысь (то время как обычно он едва трусил мелкой рысью), и уже практически неуправляемый, со страшной силой понёс Дон Кихота прямо на Рыцаря Зеркал. Рыцарь же зеркал, видя всё это, тоже в это мгновение вонзал шпоры в бока своей кобылы по самое небалуйся. Но как повествует истинная история, когда Рыцарь Зеркал стал нудить свою лошадейку, то та в ответ на эти понукания и ужасы, как ни странно, и нюхом не повела и как вкопанная, осталась на месте там, где её остановил хозяин. Это были настолько благоприятные обстоятельства для Дон Кихота, что когда он достиг недруга, копавшегося со своим конём, без надежды сладить с ним, тот не сумел даже поднять наперевес своё копьё и в итоге Дон Кихот, без всякого риска для себя, так хватил по хребту Рыцаря со всеми его зеркалами, что тот волей-неволей слетел по крупу коня и так лихо хрястнулся при этом о землю, что в последний момент подумал, что уже мёртв и находится на небесах. Сила его удара о землю была такова, что он лежал внизу, как мёртвый, не имея возможности пошевелить даже пальцем, не говоря уж о руке или ноге.

Санчо, увидев, что его хозяин перевернул вражину верх тормашками и обвалил на землю, сразу же стал ловко, как обезьяна, спускаться с пробкового дуба, и спустившись, с великой быстротой направился к своему хозяину, в то время как тот направлялся к поверженному Рыцарю Зеркал, где сразу стал развязывать его ленты от шлема в попытке понять, жив ли тот ещё или уже благополучно испустил дух и ему надо дать свежего воздуха, если тот случайно окажется жив. Наконец развязав ленты и сняв шлем, он вдруг увидел... Как вам лучше ска-

зять, мои излюбленные читатели, что он там увидел, не поразив вашего больного воображения, не введя вас в полнейшее изумление, ничуть не меньшее, чем он испытывал сам, какие слова подобрать, чтобы не ужаснуть читателя. Как гласят сливки мировой истории, он узрел сначала потрясённое лицо, потом обозрел облик, воскресил наружность, возобновил черты лица, и наконец восстановил практически всё обличье... Самсона Карраско! И как только он осознал это, то возопил громовым голосом:

– Ко мне, Санчо! Смотри сюда, что ты увидел, и ты не поверишь, лопни мои глаза! Жги, сынок, и учись тому, на что способна магия, на что способны ведущие колдуны и чародеи мира!

Прискакавший тут же к нему Санчо, как только увидел лицо бакалавра Карраско, задрал голову к небу и стал неистово креститься, пришёптывая и совершая тысячу крестных знамений, две тысячи раз помянул имя господне. Тут они воззрились оба на лежащего. Кроме тяжких вздохов, во всём другом поверженный рыцарь не подавал признаков жизни, и Санчо сказал Дон Кихоту:

– Мне кажется, я знаю, что нужно сделать – на всякий случай надо раскрыть пасть этого лже-бакалавра псевдо-Карраско и засунуть туда ваш меч и шпагу, я полагаю, таким образом вы сразите кого-нибудь из своих врагов – чародеев. Чары надо распотрошить и разрушить!

– Дело глаголишь, Санчо! – сказал Дон Кихот, – меньше врагов – меньше зла!

И, обнажив меч, чтобы претворить в жизнь изумительный совет Санчо, он уже приступал к делу, как к ним подскочил оруженосец Рыцаря Зеркал, который оказался уже без своего чудовищного носа и стал громко верещать:

– Помилуйте, сеньор Дон Кихот, что вы творите? Не сомневайтесь – тот, что у ваших ног, – это настоящий бакалавр Сан-Карраско, ваш друг и сосед, а я его оруженосец!

Санчо, увидев оруженосца без этого первородного уродства, сказал ему:

– А нос где?

На что тот и ответил:

– Здесь! Он у меня здесь, в кармане!

И шустро засунув руку в правый карман, он вытащил оттуда несколько лакированных носов из картона, лака и кожи, в том числе и тот, который они уже видели, в точь-в-точь такой же, как прежде на оруженосце. И, потрясаясь этим всё больше и больше, Санчо взволнованным, громким голосом возвестил:

– Санта-Мария! Пресвятая Богородица! Господи помилуй! Да это же мой сосед и мой приятель Томе Сесьял?

– Ну, а кому же! – отвечал и без того смущённый оруженосец, – Я – Том Сесиаль, товарищ и друг Санчо Панса, я потом расскажу вам про все козни, хитрости, обманы и интриги, которые привели меня сюда, а сейчас, Санчо, Христом богом прошу, умоляй своего господина не трогать, не оскорблять и случаем не ранить и не убить Рыцаря Зеркал, которого он держит у своих ног, потому что тот, без сомнения, на деле является дерзким и легкомысленно-опрометчивым в своих поступках бакалавром Самсоном Карраско, нашим односельчанином.

К тому времени Дон Кихот, не устававший нависать над поверженным Рыцарем Зеркал, увидел, что тот пришёл в себя, приставил обнаженный кончик своего клинка ему к лицу и сказал:

– Вы мертвец, кабальеро, если не признаете, что непревзойдённая Дульсинея Тобосская по красоте превосходит вашу Вандальскую королеву; и, следовательно, вы должны поклясться, если вы выйдете из этой передраги и останетесь живы, отправиться не в город Вандалов, а в славный город Тобоссо. И вы тогда должны представиться ей посланцем от меня, чтобы она сделала с вами все, что ей заблагорассудится; а если она предоставит вам полную волю, вы будете обязаны вернуться ко мне, (И путеводной звездой ваших поисков будут кровавые следы моих подвигов и деяний, которые верно приведут вас к месту моего пребывания), и рассказать мне, что с ней могло случиться, как она, о чём вы там беседовали наедине, вот таковы условия,

находящиеся в соответствии с теми договорённостями, которые мы установили перед нашей битвой, и которые не выходят за рамки устава блукающе-бродячего рыцарства!

– Я признаю, – сказал этот джентльмен, – что потрепанные и грязные шарпетки сеньоры Дульсинеи дель Тобосо стоят больше, чем плохо причесанные, хотя и чистые патлы Касильдеи Вандалльской, и я обещаю приходить и уходить из её присутствия в ваше и наоборот, попутно давая вам полный и подробный отчет о своих действиях, в общем, всё, что вы у меня попросите.

– Также вам надлежит поверить мне и признать – сказал Дон Кихот, – что тот рыцарь, которого вы победили, не был и не мог быть Дон Кихотом де ла Манча, а был кем-то другим, похожим на него, я же готов признать, что вы, хотя и выглядите бакалавром Карраско, на самом деле не он, а кто-то другой, на кого вы похожи, как две капли мочи, и что в этом случае недруги мои – колдуны и маги придали вам видимость Самсона Каррасков, и всё это затем, чтоб было возможно усмирить тот вулканический взрыв ярости, который вызвала аша наглость, а я имел бы возможность успокоиться и с кротостью принять знаки моей славной победы!

– Во всем признаюсь, принимаю в досужее рассуждение и ощущаю, в той же мере, как вы сами в это верите, судите и чувствуете! -ответил побеждённый Рыцарь Зеркал, – Позвольте же мне подняться, умоляю вас, если это вообще возможно из-за удара кулаком, который снёс меня с седла, в результате чего я жутко расшибся и подвергся жестокому обращению!

Дон Кихота и Тома Сесиаль принялись поднимать Самсона Карраско с земли, а Санчо с пристрастием принялся допрашивать оруженосца, не отводя от того глаз, и задавал вопросы, из ответов на которые явствовало, что это на самом деле был его односельчанин Тома.

Это произошло в декабре, но опасение Санчо в правоте его хозяина, что чародеи превратили Самсона карраско в Рыцаря Зеркал, а потом снова в бакалавра Карраско, не позволило ему поверить в истину, которую он видел своими глазами. В конце концов, они остались с этими сомнениями, хозяином и слугой, а незадачливый Рыцарь Зеркал и его оруженосец, понурые и побитые, отправились в другое место, где можно заняться синяками и сломанными рёбрами. Дон Кихот и Санчо снова продолжили свой путь к Сарагосе, где их и оставила история, с донесением, кем был Рыцарь Зеркал и его великолепный оруженосец.

Глава XV

Где рассказывается и сообщается о том, кем был Рыцарь Зеркал и его оруженосец

Дон Кихот был страшно доволен, горд и упивался тщеславием всвязи с Викторией, одержанной таким храбрым рыцарем, как он над таким прославленным бойцом, ка Рыцарь Зеркал, по рыцарскому слову которого он надеялся узнать, подействуют ли чары его сиятельства на божественную Дульсинею Тобосскую, поскольку ему было обещано, что побеждённый рыцарь неизбежно вернётся, чтобы рассказать ему о том, что с ней случилось. «А если он не вернётся, то какой же это рыцарь?» – подумал Дон Кихот. Но одно думал Дон Кихот, а совсем другое – Рыцарь Зеркал, поскольку в то время его мысли были заняты ничем иным, как поиском, как уже было сказано, где бы спрятаться, отлежаться и зализать раны.

Итак, история гласит, что когда бакалавр Самсон Карраско, прежде чем насоветовать Дон Кихоту вернуться к своим рыцарским обязанностям, уединился в кабинете вместе со священником и цирюльником, дабы изыскать поводы и средства, какие можно было бы предпринять, чтобы заставить Дон Кихота спокойно сидеть у себя дома, и избавить его от этих злополучных приключений; в результате которых, по общему мнению всех собравшихся и, в частности, Самсона Карраско, чей совет исходил из того, чтобы отпустить Дон Кихота восвояси, потому что задержать его казалось совершенно невозможным делом, с тем, чтобы потом, он, Самсон Карраско отправился следом за Дон Кихотом в погоню и навязал странствующему рыцарю бой, поводов для которого в подобных обстоятельствах – пруд пруди, и одержал над ним победу (каковая виктория представлялась участникам совещания делом не только реальным, но даже решённым), предварительно уговорившись и сделав соглашение, что побеждённый обязан сдать на милость победителя, и победивший Дон Кихота переодетый Самсон Карраско поставит своим условием Дон Кихоту вернуться домой в свою деревню, дабы в течении двух лет тому было предписано не покидать места своего проживания без особого распоряжения, причём всем участникам этого высокого собрания было ясно, что Дон Кихот неукоснительно выполнит данное им обещание, ибо почитает устав бродячего рыцарства своей главной святыней, и там, в подневольном своём заточении постепенно забудет о своих былых и будущих сумасбродствах, а если нет, там, по месту будет найдено новое средство остановить его болезненную манию и воспрепятствовать его новому бегству.

Самсон Карраско своим решением утвердил это предложение и предложил взять своим оруженосцем односельчанина Тома Сесилья, приятеля и соседа Санчо Пансы, шутника и пустослова, каких свет ни видывал.

Нам уже известно, как экипировался Самсон Карраско, а что касается Сесилья, то он приладил к своему натуральному носу уже упоминавшийся приставной поддельный театральный шнобель, чтобы его не мог узнать приятель, когда они встретятся, и в таком виде они продолжили по той же дороге то же путешествие, что и Дон Кихот вместе с Санчо Пансой, и едва по пути не встряли в заваруху при» Колеснице Смерти».

В конце концов, они встретились с ними в лесу, где всё и произошло, – всё, что уже прекрасно известно благоразумному читателю; и если бы не необыкновенные мысли Дон Кихота, который вдолбил себе в голову, что бакалавр – это не бакалавр, бакалавр навсегда лишился бы возможности получить диплом бакалавра, потому что когда ищешь одно, не обижайся, если обретёшь совсем другое!

Тома Сесиль, которому и объяснять не надо было, как плохо закончились их поползновения и в каком плохом положении они оказались на своем пути, сказал бакалавру:

– Кстати, без обиняков говоря, сеньор Самсон Карраско, мы получили по заслугам, так нам и надо – с легкостью задумывается любое дело, но чаще всего как трудно потом выкарабкаться из него. Дон Кихот – истинный сумасшедший, мы же остались в здравом уме, и меж тем он уходит здоровым и смеющимся, в то время, как ваша милость бредёт, будучи избитой и в грустных чувствах! Итак, давайте теперь поразмыслим, кто более безумен: тот, кто безумен в силу болезни, потому что иным и быть не может, или тот, кто безумен по своей воле?

На что ответил ему Самсон:

– Разница между этими двумя сумасшедшими в том, что тот, кто сумасшедший по своей природе, тот и останется сумасшедшим, даже если Земля полетит и в тар-тары, а тот, кто прикинулся сумасшедшим, тот может стать здоровым, когда захочет!

– Ну, как? – сказал Тома Сесилья, – Я-то по своей воле свихнулся, когда захотел стать оруженосцем вашей милости, и по той же причине я хочу перестать быть рёхнутым и желаю поскорее вернуться в свой дом!

– Сам решай! – ответил Самсон Карраско, – Зато я, пока не отделаю Дон Кихота под орех, домой не вернусь, туда теперь мне путь заказан, значит придётся мне его преследовать не с целью водворить в здравый ум, а для того, чтобы отомстить ему и выбить из него остатки здравого смысла, ибо боль в сломанных рёбрах – лучший резон, чтобы навсегда отказаться от человеколюбия и благости!

Так проводя время в благочестивых речах, они вдвоём приехали в деревню, где благодаря удачи им сразу удалось найти костоправа, с которым он вместе учился, когда тот был безродным ублюдком, и костоправ оказал ему посильную помощь. Тома Сесилья же сразу покинул его и вернулся домой. Оставшись в одиночестве, Самсон Карраско принялся обдумывать, как ему отомстить, и хотя история ещё к нему вынуждена будет вернуться, нам выпадет теперь удовольствие разделить с Дон Кихотом его ликование и радость.

Глава XVI

О том, что произошло меж Дон Кихотом и довольно неприметным рыцарем из Ла-Манчи

С радостью и душевным подъёмом, ужасно усталый, как уже было сказано, следовал Дон Кихот своей дорогой, воображая себя благодаря прошлой Виктории самым отважным странствующим рыцарем всех времён и народов, а мир казался ему законченным и доведённым до конца собранием всех приключений, какие должны выпасть ему в будущем. Все подвиги мира казались ему осуществлёнными и увековеченными в бронзе. Теперь он ни в грош не ставил ни колдунов, ни магов, а чары чародеев; просто смешили его своей мелкотравчатостью, он не уже не помнил ни бесчисленных палок, которые ему выпадали на его долю во время его давнишних рыцарских походов, ни камней, которыми охаживали его враги, выбив половину зубов, ни неблагодарности каторжных галеотов, ни дерзости и града дубинок янгуазцев. Наконец в итоге этих размышлений он счёл что, если бы он нашёл искусный ход, способ или приём, благодаря которым ему удастся расколдовать свою госпожу Дульсинею, он не пошел бы на другие величайшие предприятия, какие ещё могли бы выпасть на его долю, дабы он мог стать самым отважным странствующим рыцарем прошлых веков. Он с головой был погружён эти фантазии, когда Санчо сказал ему:

– Синьор, как вам такое? Я до сих пор вижу перед своими глазами уродливые носы моего кума Тома Сесилья, кажется они стали ещё огромнее и причудливее!

– И ты веришь, Санчо, чёрт мог так пошутить, что Рыцарь Зеркал оказался бакалавром Карраско, а его оруженосец Тома Сесиль, твой кум и приятель?

– Никаких «что»! Мне нечего сказать на это! – ответил Санчо, – Но кому другому удалось бы даложить такие приметы моего дома, жены и детей, это мог знать только я и он, а лицо, если не считать этого дурацкого носа, было таким же, как у Тома Сесилья, я много раз видел его в моей деревне и разговаривал с ним почти каждый день, да и его дом стоит бок-о-бок с моим, да и говорил от точно так, как Тома Сесилья.

– Давай поговорим начистоту, Санчо, – сказал Дон Кихот, – Послушай меня, ну, скажи мне, какого рожна бакалавру Самсону Карраско нужно было переодеваться странствующим рыцарем, волочить с собой всё это тяжеленное оружие и вызвать меня на поединок? Я, что, был ему каким-то врагом? Он, что, давал мне какие-то подножки, чтобы я подглядывал за ним?? Это я его соперник, или он мой? Я профессионально владею оружием, чтобы не упустить славу, которую я благодаря ему завоевал!

– Ну, и что вы скажете, сеньор,.. неужели этот рыцарь, кем бы он ни был, может быть так похож на бакалавра Карраско, а его оруженосец – на Тома Сесилья, моего куманька? И если это и есть колдовское очарование, как сказала ваша милость, то неужели в мире нет двух других, на кого бы они были похожи?

– Это все выдумки и враки, – отвечал Дон Кихот, – тех злых волшебников, постоянно преследующих меня, тех, которые, прежде чем я должен был одержать победу в битве, не допустили, чтобы побежденный рыцарь увидел лицо моего друга бакалавра, потому что дружба, которую я питаю к нему, оказалась между острием моего меча и строгостью, с которой я его защищал, а им, этим исчадьям дьяволе, необходимо было спасти жизнь того, кто покушался на мою! Тебе, Санчо, доказательства не нужны, тебе прекрасно известно по опыту, а опыт не пропьёшь, он никогда не солжёт в том, что магам и волшебникам раз плюнуть подменить одно другим, и прекрасное подать уродливым, и напротив, уродливое сделать прельстительным, не далее, как два дня назад ты своими глазами лицезрел красоту и прелесть несравненной моей Дульцинеи во всей её красоте и целостном облике, и ты сам свидетель, что я видел

простую, уродливую селянку с выпученными, тусклыми глазами и неописемым запахом изо рта, и сам знаешь, если нашёлся волшебник, отважившийся сделать такое превращение, то что удивительного в том, что он же превратил неизвестного рыцаря в Самсона Карраско, а его оруженосца превратил в твоего куманька, поскольку он и желал лишить меня лавров победителя. Но при всём этом я утешаю себя, потому что, в конце концов, какой бы фигурой я ни был, я одержал победу над своим врагом.

– Одному богу где тут правда! – ответил Санчо.

И так как Санчо не понаслышке знал, что превращение Дульсинеи состоялось лишь благодаря его собственному волшебству и плутням, он не удовлетворился пустыми домыслами своего хозяина, но и не хотел никому перечить, чтобы случайно не проболтаться, и правда не вылезла наружу.

Вот так они и продолжали лениво перебрёхиваться, когда я их нагнал человек, который ехал мимо той же дорогой на очень красивой гнедой кобылке. Одет он был в плащ из тонкой зелёной ткани, отороченный коричневым бархатом, с верхом из того же бархата; на голосе сдел широкий бархатный берет, сбруя кобылы была просто, деревенской, а седло на кобыле – в том же стиле, что и на наседнике. фиолетовое с зелёным, широкая, зелёная с золотым отливом перевязь увенчивалась кривой мавританской саблей, и даже полусапожки его были отделаны точно так же, как перевязь, и шпоры были не такие, как у всех, не вызолоченные, а покрытые густым зелёным лаком – они были так нафабрены и отполированы, и так дополняли роскошь его наряда, что производили впечатление лучше золотых..

Наседник, поравнявшись с путниками, вежливо поприветствовал их, после чего легко пришпорил коня и уже готов был проехать мимо, и уже поскакал было прочь, когда Дон Кихот обратился к нему:

– Любезный сеньор! Может статься, что вы держите путь в то же место, что и мы, и ежели вы не слишком торопитесь, то не изволите ли тогда продолжать путь вместе!

– Честно говоря, я не стал задерживаться вблизи вас только потому, что опасался, что ваш конь может взбудоражить общество моей кобылы! Я боюсь, что ваш конь не слезет с моей кобылы!

– Вполне возможно, я знаю, что такое возможно, – ответил этот раз Санчо, но вы вполне можете доверить поводья своей кобыле, потому что наш конь – самое честное и самое скромное четвероногое в мире: ни в чём таком, что может замарать его честь, он никогда замечен не был, нив каких-либо подлостях и шашнях не бл уличён, только один раз с ним что-то случилось и он повёл себя столь здорово, и тогда нам с другом пришлось туго. Я повторяю, что если вашей милости будет угодно, вы можете не торопиться, хоть обмажьте вашу кобылу мёдом, наш конёк на неё и внимания не обратит!

Путник натянул поводья, восхищенный смелостью и вдохновенным лицом Дон Кихота, который ехал без шлема, когда Санчо нес его, как чемодан, привязав на передке седла своего осла, и если на Дон Кихота всадник в зелёном смотрел с любопытством, то на Дон Кихота Зелёный взирал с нескрываемым изумлением, полагая, что видит совершенно уникальное явление.

На вид всаднику зелёному можно было дать лет пятьдесят, он был уже слегка седоват, нос имел выступающий, орлиный, с лица его не сходило весёлое и в то же время важное выражение, одним словом, при рассмотрении фигур, лица и наряда этого человека можно было сказать, что перед нами человек с хорошим воспитанием и манерами.

Что касалось всадника в зелёном, то можно уверенно сказать, что облик Дон Кихота тоже чрезвычайно прилёк его внимание, ибо ему никогда в жизни не приходилось встречаться с людьми такой экзотической наружности, ему никогда не встречались собеседники с такими манерами и внешностью, и прежде всего его поразила величина и костистость лошади Дон Кихота, обратил он внимание и слишком длинную и худую шею, длину рук, худобу и желтизну его лица, поразила его оружием, уверился в скрытом самообладании и подивился осанке

и телодвижениям – характеристикам, в те времена невиданным в той земле. Разумеется, от Дон Кихота не укрылось, с каким пристальным вниманием путник смотрел на него, и он даже угадал его желание побольше выведать о собеседнике. И поскольку Дон Кихот был человеком воспитанным, вежливым и таким учтивым, что всем хотел понравиться, он сам, скажем так, не дожидаясь от собеседника никаких опросов, сам приступил к разговору:

– Я совершенно не был бы удивлён, если бы вас заинтересовала моя фигура, поскольку понимаю, насколько она необычна и нова для взгляда со стороны. Однако внешность не должна вводить вас в заблуждение, ибо я сразу ставлю в известность, что я из числа тех рыцарей, что стяжали себе мировую славу исканием подвигов и приключений! Ради этих высоких целей я покинул мою родину, оставил моё поместье, презрел досуг, и отдал себя в объятия Фортуны, полагаясь на её потворство в том, что она поведёт меня, куда ей будет угодно! Я хотел воскресить из мира теней уже мертвое бродячее рыцарство, и прошло уже много дней, как я спотыкаясь, падая, теряя сознание и снова поднимаясь в бой, начиная с зарёю, встав с постели, я каждый день исполняю свой долг, помогая вдовам, покровительствуя девицам и оказывая предпочтение замужним, сирм малолеткам, что является естественным и естественным занятием всех странствующих рыцарей; и поэтому, благодаря моим храбрым, доблестным и воинственную христиански подвигам, я удостоился чести стать героем книги, которая разошлась по сет на многих христианских языках мира. Этой моей истории было напечатано тридцать тысяч томов, и дело движется к тому что она должна быть напечатана в тридцать тысяч раз большим количеством, если небеса не помешают свершится этому. Наконец, подводя итог моей краткой речи, дабы более не задерживать вашего драгоценного внимания ивразить всё в нскольких словах, я говорю, что я Дон Кихот из Ла-Манчи, поименованный семи остальными так называемым Рыцарем Печального Образа, и поскольку самовосхваление унижает, ту случай, когда без похвал себе не обойтись, и я вынужден сказать, что, может быть, и больше сказанного, и вы должны понять и запомнить, когда я говорю, что я Дон Кихот из Ла-Манчи, потому что мире нет никого, кто бы подхатил мои слова! Итак, милостивый государь, ни этот конь, ни это копье, ни этот щит, ни мой оруженосец, ни всё это вместе взятое, включая оружие, ни желтизна моего лица, ни моя слабая рука, ни худоба тела не должны вас смущать и удивлять, ибо вы теперь знаете непонаслышке, какую миссию я выполняю.

Произнеся это, Дон Кихот замолк и тот, что в зеленом, секунду медлил с ответом, казалось, что он не потерялся и не знает, что сказать, но потом, все-таки собравшись духом, он сказал:

– Вы правильно поступили, сэр рыцарь, с места в карьер сообщив мне всё, что могло удовлетворить мои вопросы и недоумение, но видит бог, я продолжаю пребывать в величавшем удивлении, если не сказать больше, причина в том, что я вас увидел, и теперь, поскольку, как и вы, я знаю, кем вы являетесь, но, несмотря на это, я остаюсь еще более взволнованным и изумленным. Возможно ли, и возможно ли, что сегодня в мире есть странствующие рыцари, и что есть печатные романы о реальнх странствующих рыцарях? Я до сих пор в шоке и не могу убедить себя в том, что сегодня на земле есть те, кто благоволит вдовам, покровительствует девицам, чтит замужних и помогает сиротам, и я бы не поверил в это, если бы по своей милости не увидел этого своими глазами. Благословенны небеса, ибо с появлением этой историей, которая, как в утрерждаете же отпечатана и о которой говорит Ваша Милость под впечатлением от Вашего высокого и истинного рыцарственного благородства, наконец будут преданы забвению бесчисленные мнимые странствующие рыцари, которыми до вас был полон мир, вместе с их выдуманными историями, настолько увлеченный хорошими обычаями и настолько увлекательными, что в них никто никогда не верил!

– Мне есть что сказать по этому пооду, – тветил я. Дон Кихот, – Не нам, сирым, судить о том, выдуманы или нет истории о странствующих рыцарях.

– Ну, кто бы сомневался, – ответил Зеленый, – что такие истории не выдумка?

– Я первый в этом сомневаюсь! – ответил Дон Кихот, – И чего бы мне здесь хотелось добавить, так это только то, что, если наш день затянется, как я надеюсь милостью божьей, у меня будет время, чтобы дать понять вашей милости, что она поступила неправильно, пустившись вплавь с теми, кто считает, что это неправда.

Последние заявления Дон Кихота намекнули его спутнику, что Дон Кихот, должно быть, слегка не в себе, и он опасался, что другие высказывания могут только подтвердить это, но прежде чем они углубились в другие рассуждения, Дон Кихот попросил его вкратце рассказать о себе, о своём происхождении, звании, занятиях и образе жизни.

На что Зелёный ответил:

– Я, уважаемый сеньор Рыцарь Печального Образа, являюсь единственным идальго места, куда мы теперь едем, надеюсь отобедать вместе с ами, если бог даст, там нам подадут! Я более чем богат, и меня зовут Дон Диего де Миранда, я живусо своей женой, с детьми и вожу время с моими друзьями, мои основные занятия-охота и рыбалка, но я не держу ни ястребов, ни борзых, а дома держу домашних куропаток и хорьков. У меня есть до шести десятков книг, в основном романтических и отчасти исторических, некоторые душевноспасительные книги. Я предпочитаю сочинения по преимуществу светские, однако рыцарские романы до сих пор не переступали порога моего дома. Я предпочитаю духовным книгам сочинения по преимуществу светские, хотя и не выходящие за рамки благопристойности и хорошего вкуса, книги, которые окрыляют душу, славятся чистотой слога и поражают воображение своей фантазией, сюжетом и выдумкой, – однако, должен признать, что в Испании таких книг с гулькин нос. Иногда я обедаю со своими соседями и друзьями, а часто и приглашаю их на званые вечера, должен сказать, совсем не скудные, я не люблю роптать и не восторге, чтобы предо мной преклонялись или роптали; я не копаюсь в чужих делах и жизнях, а тем более не слежу за делами других, я слушаю мессу каждый божий день, я делю своё имущество с бедняками, не выставляя напоказ добрых поступков, и не впускаю в свою душу лицемерие и тщеславие, гоню врагов, которые мягко стелют, но не дают спать, я стараюсь умиротворить тех, кто страдает, полагаясь на то, что пусть мы несчастны, но я, будучи предан молитве, всегда должен уповать на бесконечную милость Божью, милость неизреченного нашего Господа. С превеликим вниманием Санчо выслушал рассказ идальго, осветивший его жизнь и развлечения, и ему казалось, что это была добрая и святая жизнь, и что тот, кто проповедует такую жизнь и живёт ею, по праву – истинный чудотворец, и при этом он так расчувствовался, что соскочил с коня и с большой поспешностью подошел к правому стремени Зелёного, и с преданным лицом и почти с гримасой нежности стал многократно целовать его ступни.

Увидев это, идальго отшатнулся и спросил его:

– Что ты делаешь? Привет, братан! Что за поцелуйчики среди дня?

– Дайте мне поцеловать ваши ноги! Потом отвечу! – возопил Санчо, – Ибо ваша милость, признаюсь, я первый раз в жизни вижу истинного святого, да и к тому же верхом на коне!

– Я не святой! – ответил идальго, – Я великий грешник, а ты, брат, должны быть человек хороший, как показывает твоя искренность и простота!

Санчо снова забрался на осла, взялся за алебарду, вызвав смех, выравшийся из глубочайшей печали сердца своего хозяина и вызвав новый прилив восторга Дона Диего. Дон Кихот меж тем спросил, сколько у него детей, и отметил, что одна из вещей, в которых древние философы, не обладавшие истинным знанием Бога, больше всего преуспевали, заключалась в природных благах, в благах богатства, в том, чтобы иметь много друзей и детей, да, прежде всего в том, чтобы иметь много хороших детей.

– А у меня, сударь, – сказал Дон Кихот, – есть только один сын, который, если его не будет, не взовет у меня никаких чувств, и пожалуй я был бы гораздо счастливее, чем я есть, если бы его у меня вовсе не было, и не потому, что он плохой, а потому, что он не так хорош, как мне хотелось бы. Сир, он восемнадцатилетний оболтус, все шесть лет он провёл в Саламанке,

изучая латинский и греческий языки, и когда я хотел, чтобы он перешёл к изучению других, более серьёзных наук, он презрел мои советы и настолько глубоко погрузился в поэзию, если это вообще можно назвать наукой, что невозможно заставить его вернуться к правоведению, которое я хотел бы видеть венцом его занятий, чтобы он его изучил, равно как и королеву всех наук – теологию! Я хотел бы быть светочем моего рода, потому что мы живём в век, когда наши короли высоко ценят добродетель, ораторское искусство и хороший слог, потому что хороший слог без добродетели – это жемчужина в навозе. Весь день у него уходит на то, чтобы выяснить, хорошо или плохо сказал Гомер в том или ином стихе своего послания, был ли Марциал непристойен или нет в той или иной эпиграмме, как следует, так или иначе понимать такие-то и такие-то стихи Вергилия, ну и всё такое. Короче говоря, все его беседы посвящены книгам упомянутых поэтов, а также книгам Горация, Персия, Ювенала и Тибулла, современных же романистов и поэтов он не жалуется ни на грош; и, несмотря на весь пиетет, который он проявляет по отношению к романтической поэзии, его сейчас больше всего мучает мысль о том, чтобы добавить блеска к четырём глоссам, присланным ему из Саламанки, и в итоге я думаю, что он намерен рано или поздно засветиться в каком-нибудь литературном диспуте!

На всё это Дон Кихот ответил:

– Известно, что дети – это кусок своих родителей, и поэтому они должны любить их, какими бы хорошими или плохими они ни были, как души, дающие нам жизнь, задача родителей – направить их с малых лет по стопам жизни, добродетели и успеха, дать им хорошее воспитание, образование и добрые христианские нравы, чтобы, когда они станут великими, они были бы достойны старости своих родителей и славы своих потомков; и что касается принуждения их изучать ту или иную науку, я не считаю это правильным, и думаю, что тут следует действовать скорее убеждением, чем приказом, потому что юному ученику почти никогда не приходится заботиться о хлебе насущном, ибо в этот момент его счастье в том, что его во всём обеспечивают родители, и если они видят, что их чадо испытывает тягу к какой-то науке, всё равно какой, лишь бы их интерес был пламенным и искренним, то родителям не следует давить на них, пытаться подправить их выбор, даже если они занимаются поэзией, хотя поэзия не столь полезна, как приятна, при том, что в занятии и изучении её нет ничего зазорного. Поэзия, любезный моему сердцу господин идальго, на мой взгляд, подобна нежной, юной и, во всяком случае, очень красивой деве, которую заботливо одаривают, украшают многие другие девы, которые являют нам все другие науки, и она должна всем этим пользоваться, и всё должно быть разрешено рядом с ней. Да только эта дева терпеть не может, чтобы её трогали, водили по улицам, как шутиху, вывешивали на углах площадей, вставляли в закоулках дворцов. Она создана алхимией такой силы, что тот, кто знает, как с ней обращаться, с её помощью превратит любой металл в червонное золото, и тот, у кого она сейчас гостит, при всём этом должен держать её в узде и не позволять ей растекаться в грубых сатирических песнях или диких сонетах на потребу дня, она никоим образом никогда и нигде не должна продаваться, за исключением только лишь героических поэм, печальных трагедий или весёлых, остроумных комедий, и при этом она ни на минуту не должна оставаться без присмотра и якшаться с ряжеными клоунами, шутами или с невежественными простаками, подобно непросвещённой черни, не способной ни познать, ни оценить сокровища, в ней заключённые. И ты не подумай, что я слово «чернь» употребляю в каком-то вульгарном смысле и только по отношению к простолюдинам и скромным, бедным людям, нет, каждый, кто не знает ей цену, даже если он зрелый и порядочный человек, даже если он князь или король, в противном случае может и должен считаться просто вульгарным отстоем. А тот, кто будет следовать своей путеводной звезде и выполнит требования, о которых я сказал, и будет относиться к поэзии, как к святому Граалю, только тот прославится в веках и его имя останется вечно сиять в памяти благодарных потомков всех стран.

И поскольку я знаю, что ваш сын не слишком ценит романтическую поэзию и, как я полагаю, не дружит с ней, я должен признать, что он не вполне прав в этом, и причина заключается в следующем: великий Гомер не писал на латыни, потому что он был греком, Вергилий не сочинял на греческом, потому что он был латиняном. Короче говоря, все древние поэты писали на том языке, который они впитали с молоком матери и не искали странностей чуждого им языка, чтобы заявить о возвышенности своих амбиций. И раз это так, то было бы разумно распространить этот обычай среди всех народов, чтобы не был отвергнут немецкий поэт, потому что он пишет на своем языке, испанец, пишущий на испанском, бискаец на бискайском, каждый пусть пишет на своём языке. Но ваш сын, насколько я понимаю, сомневается не столько в романтической поэзии, а в испанских поэтах, которые не знают никаких других языков или других наук, которые могут подать мысль, украсить слог и побуждают поток поэзии разливаться естественным образом; мол, другие языки лучше служат для усиления вдохновения их природного дара и толкают его на путь развития и совершенствования. Скорее всего такая убежденность вашего сына ошибочна, ибо, во всяком случае, по общему мнению, поэтами рождаются: можно сказать, только естественным путём, и что только из чрева своей матери поэт выходит призванным поэтом, и склонность к этому искусству дана ему небом, без всяких дополнительных учений или попыток, и именно поэтому он сочиняет вещи, которые делают истинными слова того, кто сказал: «*Est Deus in nobis...*» и так далее.

Я также говорю, что прирождённый поэт, которому не нужно учиться хорошему вкусу в искусстве, и к том же в совершенстве овладевший секретами поэтического мастерства, стоит неизмеримо выше стихотворца, который единственно при помощи овладения секретами технического мастерства вознамерился стать поэтом, и всё это происходит лишь в связи с тем, что искусство даже в самых высших своих образцах не способно превзойти живую Природу – оно может быть лишь её пыльным зеркалом, может использовать её математические закономерности, и лишь от гармоничного сочетания Природы и Искусства рождаются абсолютные шедевры и производится поэт – совершеннейший гений. Какой же вывод мы можем сделать из всего сказанного, любезнейший господин идальго, не тот ли, что разумнее всего было бы вашей милости позволить своему сыну идти туда, куда зовёт его сердце и куда его направляет его звезда, потому что, будучи настолько хорошим учеником, насколько он мог бы быть, и уже с радостью поднявшись на первую ступень мастерства и высших сущностей, а именно на ступень овладения языками, теперь, обладая этим опытом, он наверняка начнёт легко подниматься по лестнице светских наук, легко воспринимая их плоды, которые, присовокупившись к святыням дворянского благородства, к перу и шпаге, ещё более вознесут его, как митры епископов или как мантии возносят сеньоров юриспруденции. Вы должны пожуричь сына, если он совершит поступки, порочащие честь других, например, примется сочинять жестокие сатиры, и ругать властимущих, но если бы он принялся сочинять проповеди в стиле Горация, где тот так изящно обличал пороки в целом, не трогая личности, он, конечно, так сделал бы большой шаг вперёд: потому что, цитирую, поэт должен писать всегда против неправды и в своих стихах плохо отзываться о неправедных, и завистниках, так же, как и о других пороках, сделав своим главным принципом при этом вовсе не касаться личностей, хотя среди поэтов то и дело мелькают отдельные персоны, готовые ради красного словца и возможности тронуть корону на голове какого-нибудь диктатора отправиться в ссылку на острова Понта. Если бы поэт был целомудрен в своих жизненных реалиях, он был бы целомудрен и в своих стихах; перо – это язык души: как поэт задумал своё сочинение, таково оно и будет, и когда короли и правители видят чудесную науку поэзии в исполнении благоразумных, добродетельных и серьёзных поданных, они начинают уважать, ценить и обогащать таких поэтов, и даже венчают их золотыми, солнечными венками от древа, крону коего никогда не оскорбляет божественная молния, в знак того, что не следует обижать стихотворца, чьё чело заслуженно увенчано венком мировой славы!

Восхищенный, и удивлённый потрясающими речами Дон Кихота, Рыцарь в Зелёном Плаще слушал его, открыв рот, проникаясь новым мнением об умственных способностях оратора. А ведь ещё недавно он был совершенно, на все сто процентов уверен, что перед ним человек, совершенно утративший разум! Если бы он знал, сколько раз в течение дня его мнение по этому поводу будет меняться, он бы и сам страшно удивился.

Но на полпути к обеду Санчо, совершенно не интересуясь всеми этими разговорами и сплетнями, свернул с дороги, чтобы попросить немного молока у пастухов, у которых неподалёку была дойка, и только на этом месте идальго, довольный сдержанным поведением и хорошей речью Дон Кихота, хотел возобновить разговор, когда, подняв голову, Дон Кихота увидел, что по дороге, по которой они ехали, навстречу им ковыляет высокая карета, как бочка селёдка – набитая людьми и разукрашенная гирляндами королевских флагов, и, полагая, что это, должно быть, грядёт какое-то новое захватывающее приключение, Дон Кихот громким голосом стал кликать Санчо, чтобы тот помог ему нацепить на голову боевой шлем. Санчо, услышав отчаянные призывы Дон Кихота, тут же бросил компанию пастухов, вскочил на серого и стегнул его, и мигом примчался к своему хозяину, а меж тем там с его хозяином и господином случилась ужасная, ни с чем не сообразная история!

Глава XVII

Которая являет нам безграничные пределы Дон Кихотова мужества и невиданное приключение со львами имеет вполне благополучное завершение

История гласит, что когда Дон Кихот велел Санчо снять шлем, тот торговался, покупая творог, который продавали ему пастухи, и, преследуемый настойчивым воплем своего хозяина, он не знал, что делать, и так и не закончив покупку, он не соображал, что ему делать с этим творогом и в чём его нести. Однако несмотря на несущийся сзади крик, бросить творог ему было жалко, ибо за что деньги уплачены – то твоё, и кушай на здоровье, и рассудив за благо сделать так, как задумано, Санчо сунул творог в шлем своего господина, и довольный правильным своим решением, направился к господину своему Дон Кихоту, дабы узнать, что ему так неможется, и что он так раскричался, а тот сказал прибывшему Санчо:

– Дай-ка мне, дружище, мой шлем; мало ли у меня было приключений, или что там еще чего и мало ли будет такого, что издали кажется приключением, которое бы заставило меня взяться за оружие!

Тот, что был в Зеленой Кепке, стал оглядываться по сторонам, и не обнаружил ничего примечательного, кроме приближающейся к ним повозки с двумя или тремя маленькими флажками и лентами, которые дали ему понять, что такая повозка должна доставлять деньги Королевской казны по назначению Его Величества, и он так и сказал об этом Дон Кихоту, но тот не поверил ему, всегда убеждённый до одури, что всё, что с ним происходило и происходит, было приключениями и супер-приключениями, и поэтому гордо ответил ему святой идалго:

– Вовсе не обязательно затевать бой, но обязательно быть наготове к нему и показывать врагу, что ты готов сразиться, ибо готовый, можно считать, уже наполовин победил и наполовину одолел всех своих врагов! У меня есть жизненный опыт, и я знаю, сколько у меня врагов по всей земле, и я всегда предугадывал, как и в каком обличье они на меня нападут!

И, обернувшись к Санчо, он властным движением потребовал свой шлем, а у Санчо не осталось ни секунды, чтобы вынуть оттуда творог. Дон Кихот, не обратив никакого внимания, что внутри шлема, со всей решимостью натянул его себе на голову, и поскольку творог внутри шлема к тому времени слежался и отжался от тряски, вся эта зелёная сыворotka растеклась по лицу и бороде Дон Кихота, который так испугался, что сказал Санчо дрожащим голосом:

– Что это было, Санчо? Неужто у меня размягчился череп, и расплавились мозги, или я вспотел с головы до пят? И если я и вспотел, то на самом деле не от страха; я, конечно, полагаю, что приключение, которое уже ждёт меня, ужасно. Дай мне что-нибудь вытереться, чтобы обильный пот не застилал мне глаза. Я ничего не вижу!

Санчо подал ему платок, в глубине души возблагодарив Бога, что его пастырь не разобрал., в чём дело.

Стерев жижу с лица, Дон Кихот снял шлем, чтобы посмотреть, в чём дело, и от чего у него закружилась голова, и, увидев белую кашу внутри шлема, потрогал её, потом понюхал, и с отвращением сказал:

– Клянусь жизнью моей возлюбленной Дульсинеи Тобоской, это ты мне засунул творог? Ты выставил меня, предатель и плут, бригадиром шутов и адмиралом сумасшедших рыцарей? Ах, ты, мерзавец и негодяй! Вот я тебя!

На что с превеликим хладнокровием Санчо ответил:

– Если это творог, ваша милость, дайте его мне, я его съем... Но, черт возьми, ваша милость, откуда я мог знать, что дьявол подбросит его вам в шлем! Я, что, такой смельчак, чтобы столь дерзко шутить над вами? Да ни в жизнь! Я знаю, и живу верой в то, что Бог даст мне понять, что у меня есть заклинатели и злые чародеи, которые преследуют меня как верного собрата вашей милости и отчасти вашего порождения и плоть от плоти вашей. Вот они и подсунули эт гадость вашей милости, чтобы разъярить вас и направить ваш гнев против вашего верного слуги, ибо за такие штуки следует, и правда, пересчитывать рёбра! Что ж, по правде говоря, на этот раз их планы все пошли наперекосяк, а, как и прежде полагаюсь на доверие и покровительство моего господина, Надеюсь, что мой господин возьмёт в толк, что у меня не было с собой ни творога, ни молока, ни чего-либо ещё подобного, и учтёт, что если бы всё это у меня было, я бы скорее положил всё в свою сумку, а не в шлем, чёрт бы его побрал!

– Все может быть! – сказал Дон Кихот.

Идальго смотрел во все глаза в величайшем изумлении, особенно после того как Дон Кихот вымыл голову, лицо, бороду и волосы и надел шлем; а потом, твёрдо встав в стремянах, потребовал шпагу и взял копье, сказав:

– А теперь, будь что будет, а я готов и с самим дьяволом схватиться!

Меж тем повозка с вымпелами, в которой не было видно людей, кроме возчика на мулах и человека, сидящего впереди, приблизилась.

Дон Кихот высочил перед ней и заорал:

– Куда вы направляетесь, братцы? Что это за карета? Что вы в ней везёте? Куда путь держите? Что за флаги?

На что возчик ответил:

– Карета моя! В ней транспортируются два храбрых льва в клетке! Их один генерал-губернатор отправил ко двору в подарок Его Величеству! Флаги нашего короля, который наш единый повелитель и господин!

– У! А велики ли львы? – спросил Дон Кихот.

– Самые большие, – ответил человек, который соскочил с передка и поспешил к дверце кареты, – какие только доставлялись из Африки в Испанию, а я – владелец львов, подтверждаю и клянусь, таких больших мне ещё перевозить не приходилось. Это лев и львица; самец в первой клетке, а самка – во второй, оба страшно голодные, потому что сегодня их не кормили, так что, ваша милость, прошу освободить путь, нам нужно поскорее добраться на какой-нибудь постоянный двор, где мы их накормим.

На это сказал Дон Кихот, слегка улыбнувшись:

– Львята против меня??? Пришло время выпустить против меня львят? Что ж, ради всего Святого, все должны узреть это побоище, молитесь все за моё здоровьех, и пусть весь мир решит, боюсь ли я львов! А ну, мил-человек, слезай-ка со своего облучка, и быстренько открывай-ка эти клетки и выгоня этих зверей вон, и здесь, посреди саванны я покажу, кто такой Дон Кихот из Ла-Манчи, и посмотрим, так ли уж хороши маги и волшебники, которые натравили врагов рода человеческого в виде этих львов, которые на самом деле – никакие ни львы, а исчадия рода человеческого.

– Та, та, та! – смекнул тут наш идальго, которого мы знаем, – На нашего доброго рыцаря, нет сомнений, творог оказал страшное влияние, несомненно, размягчил его черепную коробку и выбил из головы остатки мозгов!

Санчо был в это время рядом и сказал:

– Я знаю, как мне призвать на помощь господя, пусть ваша милость сделает так, чтобы мой господин Дон Кихот не связывался с этими львами, что, потому что если этих тварей выпустят на волю, они разорвут нас всех на куски.

– Что ж, неужто ваш хозяин такой сумасшедший, – смутился идальго, – И вы на самом деле боитесь и думаете, что он может связаться с такими свирепыми хищниками?

– Он не сумасшедший! – сказал Санчо, – Но сумасбродный!

– Йоу! Я избавлю его от сумасбродства! – сказал идальго, и, подойдя к Дон Кихоту, который требовал у сторожа под страхом смерти открыть клетки, сказал ему:

– Я знаю, сеньор рыцарь, что странствующим рыцарям подобает встречать в приключения, которые хоть на йоту подадут надежду на благополучный исход, а не в те, в которых нет ни малейшего шанса, ибо храбрость, когда она вступает в юрисдикцию безрассудства, является скорее проявлением безумства, чем храбрости. Тем более, что эти львы против вашей милости ничего не замышляют, я не сомневаюсь в этом: они являются неприкосновенной собственностью его Величества, и невозможно не только останавливать эту процессию, но и мешать этой миссии!

– А, и ты здесь? Вы, недолюбезный синьор недоидальго, подите расскажите это вашей говорящей куропатке и своему боевом хорьку, и не осмеливайтесь лезть в чужие дела! – начал разъяряться Дон Кихот, – Я как-нибудь сам разберусь в своих делах, а вы и предоставьте каждому заниматься своим делом, а я разберусь, натравили ли эти господа заколдованных львов на меня или не натравили!

.И, повернувшись к сторожу, он заорал:

– Клянусь тебе всеми святыми, такой ты сякой-рассякой, подлый мерзавец, что, клянусь, если ты не откроешь клетку сию же минуту, я этим копьём сшибу тебя с телеги!

Возчик, который видел решимость этой фантастической фигуры, сказал ему:

– Будьте любезны, ваша милость, из милосердия господнего, позвольте мне сначала отвязать мулов и спастись бегством вместе с ними до того, как на них нападут львы, потому что, если я потеряю их, и львы их съедят, я останусь в тюрьме на всю мою жизнь, потому что у меня нет другого имущества, кроме этой кареты и этих мулов.

– О хилый слабовер! – отвечал Дон Кихот, перекосившись от презрения, – Смирись и распягай своих мулов и вообще делай, что хочешь, хотя хлопоты твои напрасны и ты мог бы зря не суетиться!

Возница шустро свалился с козел и стал трясущимися руками распягать волов, а сторож неожиданно заговорил громким голосом:

– Призываю всех богов и всех присутствующих здесь в свидетели, что я против своей воли и закона по принуждению вынужден открыть клетки и выпустить львов на волю, с чем я категорически не согласен и выражаю по этому поводу протест этому человеку, и заявляю, что за весь причинённый им ущерб и зло, которые эти звери причинят, огда будут бегать и громить всё вокруг, отвеает только он один, и ему одному придётся компенсировать мои убытки и упущенную прибыль! Вы, сеньоры, будьте любезны, прошу вас, смрочно уматывайте отсюда, до того, как я открою клетки, потому что, я уверен, что меня львы не тронут, а за вас я не отвечаю!

Идальго не уставал измышлять доводы, чтобы уговорить и отвести Дон Кихота от такого безумного шага, которое состояло лишь в том, чтобы искушать Бога, которому самому не пришло бы в голову решиться на такую глупость.

На что ответил Дон Кихот, в том смысле, что «не учите меня жить, и я сам знаю, что делаю»!

Идальго попросил его хорошенько подумать, чтобы он вернулся на землю и понял, к чему дело идёт!

– А теперь, будьте любезны, – повторил Дон Кихот – если ваша милость не хочет быть свидетелем того, что, по его мнению, должно стать трагедией, бросьте это и спасайтесь бегством так, чтобы ветер свистел в ушах!

Тут Санчо с гримасой страдания на лице и слезами на глазах взмолился к Дон Кихоту, чтобы он отказался от такого меродприятия, в сравнении с которым эти лепёшки, ветряные мельницы и кровавые схватки с сукновалами, как и все истории, которые он совершал на протяжении всей своей жизни выглядят сущим детским лепетом.

– Послушайте, сэр, – заверещал Санчо, – что здесь такого хорошего вы нашли? В этом нет ни очарования, ни чего-то стоящего, нет колдовства и магии! Я увидел между решетками и щелями клетки один коготь этой твари, и поверьте, сделал вывод из этого, что это такой львище, который, уж верно, больше, чем баба верхом на кобыле!

– Со страху тебе, уж точно, – ответил Дон Кихот, – он мог показаться ростом с гору! У страха глаза велики, это уж точно! Держись, Санчо! Держись, друг, и угомонись! А если я умру, ты знаешь, что делать – мигом отправляйся к Дульсине, и я больше я тебе ничего не скажу!

– А? Что? Как?

Наконец, когда Дон Кихот обрушил на всех огромную волну горячечного бреда, до всех окружающих стало доходить, что надежды направить энтузиазм Дон Кихота в какое-нибудь мирное русло, отказавшись от нелепо и опасной затеи, несбыточны.

По своей стати идальго в зелёном плаще был гораздо более плотным человеком и мог легко противостоять Дон Кихоту, что сначала и хотел осуществить, но потом, видя, что Дон Кихот лучше вооружён и велик случайный риск пораниться, идущий от явного кромешного безумия этого человека, в конце концов почел связываться с сумасшедшим полным безрассудством. То, что перед ним абсолютный сумасшедший, он уже не сомневался, короче, как только Дон Кихот снова стал наступать на визнию и сторожа к громкими требованиями открывать дверь клетки, зелёный идальго вскочил и пришпорил свою лошадку, чтобы не пришлось нос к носу свидеться с голодными, свирепыми львами. Санчо тоже вскочил на своего серого и устремился следом за ним, заранее уже оплакав гибель своего господина, которого в этот раз, несомненно, посчитал попавшим в лапы львов каестве добычи; он проклинал свою авантюру и час, когда ему пришла в голову эта дуракая мысль снова пойти в ординарцы, но ни плач, ни сожаления, ни удары колотушкой по голове не могли отвлечь его от того, чтобы не нахлёстывать свою бедную скотинку и не уносить поскорее ноги подальше от проклятой кареты.

Убедившись, что идальго и Санчо со всех ног улепётывают от злосчастной кареты, и находятся уже довольно далеко, сторож снова, как и прежде, приступил к Дон Кихоту с воззваниями вернуться в этот мир и заклинал остановиться, однако Дон Кихот твёрдо сказал ему, что все эти бредни он уже много раз слышал, и посему советует сторожу больше не надрываться в просьбах и заклинаниях, он всё равно их не слышит, и сторожу следует не тратить время впустую, а поторопиться с выполнением приказа.

Сторож стал копать с замком первой клетки, а Дон Кихот в это время обдумывал план битвы, как ему благоразумнее повести бой и встретить врага в пешем строю или на коне, и после зрелого размышления решил, что биться он будет пешим, ибо Россинант может быть испуган львами.

С этим посылом он резво спрыгнул с коня, отбросил своё копьё, ухватил щит и с обнажённым мечом, исполнившись потрясающей смелости и отваги, стал перед каретой и неукротимой поступью пошёл на неё, сначала препоручив себя богу, а потом владычице своей Дульсине.

И следует знать, что, дойдя до этого места, автор этой правдивой истории восклицает:

«О сильный, отважный и, превше всех похвал, энергичный Дон Кихот из Ла-Манчи, зеркало, в котором отражаются все храбрецы мира, второй и новый дон Мануэль из Львиногровый, воплощение славы и чести рыцарства Испанского! Где откопать слова для описания столь ужасной охоты, чтобы все грядущие века поверили в них? Найдётся ли в нашем языке гипербола, которая подходила бы для описания того, что гиперболичнее всех гипербол?»

О герой! Пеший, одинокий, идущий всегда напролом и наперекор судьбе, метеор с одним только мечом, с таким тупым, что и собачку не прирезать, с довольно ржавым щитом из бросовой стали, вот он – поджидает и караулит двух самых свирепых львов, которых когда-либо порождали дикие африканские джунгли. Пусть твои же деяния да восхвалят тебя, доблестный ламанчец, я же замолкаю, не имея достойных, которые смогут описать грядущее!

Здесь останавливаются вышеуказанные дифирамбы автора, и продолжая только что прерванную нить повествования, он продолжает:

«Едва сторож заметил, что Дон Кихот преуготовился к страшному поединку, и готовность его, как и ярость столь неумолима, что ему не удастся избегнуть открытия клетки, он с хлопком растворил её настежь, открывая ход двум чудовищам – и первому – льву непомерной, чудовищной величины, страхолюдному монстру с горящими глазами.

При лязге двери лев сразу развернулся в своей клетке, далеко вытянул мощные лапы, потянулся всем своим мускулистым телом, затем разинул пасть и сладко зевнул, языком длинной не менее двух пядей облизнув морду и глаза, после чего острожно и вкрадчиво высунул чудовищную гривастую голову наружу и повёл огненными, злыми, косоватыми глазами по сторонам, и при этом каждое движение его могло вбить любого в ступор и оледенить душу любого завязатого смельчака.

Дон Кихот стоял против него и в упор рассматривал соперника – с нетерпением и жаждой схватки, ожидая мгновение, когда лев соизволит спрыгнуть с повозки и начнёт нападение, а он, Дон Кихот, рукопашную схватку, и у него появится возможность порубить Африканского монстра на куски.

Вот какими крайностями чревато человеческое безумие!

Но великодушный, благородный, гривастый лев повёл себя совсем не так, как ожидалось, а более чем сдержанно, более чем высокомерно, в результате чего, не обращая внимания ни на шутки, ни на браваду вытянувшегося перед ним рыцаря, ни на общее смятение, посмотрев сначала в одну, потом в другую сторону он, как уже было сказано, повернулся своей квёлой задницей к Дон Кихоту, потянулся с ленцой и хладнокровно вытянулся в клетке, облизывая лапу.

Дон Кихот решил раззадовить льва и приказал сторожу пошпынять его колотушкой, чтобы разозлить и заставить выпрыгнуть из клетки.

– Не ждите! Я этого делать не буду! – затрясся от страха сторож, начиная повизгивать, – Стоит мне разозлить его, как он набросится и разорвёт меня на куски, стоит мне его только подстрекнуть, как меня не будет! Сеньор! Вы этого хотите? Ваша милость, будьте человеком, удовольствуйтесь тем, что сделано, помилуйте, от добра добра не ищут – вы уже продемонстрировали беспримерную храбрость, хватит, хорош, не стоит искушать судьбу ещё раз! У него открыта дверь: всё в его руках, вернее – лапах, за ним выбор, выходить или не выходить, но, поскольку он до сих пор не вышел, можно не сомневаться, что он больше и не намерен выходить весь день! Величие вашего духа продемонстрировано полностью, вы хорошо проявили себя, заявили о своих намереньях: удел бравого бойца, секундочку, я подхожу к главному, заключается в том, чтобы бросить вызов своему врагу и ждать его на поле брани; и если противник не выйдет на битву, что ж, вольному – воля, в конечном итоге позор остается на нём, а вышедший на бой получает венец сразу же после истечения срока действия его вызова!

– С тобой не поспоришь! – сказал Дон Кихот, – Закрой-ка, дружок, клетку, и как можно лучше засвидетельствуй всё случившееся здесь, запомни всё, что произошло на твоих глазах, до мельчайших деталей, это должно навсегда остаться в анналах мировой истории, ибо ты сам видел, как я это сделал; как ты мужественно открыл дверь, как я ждал его, как он не выходил, как я ожидал, что он одумается и вернётся, а он испугался и не пожелал выходить на белый свет и вернулся в лежбище, не смотря на все твои потуги выгнать его наружу. Я не могу больше ждать, колдовские чары рассеяны, и Боже, помоги разуму и правде, и потворствуй истинному

рыцарству, а ты закрой, как я уже сказал, клетку на то время, пока я буду взывать нашим отсутствующим беглецам, чтобы они слышали из твоих уст эту благую весть.

Сторожу ничего другого не оставалось, как исполнить его просьбу, и Дон Кихот, насадив на острие копья платок, которым он вытер лицо от творожного дождя, стал звать тех, кто не переставал убежать, вращая головой на каждом шагу весь отряд приближённых идалго, а Санчо, посмотрев на дорогу, где Дон Кихот махал белым платком, сказал:

– Убей меня бог, если мой повелитель не победил этих свирепых тварей, кажется, он нас подзывает к себе!

Все внезапно остановились, и сразу признали, что тот, кто махал платком, был Дон Кихот; и, утратив львиную долю страха, они стали постепенно поворачивать оглобли назад, что скоро отчётливо слышали голос Дон Кихота, который звал их. Наконец они вернулись к повозке, и Дон Кихот сказал извозчику:

– Возвращайтесь, брат, запрягай своих мулов и отправляйтесь в путь, а ты, Санчо, дай им два золотых, один для него, и другой – сторожу, в награду за то, что он для меня сделал, за остановку в пути!

– Я, конечно, дам и очень охотно, – ответил я. Санчо, – но что случилось со львами? Они мёртвые или живые?

Итак, тут сторож, окрылённый таким удачным окончанием битвы, часто и с перерывами, стал рассказывать пережитые схватки, приведшей к концу раздора, преувеличивая в силу способностей и личный героизм Дон Кихота, якобы при одном грозном виде которого лев, понимая, с кем имеет дело и чего стоит кабальеро, испугался, задрожал и даже не хотел выйти из клетки, хотя у него было достаточно времени и свободного места, чтобы это сделать, и что после того, как он, сторож, намекнул рыцарю, что искушать Бога и шпынять льва палкой, вводя его в ярость – значит испытывать терпение Господне, хотя храбрый кабальеро именно того и добивался, чтобы лев разозлился, и будучи не в своей тарелке, бросился против всей своей воли на героя, Дон Кихот наконец позволил закрыть клетку.

– Что ты думаешь об этом, Санчо? – спросил Дон Кихот, – Есть ли чары, которые противостоят истинной храбрости? С некоторым успехом чары могут лишить меня удачи, но сломить мою волю они не в силах!

Санчо отдал деньги, извозчик бросился запрягать мулов, в то время как сторож норovil за оказанную милость еловать Дон Кихоту руки, и клялся рассказать об этой отважной вылазке самому королю, когда он появится при дворе.

– Ну, если Его Величество спросит, кто это сделал, скажите, что это сделал Рыцарь Львов, потому что отныне яслагаю с себя поименование Рыцарь Печального Образа и возлагаю на себя имя Рыцаря Львов! В этом я следую старому обычаю странствующих рыцарей, которые меняли имена, когда хотели, или когда обстоятельства подводили их к этому.

Наконец повозка тронулась в путь, а Дон Кихот, Санчо и Рыцарь Зелёного Плаща, продолжили свой путь. За все это время дон Диего де Миранда ни словом не обмолвился с остальными, лишь всё более внимательно следя и отмечая поступки и слова Дон Кихота, и при этом он задавался вопросом, кто перед ним – здравомыслящий сумасшедший и безумец, или безумный умник. Первая часть рассказа о славных приключениях Дон Кихота ещё не дошла до него, хотя, прочитай он её загодя, ему было бы не избежать всё время испытывать удивление от Дон Кихотовых поступков и речений, и тогда бы он поневоле раскумекал, какая форма сумасшествия овладела Дон Кихотом. И поскольку он не был хорошо осведомлён этой историей, то не знал, что ему думать и постоянно менял своё мнение, ситая того то сумасшедшим, то здоровым, ибо речь Дон Кихота всегда была красива, разумна и вразумительна, меж тем, как действовал он импульсивно и неумно.

Таим образом идалго ничего не оставалось, как рассуждать наедине с собой:

– Возможно ли большее безумие, чем напялить на голову шлем с творогом внутри и потом вообразить что залинатели и волшебники своими сарами размячили тебе мозг? И что может быть большим безрассудством и глупостью, чем желание несмотря ни на что сразиться со львами?

А Дон Кихот, выйдя в этот момент из состояния глубокой задумчивости, сказал так:

– Кто бы сомневался, я уверен, что дон Диего де Миранда, ваша милость, почитает меня сумасшедшим и донельзя взбалмошным человеком? И это не так уж удивительно, поскольку по видимости мои дела не могут свидетельствовать ни о чём другом! Что ж, при всем этом я хочу, чтобы ваша милость всё-таки признала, что я не такой уж сумасшедший и не такой слабоумный, каким, должно быть, кажусь вам! Что ж, в глазах своего короля некто выглядит как доблестный рыцарь посреди большой площади, когда с ликованием и радостью бросается на свирепого быка; и рыцарь, вооруженный сверкающим оружием, который в веселых, свежих нарядах гарцует перед дамами, тоже хорош, и хорошо выглядят все те рыцари, которые на военных учениях или на чём-то подобном, развлекают и веселят публику и, если можно так выразиться, чествуют придворных этого двора; и они – это рыцари развлечения и веселья, они лишь развлекают и веселят своих начальников, но выше всего этого, как скала, стоит одинокий странствующий рыцарь, который в какой-нибудь пустыне, в одиночестве, на перекрестках дорог, в джунглях и в горах, ищет опасных приключений с намерением протянуть руку помощи сирому и потерянному человеку, например, какой-нибудь несчастной вдовице, и только этим он чаёт достичь доброй и прочной славы. Я имею в виду, что лучше быть странствующим рыцарем, спасающим вдову в безлюдном месте, чем придворным рыцаришкой, рыскающим по людному городу в поисках какой-нибудь девицы. У всех рыцарей есть свои особые обязанности: прислуживать придворным дамам; разрешать придворным своего короля носить ливреи; слать бедным собратьям-рыцарям изысканные блюда со своего стола; устраивать честные поединки, проводить турниры и организовывать большие и великолепные празднества, и самое главное – оставаться добрым христианином, всегда быть на стороне добра – таким образом он и выполняет свой долг! Но странствующий рыцарь ищет как правило неведомые, тайные уголки мира, пробирайтесь по самым запутанным чащобам и лабиринтам, совершая на каждом шагу невозможное; выдерживая в пустынях палящие лучи Солнца в летом, а зимой не сгибаясь в суровые ветры и мороз, и всё это, не пугаясь на львов, ни демонов, ни мертвецов, один вид которых способен напугать любого, не боясь даже свирепых андрияков, потому что его главная обязанность в том и состоит, чтобы за первыми охотиться, вторых подстергать и поергать их всех подряд без изъятия!

Итак, поскольку мне посчастливилось стать одним из первых странствующих рыцарей, я не могу не заниматься только тем, что мне нравится! Я должен блюсти возложенные на меня всем славным странствующим рыцарством обязанности! Мне кажется, стычка со львами подпадает под юрисдикцию моих упражнений и нападение на львов было моей прямой обязанностью, хотя я понимал, какое это дикое безрассудство, однако мне прекрасно известно, что такое храбрость, поясняю – храбрость это такая странная добродетель, которая находится между двумя непрелемлемыми, каковы называются Трусостью и Безрассудством. При этом настоящему рыцарю по совести следует выбрать в случае особых обстоятельств безрассудство, чем трусость. Вот почему лучше быть либералом, чем скрягой, вот почему безрассудному легче превратиться в храбреца, чем трусу подняться до высот истинной храбрости. И, уверяю вас, в этом деле, связанном с приключениями, поверьте мне на слово, сеньор Дон Диего, здесь лучше пересолить, чем недосолить, потому что фраза «Вот этот рыцарь безрассуден до верзости!» звучит лучше, чем жалкое «А вон тот труслив и малодушен»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.